

Труды Института Русской Геополитики

Выпуск 25

Два Ивана

Москва
2025

ББК 51.230

Д 14

Д 14 **Два Ивана.** – Москва, 2025. – 308 с.

Научный редактор – полковник, к.ф.н. В.Л. Петров

Книги «двух Иванов»: Солоневича и Ильина, безсомненно, укоренились в нашем национальном «каноне». Посему, после выхода 2-х тт. «Страстей по Ильину» и «Солоневичевского Сборника», Издатели сочти благополезным и благоуместным довершить сию серию книг «сводным томом» касаемо «Двух Иванов».

Содержание

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ.....	4
Олег Шульга. ОСВЕЩЕНИЕ БИОГРАФИИ И ТВОРЧЕСТВА	
И.А. ИЛЬИНА И И.Л. СОЛОНЕВИЧА В СОВРЕМЕННЫХ СМИ.....	6
о.Р.Б. МАЛОЕ СЛОВО О БРАТОЛЮБИИ И НЕДОСТАТКЕ ОНОГО....	45
Константин Панфилов. ПРИЧИНЫ РЕВОЛЮЦИЙ 1917 ГОДА	
В ТРУДАХ И. А. ИЛЬИНА И И. Л. СОЛОНЕВИЧА:	
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ.....	48
Алексий Широпаев. ПРОРЫВ.....	54
Николай Бердяев.АНТИХРИСТИАНСКАЯ	
АНАРХО-КОММУНИСТИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ	
РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 Г.	69
Бернард Як РАЦИОНАЛЬНОСТЬ ГЕГЕЛЕВСКОЙ	
КОНЦЕПЦИИ МОНАРХИИ.....	78
Георгий Павленко. РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД ЦИТАТАМИ	
ИЗ ГАЗЕТНЫХ СТАТЕЙ И.Л. СОЛОНЕВИЧА.....	112
Иван Солоневич. ЦАРЬ И НАРОД.....	121
Иван Солоневич. УБИЙЦЫ, ЦАРЕУБИЙЦЫ, САМОУБИЙЦЫ.....	129
Иван Солоневич. МОНАРХИЯ И ШТАБС-КАПИТАНЫ.....	136
ДОПОЛНЕНИЕ К СОЛОНЕВИЧУ.....	164
Димитрий Пилипчук. КОНЦЕПЦИЯ ИВАНА ИЛЬИНА	
О СОПРОТИВЛЕНИИ ЗЛУ СИЛОЙ И РУССКАЯ	
ХРИСТИАНСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ТРАДИЦИЯ.....	200
Кирилл Монастырский. ЧЁРНЫЙ БАРОН БЕЛОЙ ИДЕИ.....	217
Фауст Патронов. ОТ ГЕГЕЛЕВЩИНЫ	
ДО БЕЛОГВАРДЕЙЩИНЫ.....	222
Алексий Ставровский. ЕВГЕНИЙ РОДИОНОВ.....	243
Эдуард Юрченко. МЯТЕЖ-ВОЙНА И УКРАИНА.....	245
КРЕСТ НА ДЬЯВОЛА, МЕЧ НА КРАСНЫХ ДЬЯВОЛЯТ!.....	250
Джон Ламонт. РУССКИЙ ФИЛОСОФ АЛЕКСАНДР ДУГИН:	
ЗАЩИТНИК ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ	
ИЛИ ОПАСНЫЙ ОККУЛЬТИСТ?.....	257
IS HE NOT REALLY A PARODY?.....	273
ДВА ИВАНА: О ПРЕДЫДУЩИХ ТОМАХ ДАННОЙ СЕРИИ.....	281
СТРАСТИ ПО ИЛЬИНУ. ВЫПУСК 2.....	294

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ

У Русских в XX веке наработался свой национальный «свод текстов», с которыми даже если не знаком – тебя обязательно познакомит Судьба… На подобную мысль навело прочтение биографию брата А.Т.Твардовского – Ивана (ещё одного «Ивана»!). Финский плен, побег в Швецию и годы, проведённые русским крестьянином в шведской лютеранской общине, репатриация в Гулаг и внутренняя эмиграция в позднем Совдепе. В автобиографии Иван Твардовский прямым текстом пишет о происхождении по материнской линии из «крестьянствующих дворян» Плескачевских (смоленская шляхта). Отец, Трифон Гордеевич Твардовский, работал в кузнице мастера-поляка. Дед Твардовских, солдат-крестьянин Гордей Васильевич, пришёл в Смоленскую губернию «из западных мест Белоруссии», но был, по всей видимости, не поляком, а русским; западнорусов часто отождествляли с Польшей; так, уже мстиславских крестьян их рославльские соседи называли «поляками». Т.е. родословная Твардовских очень даже имперская и неблагоприятствующая принятию советчины (дворяне-однодворцы по матери, осолдаченные крестьяне по отцу). Что подтверждено судьбами братьев: один, сделав карьеру в советской литературе, стал редактором «либерального» «Нового мира» (рупор советского западничества) и был снят оттуда за крамолу, второй типичный антисоветский (хотя и не белый) русский, с «третьей» (не красной и не белой) «крестьянской правдой» (вполне по Л.Бородину). Читая этот отрывок из автобиографии И.Т. Твардовского (о пребывании в Финляндии), как раз и понимаешь, повторимся, что у Русских в XX веке наработался свой национальный «свод текстов», с которыми даже если не знаком – тебя обязательно познакомит Судьба. «Двое читали какие-то толстые книги, другие — старые журналы.

Поинтересовался, откуда оказались здесь книги; подумал, что не могли ли уцелеть из школьной библиотеки. Мне ответили, что книги принес «старшина», а где он их взял — этого никто не знал. Ну, естественно, стесняться не было причин, заняться же хоть чем-то, отвлечься, заглушить навязчивые мысли, было просто необходимо, и я попросил позволения взглянуть на титул. Это была книга Солоневича «Россия в концлагере», изданная в Париже в 1935 или в 1936 году. Вторая книга называлась «От двуглавого орла к красному знамени» генерала Краснова. Об этих книгах я тогда узнал впервые, был, конечно, немало заинтригован их заголовками, но прочитать их довелось значительно позднее, когда судьба занесла в Швецию» (см. подр.: Иван Твардовский. Родина и Чужбина. Книга жизни. Смоленск, 1996 – Изд. благодарят историка-архивиста г-на Ф.А.Попова, обратившего их внимание на означенный труд). Книги «двух Иванов»: Солоневича и Ильина, безсомненно, укоренились в нашем национальном «каноне». Посему, после выхода 2-х тт. «Страстей по Ильину» и «Солоневичевского Сборника», Издатели сочти благополезным и благоуместным довершить сию серию книг «сводным томом» касаемо «Двух Иванов».

Олег Шульга

**ОСВЕЩЕНИЕ БИОГРАФИИ И ТВОРЧЕСТВА
И.А. ИЛЬИНА И И.Л. СОЛОНЕВИЧА
В СОВРЕМЕННЫХ СМИ**

О выдающихся национально-мыслящих философах и литераторах, живших в первой половине XX века, в наши дни можно найти самую разнообразную информацию. Выпускаются сборники статей, тома собраний сочинений, биографии и многое другое. Современному читателю предлагается невероятное количество источников с самыми разными авторскими мнениями. Порой, чтобы установить истину, читателю или исследователю необходимо использовать весь свой аналитический потенциал. С последним как раз в современном обществе весьма тугу. Речь в настоящей статье пойдёт именно о том, какими разными бывают источники, рассказывающие о биографии и творческих особенностях двух русских мыслителей, сопоставляемых в данной работе – И.А. Ильине и И.Л. Солоневиче.

Литература и документальные фильмы, выпущенные обоих героях данного исследования, с первого взгляда могут показаться однообразными читателю или зрителю, который не очень хорошо понимает разницу между авторскими позициями. Но именно в позициях авторов биографий или составителей воспоминаний кроются те детали, которые составляют портрет мыслителя или писателя. В данной статье будет выявлено, люди с какими взглядами берутся упоминать об Ильине и Солоневиче, кто составляет философские сборники, и кто пишет биографии главных интеллектуалов русской эмиграции. Сопоставлены будут книги Нила Никандрова «Иван Солоневич: народный монархист» и Игоря Воронина «Гражданин Империи. Очерк жизни и творчества

Ивана Лукьяновича Солоневича». Приведены будут мнения аргентинских единомышленников Ивана Лукьяновича – Николая Леонидовича Казанцева, Всеялода Константиновича Дубровского и др. Отношение к биографии и творчеству Ивана Ильина будет исследовано на примере статей Аркадия Минакова, Юрия Лисицы, Евгения Галицкого и др. Будет исследована работа Николая Полторацкого «Иван Александрович Ильин. Жизнь, труды, міровоззрение». Этот сборник будет сопоставлен с очерками о философе современных авторов П.Г. Щедровицкого и С.Ю. Бородая. Также будут проанализированы документальные фильмы «Иван Солоневич – последний рыцарь империи» и «Русский философ – Иван Ильин». Соответственно, статья предполагает определённые аналитические выводы о проведённом исследовании. Эти выводы будут появляться как по ходу материала, так и в конце конкретного исследования.

Любопытно проследить, как некоторые современные авторы освещают важные события в биографии и творчестве И.А. Ильина. Статья в электронной версии газеты «Завтра», посвящённая дню памяти авторитетного русского философа, под названием «Пассажир Философского парохода. (Ещё раз об И.А. Ильине)» автора Е. Галицкого выделяется среди прочих несколькими деталями. Галицкий ставит подзаголовки, отделяющие несколько циклов в жизни и творчестве Ильина. Например, первая часть статьи посвящена основным биографическим фактам молодого философа и не включает отдельный подзаголовок. Написано у Галицкого в этой части приблизительно то, что можно прочесть и у Н. Полторацкого, и у Ю. Лисицы и у многих других: «В 1918 году Ильин защитил диссертацию на тему «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека» и одновременно стал профессором правоведения. После Октябрьской революции продолжал читать лекции, в то же время активно отстаивал принципы академической свободы. Позицию к властям опре-

делил чётко: «Уходят ли от постели больной матери? Да ещё с чувством виновности в её болезни? Да, уходят - разве только за врачом и лекарством. Но, уходя за лекарством и врачом, оставляют кого-нибудь у её изголовья. И вот - у этого изголовья мы и остались. Мы считали, что каждый, кто не идёт к белым и кому не грозит прямая казнь, должен оставаться на месте»» [2]. Привлекает внимание вторая часть статьи, где автор обращается к моменту изгнания Ильина из советской России. Подзаголовок так и гласит – «Изгнание из страны». И Галицкий, в отличие от своих коллег по перу, приводит цитаты большевицких лидеров, почему фигуры калибра Ильина были не уничтожены советской властью, а выдворены за пределы «очага мировой революции»: «К 1922 году Ильин попадал под арест уже шесть раз. И шестой мог оказаться последним: после ареста его сразу же осудили, приговорив к смертной казни — расстрелу. Тогда под следствием находилось более 200 человек — сплошь творческая интеллигенция. Позволить себе ликвидацию такого количества «золотых умов» советская власть не могла. Немыслимость расстрела Ильина понимал и сам Ленин. «Нельзя. Он автор лучшей книги о Гегеле», — писал он, имея в виду диссертацию философа. Так казнь было решено заменить массовой высылкой в Европу, вошедшей в историю под именем «философский пароход». Троцкий резюмировал: «Мы этих людей выслали потому, что расстрелять их не было повода, а терпеть было невозможно» [2]. Своеобразная «защита» Ульяновым-Лениным Ильина от расстрела рассматривается здесь не как «проявление гуманизма», которого у вождя мирового пролетариата не было ни капли, а как дань уважения наследию философии Гегеля.

Другая работа, посвящённая И. Ильину, выделяется подходом к обзору философской деятельности русского философа. Речь идёт о статье на сайте «Катехон» под названием «Иван Ильин: мыслитель для людей сильной воли». Даный материал достаточно свеж и вышел на указанном сай-

те 15 декабря 2021 года. Автор данной статьи – Аркадий Минаков – обратился к публикации биографических выдержек Ильина, отталкиваясь от изречений последнего. Для Минакова важно было выделить отношение философа к революции 1917 года, которое сформировалось не сразу, а в результате духовного опыта мыслителя. Выразилось это в следующих строках: «Создание новой волевой элиты, будущего правящего русского слоя, стало главной жизненной задачей Ильина. Особое место Ильин уделял формированию правосознания. Разрушение государственного и правового сознания в правящем слое и низах было, с его точки зрения, одной из главных причин событий 1917 года: «Революция зарождается в стране не в момент уличных движений, но в тот момент, когда в душах начинает колебаться доверие к власти». Разложение «правосознания неминуемо захватывает честь и совесть, убивает чувство меры и справедливости, угашает веру и религию. Народ становится жертвой духовного нигилизма» [7]. Минаков также обратился к теме исследования Ильиным разницы между монархией и республикой. Автор не поленился обратиться к биографу философа Н. Полторацкому, который выделил ключевые различия монархического и республиканского строя в таблице. Настоящая статья также исследует подход к жизнеописанию Ильина Полторацким, но несколько позже. Отдельное внимание Минаков уделил отношению Ивана Александровича к Западу: «Запад Ильин не считал помощником в деле возрождения России. «Нам нет спасения в западничестве. У нас свои пути и свои задачи. И в этом – смысл русской идеи» [7]. Здесь важно учитывать, что Ильина уважает достаточно широкий круг исследователей и почитателей. Один из создателей портала «Катехон» – А.Г. Дугин – является открытым сторонником политики Евразийства. Главного редактора газеты «Завтра» А.А. Проханова вовсе можно именовать «советским патриотом». Исследователь Ильина Н.П.

Полторацкий, упоминавшийся выше, вообще прожил всю жизнь в эмиграции и на территории исторической родины не жил. Тем не менее, к наследию Ивана Александровича обращаются люди, чувствующие, что путь России отличен от предлагаемых как с Востока, так и с Запада.

Ещё одна работа об Ильине заслуживает исследования, хотя в ней с первого взгляда трудно найти что-то особенное. Ю. Лисица, ещё один почитатель и исследователь творчества русского философа, выпустил статью на сайте «Православие и мір» под названием «Иван Ильин: Поющее сердце». Данный материал много рассказывает о биографии Ивана Александровича, но некоторые факты Лисица всё же упускает. Например, автор статьи много места в тексте уделяет тому, что было написано на могиле Ильина в Швейцарии: «Похоронен Иван Александрович в Цолликоне под Цюрихом. На плите, стоящей на могиле Ильина и его жены (она умерла 30 марта 1963 г.), высечена эпитафия:

Alles empfunden
So viel gelitten
In Liebe geschauet
Manches verschuldet
Und wenig verstanden

Danke Dir, ewige Gute! » [6]. Но Лисица ничего не пишет о том, что прах философа был перезахоронен на кладбище Донского монастыря в Москве. Тот же А. Минаков, пусть коротко, но отмечает, что: «Иван Ильин скончался в Цолликоне в 1954 году. Прах его в 2005 году был перезахоронен рядом с могилой А. И. Деникина» [7]. Лисица же данный факт полностью игнорирует. Вообще, стоит выделить, что современные авторы перепечатывают практически одну и ту же информацию о ранних годах жизни И. Ильина, взятую скорее всего из источника под названием «Иван Александрович Ильин. Жизнь, труды, міровоззрение» автора Н. Полторацкого. Исследование данной книги продолжится в следующих абзацах.

Даже в таком серьёзном литературном труде, как «Иван Александрович Ильин. Жизнь, труды, мировоззрение», можно найти некоторые несоответствия логики и фактов. В глаза бросается оценка убеждений Ильина от Николая Полторацкого. Она выражена в следующих словах: «Он был и остался государственником и почвенником, которому были чужды анархизм, максимализм, утопизм и беспочвенность или отсутствие цельности и последовательности, как у некоторых его предшественников и современников. Подобно П. Б. Струве, он был либеральным консерватором» [15, с. 19]. Непонятно, как в двух предложениях соседствуют такие оценки, как «государственник», «почвенник» и «либеральный консерватор». Если к Петру Бернгардовичу Струве оценка «либеральный консерватор» подходит вполне, то к Ивану Александровичу Ильину слово «либеральный» не подходит ни в каком контексте. Дело даже не в том, что Ильин в молодые годы был сторонником партии «kadетов», дело в том, что русский философ в зрелые годы сформировал такую патриотическую позицию, в какую не вписывается эпитет «либеральный». По крайней мере, современные либералы на дух не переносят имя Ильина и других изгнанных из Советского Союза мыслителей и публицистов.

Однако, есть в книге Полторацкого такие эпизоды, на которые нельзя не обратить внимания. Исследователь подробно рассматривает труды Ильина в период жизни последнего в Германии. Внимание Николая Петровича привлекает работа под названием «Россия и латинство». Данный сборник статей составили преимущественно «евразийцы», среди которых были такие деятели, как П. Н. Савицкий, П. П. Сувчинский, П. М. Бицилли, Г. В. Вернадский, кн. Н. С. Трубецкой, А. В. Кartaшёв и Г. В. Флоровский. Присоединился к составлению сборника и Ильин. Полторацкий обращает внимание, что Иван Александрович не был единомышленником «евразийцев», тем не менее его оценка сборника весьма оригинальна:

«Иван Александрович Ильин не сочувствовал евразийству и не раз впоследствии выступал в печати против евразийства. Он обнаружил серьёзные недостатки и в этом сборнике евразийцев, но нашёл и немало достойного внимания, в особенности — категорическое отвержение идеи унии между православными и католиками» [15, с. 27]. Неспроста даже в 2021 году «евразийский» «Катехон» помещает на своём сайте статью в память об Ильине (см. «Иван Ильин: мыслитель для людей сильной воли»). Полторацкий цитирует написанное Ильиным для «России и латинства»: «Ильин писал: “Авторы настоящего сборника правы в самом существе своего отвержения: в настоящее время нет никаких оснований для соединения церквей — православной и католической. Самое обсуждение этого вопроса является ныне лицемерием со стороны католика и малодушием со стороны православного. Обе стороны, если они обсуждают ‘религиозную унию’, обсуждают унию не религиозно, ищут нерелигиозного единения и потому обманывают друг друга и сами себя. Католик не может и не хочет дать православному то, что обещает (волевую силу религиозного бытия); а православный не может взять у католика то, чего ищет, ибо искомое он может найти только в самом себе, только извлечь из самого себя. Зато католик неизменно постарается сообщить православному все вековые недуги своей религиозности (для того замышляет и унию), а православный актом унии предаст всю глубину и чистоту своих древних достижений. Это значит, что самая идея ‘уни’ порождена в наши дни тем катастрофически легко объяснимым измельчанием и ослеплением душ, в силу которого все говорят о средствах и путях, забывая о цели и об идее, подменяя священную роль — отрицательной тактической задачей (‘чтобы того-то не было’), отдавая главное за подчинённое и предавая вечное за временное”» [15, с. 27 – 28]. Данный объёмный отрывок приводится целиком не по ошибке, а специально для того, чтобы подчеркнуть, что уже в 1923 году

Иван Ильин никаким «либерально-консервативным» взглядам подвержен не был. Позиция философа определена чётко. И достаточно широкий круг патриотов даже в XXI веке могут согласиться с таким жёстким взглядом на «униатство» Ильина.

Теперь хотелось бы обратиться к такого рода литературе об И.А. Ильине, которую и «литературой» -то в полном смысле назвать нельзя. По запросу «Об Иване Ильине» поисковик в первых строчках выдает некий «PDF» документ, который носит название «Очерки об И.А. Ильине». Авторами значатся некие П.Г. Щедровицкий и С.Ю. Бородай. Что из себя представляют «очерки», стоит попробовать разобраться. Первый же «Вводный очерк» наполнен традиционными фактами из биографии философа, следом же приводится огромный отрывок из работы некого И.И. Евлампиева, в котором можно прочесть следующее: «Творческая трагедия Ильина своим истоком, безусловно, имеет его жизненную трагедию. Испытав крушение всего устоявшегося уклада жизни, став свидетелем небывалой исторической трагедии своего народа, Ильин так и не смог смириться с невозвратимостью ушедшего мира. В его представлении борьба за новую Россию так и осталась борьбой за воскрешение той эпохи, которая оборвалась в 1914 г. (хотя он и подчёркивал невозможность буквального возвращения старых порядков). Именно этим объясняется двойственное впечатление, возникающее при знакомстве сегодня, в начале XXI века, с публицистическими работами Ильина, посвящёнными «русскому опыту». С одной стороны, мы находим в них поразительную глубину понимания причин возникновения и возможных итогов существования тоталитарной коммунистической системы, с другой – столь же поразительную нереалистичность многих из предлагаемых методов возрождения будущей свободной России» [14]. Автор очерка никак не комментирует приведённый отрывок. Аналитики в «очеркке» нет вообще никакой.

Цитата вышеприведённого Евлампиева выглядит, как плохо завуалированная анти-Ильинская речь. Судя по тому, что Щедровицкий не пытается комментировать своего коллегу, он с ним солидарен. Откуда берётся так называемое «двойственное впечатление» при знакомстве с работами Ильина? Скорее всего, авторы очерка просто-напросто закоренелые либералы советского происхождения. Только такой типаж может сомневаться в Воскрешении исторической России. «Очерки» Щедровицкого настолько кустарно слеплены, что не выдерживают никакой критики. Почему «старая» эпоха оборвалась для Ильина по мнению Евлампиева именно в 1914 году? Не приведен ни один факт или комментарий, который бы это подтверждал. Судя по нескольким источникам, среди которых и Полторацкий, и Минаков, и Галицкий, Иван Ильин работал в Московском университете с 1912 года после курса лекций в странах Европы. Если автор процитированного отрывка подразумевал начало Великой войны, то всё равно никак выбор даты не аргументировал.

Ещё один, весьма оригинальный, источник будет проанализирован в настоящем абзаце. Оригинален он тем, что это документальный фильм. Называется он «Русский философ – Иван Ильин», а снял его известный своими широкими патриотическими взглядами Никита Михалков. Режиссёр выступает также в роли рассказчика в фильме. Михалков озвучивает такие факты из биографии самого философа и членов его семьи, какие не удается обнаружить в печатных научных или журналистских работах. Никита Сергеевич сообщает: «Его дед был инженером. Он возводил Большой Кремлёвский дворец, в котором позже стал служить комендантом. Там же, в Кремле, жила и его семья. Там же родился и отец Ильина, крестным которого стал сам Император Александр II» [11]. Далее Михалков называет общеизвестные факты из ранней биографии Ивана Александровича о его обучении в гимназиях и на юридическом факультете Московского уни-

верситета. Но Михалков не был бы Михалковым, если бы даже в документальный фильм не привнёс бы авторского художественного начала. Никита Сергеевич раскрывает в картине факты того, что Ильин был шесть раз арестован советской властью, а для наглядности режиссёр показывает в кадре копии подлинных документов, где фигурирует фамилия философа. Также Михалков рассказывает, что Ильина в 1922 году могли бы и расстрелять. Но приказ о расстреле был отменён: «Причина столь терпимого отношения крылась в том, что Ульянов-Ленин был знаком с модными в то время статьями Ильина о философии Гегеля. Вождь пролетариата оценил уровень и масштаб этих работ и величину человека, написавшего их. Он лично приказал отпустить строптивого философа на свободу» [11]. Фильм «Русский философ – Иван Ильин» выделяется среди других работ, посвящённых мыслителю, именно тем, что в нём гармонируют и художественная, и фактическая составляющие. Печатные источники изобилуют уклоном либо в сторону философской деятельности Ильина, либо в сторону оценки убеждений Ивана Александровича, в некоторых случаях – ошибочной.

Самая дерзкая оценка Ивана Ильина, которая встретилась при анализе литературы о героях работы, дана в книге И. Воронина «Гражданин Империи. Очерк жизни и творчества Ивана Лукьяновича Солоневича». Перечисляя авторов, близких Солоневичу по убеждениям и деятельности, Воронин доходит до откровенных оскорблений по отношению к «мыслителям-публицистам», как он сам их называет: «Если Иван Ильин, говоря грубо, «кабинетная мышь», то Алексей Хомяков – церковная, а Константин Леонтьев вообще практически монах в миру» [1, с. 6]. Такое вызывающее высказывание никак автором книги не комментируется. Зато в сторону Воронина и в защиту хотя бы некоторых из оскорблённых мыслителей высказался главный редактор издания «Наша страна», созданного ещё в 1948 году И.Л. Солоневичем, Ни-

колай Казанцев. Отношение журналиста из Буэнос-Айреса к Хомякову видно из строк, опубликованных в июле 2014 года. И отношение это категорически отличается от воронинского: «Алексея Степановича Хомякова, выдающегося поэта, художника, публициста, богослова, философа, основоположника славянофильства, члена-корреспондента Петербургской Академии Наук, он определяет как «церковная мышь» [5]. Любопытно, что Казанцев формулирует отношение к книге Воронина, как к «отмеченной печатью совковости». Создаётся впечатление, что автор, не живший на территории исторической России никогда, испытывает больший трепет к философскому и публицистическому наследию своего Отечества, чем «записной» монархист, выпускающий книгу к 400-летию Дома Романовых в Москве.

Конечно, Казанцев из всех мыслителей, которые с лёгкой руки Воронина были превращены в «мышь», становился на защиту именно Хомякова. Ильина редактор «Нашей страны» не упоминает вовсе. Но и этого достаточно, чтобы понимать разницу между этикой журналиста из русского зарубежья и «писателя», выросшего на литературе вульгарно-социологического и либерального характера. Полемика Казанцева с Ворониным не оканчивается на вопросе о Хомякове. Редактор «Нашей страны» находит «печать совковости» и в других местах книги «Гражданин Империи». Например, Николай Леонидович не оставляет вопрос о другой книге, посвящённой Солоневичу, автора Н. Никандрова. Данная работа будет проанализирована в настоящей работе позже. Но пока стоит привести строки Казанцева о том, что же считать настоящей биографией Ивана Лукьяновича: «Завидуя Нилу Никандрову, который его опередил в выпуске первой биографии Солоневича в России, Воронин в предисловии грубо принижает значение книги «Иван Солоневич: народный монархист» (Москва, Алгоритм, 2007). По его словам, произведение Никандрова это «беллетристика», зато его собственное

– «документальное исследование». В этом Воронину может поверить лишь неосведомлённый читатель, ибо именно книга сего журналиста кишит неточностями, передержками и отсебятиной» [5]. Отдельное внимание Николай Леонидович уделяет тем фактам, которые остались незамеченными или были искажены в книге «Гражданин Империи». Аргументы в пользу того, что подлинные факты о Солоневиче всё же могли привести его знакомые и коллеги по «Нашей стране», Казанцев использует весомые: «Как известно, издатель «Нашей Страны» В. К. Дубровский хотел составить биографию Солоневича на основании отрывков из его книг, статей и писем, но так и не смог это осуществить. С величайшим апломбом Воронин преподносит своё объяснение: «Не газетная рутина помешала редактору «Нашей Страны» осуществить свой замысел, а практическая невозможность воплощения. В своих попытках сложить мозаику мы с ним располагали примерно одинаковым набором смильты. Сомневаюсь, что имевшиеся в распоряжении Дубровского письма Солоневича содержат какие-то сенсационные и не преданные огласки факты из жизни моего героя» [5]. О том, что Дубровский не смог написать книгу о Солоневиче при жизни, Казанцев сообщает, как человек, знавший редактора лично. Вообще, статья «Иван Солоневич и «Кирилловичи»» – источник замечательный как для исследования биографии и творчества самого Солоневича, так и для анализа книги «Гражданин Империи», автор которой оскорбил не только классиков русской мысли, но и главного героя своей работы небрежностью и непрофессионализмом.

Николай Казанцев весьма убедительно доказывает, что написать книгу о Солоневиче Дубровскому помешала не «практическая невозможность воплощения», как это видит Воронин, а тяжёлая болезнь: «Да и с высказанной им догадкой о причине, помешавшей Дубровскому добиться своего замысла, Воронин тоже попал пальцем в небо. Оною была

тяжкая болезнь Всеволода Константиновича, мучившая его все последние годы жизни» [5]. Все приведённые выше цитаты позволяют сделать вывод о том, что книга «Гражданин Империи» никуда не годится в качестве вспомогательной литературы для исследования биографии и творчества И.Л. Солоневича. Выявляется это, поскольку автор данной работы – Игорь Воронин – всячески пытается убедить читателя в правильности своей версии биографии русского публициста, при этом задевая личности и память выдающихся русских мыслителей, писателей и журналистов, включая Хомякова, Леонтьева и Ильина. Достается и единомышленникам Солоневича – Дубровскому и Казанцеву. Факты из их жизни и творчества также исковерканы либо вовсе выдуманы Ворониным. Статья же Казанцева «Иван Солоневич и «Кирилловичи»», наоборот, выглядит полезной и наполнена фактами, которые помогают навести порядок в исследовании творчества Ивана Лукьяновича и ликвидировать беспорядок, наведенный автором «Гражданина Империи».

Отдельного внимания заслуживает книга Н. Никандрова «Иван Солоневич: народный монархист». Любопытна эта работа с нескольких точек зрения. Во-первых, это первая выпущенная в России биография Ивана Солоневича. Во-вторых, полемика вокруг книги Никандрова не утихла даже спустя полтора десятилетия после её выхода, а её пик пришелся на 2014 год, когда вышла статья Казанцева «Иван Солоневич и «Кирилловичи»». В-третьих, отношение Никандрова к людям, помогавшим в написании работы, категорически отличается от той грубости, которую позволил себе И. Воронин. Автор книги «Иван Солоневич: народный монархист» высказался о редакциях газет «Наша страна» и «Монархист» с искренней благодарностью, но в ответ от зам. редактора последней получил ярлык «беллетрист». Вот, что Никандров написал о русской газете из далекого Буэнос-Айреса: «Я с тёплым чувством вспоминаю о визитах в редакцию, в кото-

рой, несмотря на подвешенные к потолку «старозаветные» электрические лампы было темновато. Если в редакционном помещении были окна, то я их не разглядел за стеллажами, штабелями газет и картонных коробок с архивом. Старая пишущая машинка, архаичный монитор, телефон эпохи Хуана и Евы Перон, – все это словно сохраняло дух минувшей эпохи. Но впечатление было ошибочным: «Наша страна» внимательно всматривалась в процессы, проходящие в постсоветской России, пристально анализировала их, оценивая события и политические шаги новой плеяды деятелей строго «своей колокольни», не поддаваясь на миражи неолиберальных «моделей развития» [8, с. 16]. А вот, как автор рассматриваемой книги откликнулся на помощь «единомышленника» из постсоветской России – И.П. Воронина: «В поисках истины в отношении не прояснённых эпизодов из жизни И.Л. Солоневича мне существенно помогли Игорь Воронин, зам. редактора газеты «Монархист», организатор ставших уже традиционными научных конференций, посвящённых писателю-публицисту, и кандидат исторических наук Кирилл Чистяков, исследователь творчества Солоневича, современных ему процессов в Русском зарубежье, в том числе, эволюции РОВСа» [8, с. 17]. Как выяснилось спустя несколько лет, Воронин ответил на благодарность Никандрова, назвав его труд «беллетристикой». Но именно благородные представители Русского Зарубежья в лице Казанцева, редактора «Нашей страны», отстояли честь книги «Иван Солоневич: народный монархист» и её автора.

Кроме печатных источников, о Солоневиче можно найти единственный документальный фильм. Известен он под названием «Последний рыцарь Империи». В его создании, кроме режиссёра С. Дебижева и съёмочной группы, принял участие и «главный» эксперт по биографии Ивана Лукьяновича в постсоветской России – И. Воронин. Автор книги «Гражданин Империи» и в фильме высказал весьма сомни-

тельные факты о работе Солоневича над газетой «Голос России»: «Откровенный диалог с читателем буквально в форме задушевной, застольной беседы подкупал. И со всех концов Русского рассеяния (а газета имела представительства в 52 странах мира) люди потянулись к «Голосу России» [9]. Удивительно, как Воронин представляет себе устройство редакции, основатель которой недавно бежал из советского концлагеря и испытывает чувство тревоги (как минимум) о судьбе Отечества и своего народа. Из приведённой выше цитаты можно понять, что Игорь Петрович никак не выделяет деятельность Солоневича по выпуску газеты «Голос России» и организации Штабс-капитанского движения. Поскольку «застольные беседы» велись в те годы в разных точках мира, где концентрировалась Русская эмиграция. И как показала история, именно «застольные беседы» привели к деградации боеспособного крыла Русского Зарубежья. Но Солоневич и его деятельность к этому отношения не имеют никакого. Это подтверждают как книги самого публициста, так и его единомышленники без кавычек – Казанцев и Никандров. Не менее удивительно в фильме «Последний рыцарь Империи» другое – ни Казанцева, ни Никандрова в этой картине нет. Зато в кадре можно увидеть Алексея Неёлова – «великого мастера Аргентинской Великой масонской Ложи» [9]. Какое отношение масон Неёлов имеет к Солоневичу или хотя бы к «Нашей стране» – неизвестно. Другой герой картины – историк и политолог из Аргентины Игорь Андрушкевич пытается передать диалог с живым ещё Иваном Солоневичем следующими словами: «Я ему говорю: «Что же вы, Иван Лукьянович, в таких сапогах пришли?» Это было как раз лето, кажется. «А у меня других нету. Я деньги на ботинки тратить не буду». Ему было всё равно» [9]. Создается впечатление, что авторы фильма «Последний рыцарь Империи» намеренно пригласили для беседы людей, которые либо рассказывают о герое картины всевозможные мифы, либо вообще никак не относятся к Ивану

Солоневичу. Тот же Никандров в строках, приведённых несколько выше, весьма лаконично пишет о том, как небогато выглядит и по сей день редакция «Нашей страны». Но Никандров, в отличии от режиссёра Дебижева, понимает интеллектуальный уровень своей аудитории и позволяет читателю самому сделать выводы о написанном. Последний же рыцарь Империи летом в старых сапогах, в интерпретации Андрушкевича, выглядит совсем пошлым.

Так, обзор литературы и документалистики об И.А. Ильине и И.Л. Солоневиче показал, что далеко не все авторы придерживаются одинаковых со своими героями позиций и убеждений. Если в сравнении литературы, прессы и документалистики об Ильине наиболее удачным с точки зрения подачи фактов и качества исполнения можно считать фильм Н.С. Михалкова «Русский философ – Иван Ильин», то сравнение источников о Солоневиче приводит к другим выводам. С отрицательной точки зрения выделяются книга И. Воронина «Гражданин Империи», где автор абсолютно без всякого уважения к национальной русской мысли называет Ильина и Хомякова – мышами, и документальный фильм режиссера С. Дебижева «Последний рыцарь Империи», где главный герой – И. Солоневич – предстаёт в образе некоего «блаженного старца» в старых сапогах. На этом фоне выделяются статьи аргентинского журналиста и последователя Солоневича – Н. Казанцева, одна из которых прямо критикует небрежно написанную работу Воронина. Также выделяется первая биография основателя Штабс-капитанского движения, опубликованная в России, под названием «Иван Солоневич: народный монархист» автора Н. Никандрова.

* * *

Мыслители И.А. Ильин и И.Л. Солоневич вошли в историю, как непримиримые противники Советской власти и ярые сторонники пути исторической России. Но с какими трудностями на своём жизненном и творческом пути стал-

кивался каждый из авторов – об этом знают лишь немногие исследователи их наследия. Настоящая работа попробует проследить, какие исторические события и личные трагедии повлияли на то, что об Ильине и Солоневиче всерьёз заговорили только тридцать с небольшим лет назад. К сожалению, большинство писателей и мыслителей патриотического направления чаще всего становятся жертвами мифов и сплетен со стороны своих недоброжелателей. Не стали исключением и герои настоящей работы. Данная статья попытается разобраться и в том, где истинная правда в биографии Ильина и Солоневича, а где клевета – намеренная или появившаяся в результате непрофессиональной работы исследователей.

Об Иване Ильине почти в каждом источнике можно найти вполне конкретные факты о году его рождения и начале обучения в московской гимназии. Родился будущий русский философ в 1883 году. Его семья была образованной и близкой к Императорскому двору. Дед Ильина был комендантом Кремлёвского дворца, а отец – крестником Императора Александра II. Об этом сообщил режиссёр и подвижник (все характеристики и оценки, типо «подвижника-михалкова», – всецело «на совести» автора; Издатели публикуют сию работу не потому, что «во всём согласны» с ея автором, но потому, что «лучшего обзора» литературы по И.И. и И.С., покамест, не обретается – Изд.) национально-мыслящего направления Н.С. Михалков в документальном фильме «Русский философ – Иван Ильин» [11]. Другой поклонник Ивана Александровича – исследователь из США Н.П. Полторацкий выделил несколько этапов жизни Ильина, а именно: «московский (1883–1922), берлинский (1922–1938) и цюрихский (1938–1954)» [15, с. 11]. Конечно, книга Полторацкого «Иван Александрович Ильин: жизнь, труды, мировоззрение» далеко не полностью рассматривает жизненный и творческий путь философа, но необходимую биографическую информацию в ней найти можно. Николай Петрович с большим уважением

к личности своего героя пишет следующее о ранних годах жизни Ильина: «Учился в московских классических гимназиях; окончил с золотой медалью. После этого получил исключительно солидную высшую академическую подготовку. Учился на юридическом факультете Московского университета (1901–1906), который окончил по первой степени» [15, с. 11]. Другой исследователь творчества автора таких фундаментальных трудов, как «Наши задачи» и «Путь духовного обновления», Ю.Т. Лисица более подробно рассказал в своей статье «Иван Ильин: Поющее сердце» о периоде обучения будущего философа в гимназиях Москвы: «Учился Иван сначала пять лет в 5-ой Московской гимназии, а затем три года в 1-ой Московской гимназии, среди питомцев которой были Тихонравов, Вл. Соловьев, Милюков. По воспоминаниям одноклассника, Ильин был «светлый блондин, почти рыжий, сухопарый и длинноногий; он отлично учился... но, кроме громкого голоса и широкой непринуждённой жестикуляции, он в те времена как будто ничем не был замечателен. Даже товарищи его не предполагали, что его специальностью может стать и стала – философия». В 1901 г. он закончил гимназию с золотой медалью, получив прекрасное классическое образование, в частности знание нескольких языков: церковнославянского, латинского и греческого, французского и немецкого» [6]. Изучение иностранных языков пригодилось Ильину не только во время его дальнейшей лекторской работы, но и в годы изгнания из Советской страны. Об этом подробнее будет сказано несколько позже.

Московское происхождение Ильина и его прилежное отношение к образованию автоматически относят философа к интеллигентному сословию. Но это не означает, что Ильин был в восторге от того, в каком состоянии находилась интеллигенция в последние годы существования Российской государственности. На критику интеллигенции Ильиным в период революции обратил внимание тот же Михалков в сво-

ем документальном фильме: «Вину за этот хаос, в который погрузилась Россия, Ильин возлагал на лидеров партий, пришедших к власти после Февральской революции. Он прямо обвинял их в том, что они безответственно, как игрушкой, стали управлять огромной страной. В результате чего власть в руки взяли большевики. Послушайте, что он писал тогда: «Либералы не предусмотрели, что крайняя и несвоевременно и неуместно предоставленная свобода приведёт к разнозданию и порабощению. Они не предугадали, что человек не созревший для свободы, может злоупотребить ею, продать её за личный или классовый интерес. Либералы с ужасом поняли, что они готовились к идиллии, а настал разврат. Видели мы всю полноту власти в руках таких демократов. Эти люди рождены для рассуждений, дискуссий, резолюций и интриг, газетных статей и бегства. Это люди позы, а не воли. Люди пера, а не власти. Русские формальные демократы совсем не созданы для России <...>» [11]. Из приведённого отрывка видно, что Ильин уже в 1917 году обладал мировоззрением, которое в наше время можно определить, как национально-ориентированное.

Уже после Октябрьского переворота Ильин защищает научную работу по теме «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека». Данное событие повлияет на жизнь философа через несколько лет, когда большевицкие власти вынесут Ивану Александровичу приговор – расстрел. Об арестах Ильина пишут и говорят многие авторы, в том числе Лисица и Михалков. Лисица не упоминает расстрельный приговор, но очень точно передает обвинение в сторону автора научной работы «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека»: «Шесть раз большевики подвергали Ильина аресту, дважды его судили (30 ноября 1918 г. на Президиуме Коллегии Отдела по борьбе с контрреволюцией и 28 декабря 1918 г. в Московском Революционном Трибунале), и оба раза он был оправдан за не-

достаточностью обвинения и амнистирован. Последний раз его арестовали 4 сентября 1922 г. и обвинили в том, что он «с момента октябряского переворота до настоящего времени не только не примирился с существующей в России Рабоче-Крестьянской властью, но ни на один момент не прекращал своей антисоветской деятельности» [6]. События, из-за которых Ильин не покинул Советский Союз, отражены в статье «Пассажир философского парохода. (Еще раз об И.А. Ильине)» Е. Галицкого: «После Октябрьской революции продолжал читать лекции, в то же время активно отстаивал принципы академической свободы. Позицию к властям определил чётко: “Уходят ли от постели больной матери? Да еще с чувством виновности в её болезни? Да, уходят - разве только за врачом и лекарством. Но, уходя за лекарством и врачом, оставляют кого-нибудь у её изголовья. И вот - у этого изголовья мы и остались. Мы считали, что каждый, кто не идёт к белым и кому не грозит прямая казнь, должен оставаться на месте”» [2]. Представленная выше позиция Ильина духовно роднит его с добровольцами Белого движения. Воины Белой армии добровольно вступали в армии, боровшиеся с большевизмом, философ добровольно остался в стране, в которой ему грозила смертельная опасность.

Полторацкий, как и Лисица, упускают важный момент биографии Ильина. От ареста в 1922 году исследователи переходят сразу же к изгнанию профессора на знаменитом «философском пароходе». Пробел между двумя значимыми фактами ликвидируется в статье А. Минакова под названием «Иван Ильин: мыслитель для людей сильной воли»: «Ильина спасло письмо, написанное Ленину А. И. Яковлевым, известным чувашским просветителем, который был в своё время другом отца Ленина. Яковлев заверял Ленина, что Ильин никакого отношения к политике никогда не имел и особо подчёркивал, что тот является глубоким исследователем Гегеля, философию которого ценил вождь мирового пролетариата.

Судя по некоторым воспоминаниям, Ленин был хорошо знаком с работой Ильина» [7]. Таким образом, изучение Ильинским философии Гегеля помогло мыслителю сохранить жизнь, пусть и не на родной земле. С момента высылки в сентябре 1922 года в жизни и творчестве Ивана Александровича начинается «берлинский» этап. Этот период достаточно богат философскими открытиями мыслителя. Но главное, что сопровождало Ильина на протяжении всей заграничной жизни, было сильное и трепетное беспокойство о судьбе России.

О профессиональной деятельности Ивана Александровича в первые годы изгнания подробно написал Н.П. Полторацкий. В Берлине Ильин прожил 16 лет. После 1934 года, при национал-социалистах, жизнь философа крайне усложнилась. Но об этом несколько позже. Важно понимать, что деятельность Ильина была настолько продуктивной, что не ограничивалась выпуском одних только философских статей. Николай Полторацкий рассказывает в книге «Иван Александрович Ильин: жизнь, труды, мировоззрение»: «С февраля 1923 г. по июль 1934 г. Ильин состоял профессором при Русском Научном институте, где читал и систематические и эпизодические курсы на двух языках, русском и немецком. В 1923–24 году он, кроме того, был деканом юридического факультета этого института. В 1924 г. он был избран членом-корреспондентом Славянского института (School of Slavonic Studies) при Лондонском университете» [15, с. 12]. Тем не менее, философские работы Ильина в период 20-х годов были настолько громкими, что имели резонанс среди мыслящей публики Русского Зарубежья. Ильин становится идеологом движения РОВС (Русский Общевоинский Союз), во главе которого стоял генерал-лейтенант барон П.Н. Врангель.

А. Минаков в своей статье упоминает следующее: «Ильин становится безспорным идейным лидером и идеологом русской военной эмиграции, тесно сотрудничает с П. Н. Врангелем и Русским общевоинским союзом (РОВС). В 1925 году

он публикует трактат «О сопротивлении злу силою», получив согласие от Врангеля на посвящение: «Русской белой армии и её вождям» [7]. Проблема Русской эмиграции была в том, что далеко не все разделяли взгляды Ильина и Врангеля. Серьёзная полемика случилась у Ивана Александровича с Николаем Бердяевым. Эта тема настолько любопытна, что заслуживает отдельного исследования. Но были у Ильина и поклонники. В переписке с философом писатель И.С. Шмелёв признался в том, что разделяет взгляды автора «О сопротивлении злу силою»: «Для меня несомненно, что Вам выпала – и по праву! – доля высокая – представительствовать за Россию, за духовные её ценности, – наследие от лучших из тех, кто эти ценности обрели в ней, развивали, очищали, вносили в жизнь мира. Воистину, за эти ценности должно душу свою отдать. И защищать их, – Божье дело, – Крестом – Мечом! Понятен мне весь фальшивый вой-вопль, поднятый слева, и вся эта эквилибристика, с опорой на Закон Христов! – вплоть до Бердяева!» [3, с. 14]. Кроме книги «О сопротивлении злу силою» Ильин в «берлинский» период выпустил и ряд других работ. Среди них: «Религиозный смысл философии. Три речи» (1925), «Путь духовного обновления» (1935 г.), «Основы художества. О совершенном в искусстве» (1937 г.) и многие другие.

Отдельного анализа заслуживает отношение И.А. Ильина к режиму, который пришёл к власти в Германии в 1933 году. Авторы, берущиеся за публикации материалов об Иване Александровиче, описывают позицию философа по-разному. Для начала следует привести ряд цитат из книг и статей, на которые опирается настоящее исследование. Важно избежать создания новых и поддержки устоявшихся мифов о том, что Ильин был сторонником национал-социалистической власти в Германии. Полторацкий, который составлял книгу о мыслителе ещё в 80-е годы XX века, отметил следующее: «Про-свящённый противник марксизма-коммунизма-большевизма,

Ильин очень рано распознал подлинное лицо и национал-социализма. Он отказался признать партийную программу национал-социалистического режима и через полтора года после прихода Гитлера к власти был удалён из Русского Национального института. Со временем ему были запрещены также все другие публичные выступления, устные и печатные, и он обрекался, в перспективе, на голодную смерть. Более того, ему грозил арест и заключение в тюрьму или концлагерь» [15, с. 13]. Почти теми же словами выражается и Ю. Лисица, даже несколько более осторожно, чем его американский коллега: «Ильин очень рано сумел распознать подлинное лицо нацизма. В 1934 г. (через полгода после прихода Гитлера к власти) за отказ вести преподавание в соответствии с партийной программой национал-социалистов Ильин был удалён, из Института. В 1938 г. гестапо наложило арест на все его печатные труды и запретило ему публичные выступления. Лишившись источника существования, Иван Александрович решил покинуть Германию и переехать в Швейцарию. И хотя на его выезд был наложен запрет, несколько счастливых случайностей (в чём он усматривал промысел Божий) помогли ему получить визы для себя и своей жены, и в июле 1938 г, Ильини уехали в Цюрих» [6]. А. Минаков в статье «Иван Ильин: мыслитель для людей сильной воли» приводит даты и факты верные, более того журналист использует в отношении Ильина важный эпитет «русский патриот»: «С 1933 года Ильин как русский патриот начал подвергаться преследованиям в нацистской Германии. Его неоднократно вызывали в гестапо, пытались сделать осведомителем, заставить принять расовую теорию и вести антисемитскую пропаганду, от чего он категорически отказался. В 1934 году Ильин был уволен из Русского научного института. В 1938 году последовал запрет на какие бы то ни было публичные выступления. В этих условиях Ильин покинул Германию и переехал в Швейцарию. Его борьба за Россию была продолжена в новых условиях» [7].

Из списка цитат об отношении Ильина к НСДАП выделяется высказывание автора газеты «Завтра» Е. Галицкого. Данный отрывок требует подробного анализа в следующем абзаце.

Статья «Пассажир философского парохода. (Еще раз об И.А. Ильине)» сообщает о позиции русского философа по поводу нацистской власти следующее: «Отношение Ильина к фашизму менялось так же, как и отношение к русской революции: от недооценки угрозы – к крайнему неприятию. Первоначально философ видел в зарождении новой радикальной доктрины естественную, пусть и вынужденную меру. По Ильину, «фашизм возник «как реакция на большевизм, как концентрация государственно-охранительных сил направо. Во время наступления левого хаоса и левого тоталитаризма – это было явлением здоровым, необходимым» [2]. Поражает наивность, с которой автор материала Е. Галицкий сопоставляет отношение Ильина к трагедии 1917 и германских событий 1933 гг. После Февральского переворота в России Ильин в печати выразился, что правительство Керенского есть ни что иное, как «партия развала». Об этом будет подробно рассказано в другом исследовании. Но в данном контексте важно, что никакой «недооценки угрозы» со стороны философа не существовало и не могло существовать. Более того, отталкиваясь от строк того же Е. Галицкого, приведённых ранее в данной статье, можно понять, что Ильин остался работать в Москве не из-за «недооценки», а абсолютно сознательно. Таким образом, Галицкий косвенно участвует в создании мифа о том, что «русский патриот» по словам А. Минакова и «просвещённый противник марксизма-коммунизма-большевизма» по версии Н. Полторацкого был восторженным поклонником фанатичного режима Адольфа Гитлера. Что действительно, конечно, не соответствует (на «совести», на «совести» аффтаров все сии утверждения, напоминаем – Изд.).

Поспорить с автором газеты «Завтра» мог бы один из ближайших единомышленников Ильина – русский писатель

И.С. Шмелёв, который вёл активную переписку с философом с 1927 по 1950 гг. Иван Сергеевич в одном из первых писем в Берлин признался, что важным считает воспитание национально-мыслящей интеллигенции. Более того, в пример Шмелёв привёл эволюцию национально-ориентированного сознания некоторых европейских культур. Выразилось это в следующих строках: «Но народ и дальше будет творить инстинктом; надо, чтобы этот-то «инст^{инкт}» чуяли-знали бояре и знать, всяческая и – прежде всего – стали русско-народными, при всём блеске образованности! Чтобы и у «бояр» (интелл^{игенции}) тоже дрожал нерв «инстинкта» – родной сути. Потому и росло государство, что у знати-то всё же был инстинкт к родному. Это, по-моему, обще для всякого народа-госуд^{арства}. И я думаю, что на эту линию становится Италия (не в фаш^{изме} дело!) и – гл^{авным} обр^{азом} это подпочвенно сильно – в Германии» [3, с. 18]. Из слов Шмелёва становится ясно, что его мировоззрение, как и мировоззрение его берлинского собеседника, было намного шире, чем у автора газеты «Завтра» Е. Галицкого. Это отчётливо видно в том, что писатель чётко разграничили процесс формирования у образованного слоя народно-государственного инстинкта и правящий режим. И это никак не связано с моделью фашизма или его производных в других странах Европы. Современные авторы, как либеральные, так и советско-мыслящие, этой разницы не понимают.

На фоне биографии И.А. Ильина судьба другого героя настоящего исследования – И.Л. Солоневича – выглядит гораздо более трагичной. Не стоит уменьшать значение тех фактов, которые были приведены в статье выше, но следует признаться – философ Ильин мог бы и не вынести испытаний, какие приготовила жизнь для семьи Солоневичей. Основная разница между Иваном Александровичем и Иваном Лукьяновичем заключается в том, что Солоневич не был москвичом по происхождению, его отец не был крестником Импера-

тора, и вообще жизненный и творческий путь писателя мог несколько раз оборваться значительно раньше, чем вышли в свет газеты «Голос России», «Наша газета» и «Наша страна». Могли остаться ненаписанными такие книги, как «Россия в концлагере», «Великая фальшивка Февраля», «Народная Монархия» и другие. О том, с какими трудностями пришлось столкнуться Ивану Лукьяновичу, настоящее исследование поведает читателю позже. Пока же следует привести основные биографические данные героя. Родился Иван Солоневич в Белоруссии, 1 ноября 1891 года. По поводу конкретного места его рождения есть несколько версий. Автор книги «Иван Солоневич: народный монархист» Н. Никандров с уверенностью называет малой родиной публициста местечко Цехановец Гродненской губернии. Другой исследователь, И. Воронин, написавший книгу «Гражданин Империи. Очерк жизни и творчества Ивана Лукьяновича Солоневича», находит целых шесть версий места рождения основателя Народно-монархического движения. Книгу Воронина в пух и прах разнёс нынешний главный редактор газеты «Наша страна» Н. Казанцев, который, конечно, не мог общаться с Солоневичем лично, поскольку на момент смерти писателя был маленьким ребёнком, но который, в отличии от Воронина успел познакомиться с многими людьми, лично знавшими Ивана Лукьяновича. Более того, Казанцев хранит все выпуски газеты «Наша страна», в том числе те, которые были написаны и отредактированы самим Солоневичем. Воронин же мог обращаться к архивам, но живого общения с представителями Народно-монархического движения у него быть не могло. Поэтому стоит остановиться на конкретном населённом пункте, где родился Иван Солоневич по версии Никандрова, и признать, что это был Цехановец.

Много внимания исследователи уделяют фигуре отца Ивана Лукьяновича – Лукьяну Михайловичу Солоневичу, который был родом из крестьян и занимал низкие админи-

стративные должности, но благодаря губернатору П.А. Столыпину стал редактором газеты «Белорусская жизнь». Н. Никандров пишет о поддержке Петром Аркадьевичем газеты Л.М. Солоневича даже в ministerский период карьеры: «Газета имела чёткую прорусскую тенденцию, предавая гласности факты ополячивания и окатоличивания белорусов. В трудные для газеты моменты Столыпин помогал деньгами – причём, не из казённых, а из личных средств» [8, с. 21]. Воронин пишет о карьере отца Ивана Солоневича гораздо больше. Он упоминает и о публикации книги Лукияна Михайловича по истории Гродненской губернии, и о его работе в редакции «Губернских ведомостей». Признаёт Игорь Петрович значимость влияния П.А. Столыпина на судьбу всей семьи Солоневичей: «В конце мая 1902 года гродненским губернатором стал Пётр Аркадьевич Столыпин. Прослужил в Гродно будущий премьер-министр всего несколько месяцев, но как же ярко это сказалось на судьбе Лукияна Михайловича Солоневича. И ведь кто знает, не будь этого краткосрочного столыпинского назначения, может, и не узнал бы весь мир публициста и писателя Ивана Солоневича» [1, с. 25]. Воронин намекает на то, что первым журналистским опытом для юного Ивана стала его деятельность в отцовской газете. В книге Нила Никандрова можно найти строки о том, что старший сын Лукияна Солоневича был привлечён к работе в печати с 18-летнего возраста. Работали в «Белорусской жизни» и друзья Ивана Лукияновича: «Когда отец начал издавать газету «Белорусская жизнь», Иван немедленно подключился к делу и стал его главным помощником. Друг Ивана Лев Рубанов так вспоминал об издательской деятельности семьи Солоневичей до Первой мировой войны: «Окончив гимназию в 1912 году, я вернулся (из Сувалок) в Гродно к родителям. В это лето Лукиян Михайлович издавал газету «Северо-Западная Жизнь», где Ваня исполнял обязанности секретаря редакции. Редакция помещалась на втором этаже в доме Библина на

углу Садовой и Телеграфной улиц. Мне же Лукьян Михайлович предложил быть театральным рецензентом, что очень мне импонировало, так как я имел постоянное место во втором ряду в гродненском театре» [8, с. 23]. Другим важным моментом в формировании мировоззрения И.Л. Солоневича стало его отношение к учебным заведениям, в частности к гимназии.

Дело в том, что Солоневич сдавал экзамены на аттестат зрелости экстерном. Это произошло в частности потому, что Лукьян Михайлович забрал сына из гимназии по нескольким причинам. Первая заключалась в том, что у старшего Солоневича были финансовые проблемы. Но другая причина более интересна для анализа. О ней подробно писали исследователи, в частности Никандров: «В 1904–1905 годах гродненские гимназисты поддались всеобщему политическому возбуждению, «ходили на демонстрации, присоединялись к толпе и пели революционные песни». Лукьян Михайлович опасался, что Иван «наберётся тлетворного революционного духа» [8, с. 21–22]. Как выяснилось с течением времени, никакой «тлетворный дух» Ивану Солоневичу не грозил. Более того, уже в Санкт-Петербурге, когда автор «Народной Монархии» обучался на юридическом факультете, ему доводилось вступать в споры с профессорами-марксистами. Солоневич не принял революцию ни в школьном возрасте, ни будучи студентом, ни, тем более, зрелым человеком. Основы консервативного монархического мировоззрения заложил в Ивана Лукьяневича именно отец. Это подтверждает автор книги «Иван Солоневич: народный монархист»: «Сын прочно усвоил слова отца о недопустимости разрешения конфликтов в обществе насилием, об эволюции, как единственно возможном способе достижения общественного благополучия и государственного прогресса, о том, что частная собственность – неприкосновенна. Самые лучшие условия для народного развития и процветания, по убеждению Лукьяна Михайловича, создава-

ло самодержавие» [8, с. 22]. Как падение самодержавия отразилось на жизни и всей семье Солоневичей, и множества других русских семей в стране, станет ясно несколько позже, когда исследование коснется фактов биографии автора «России в концлагере» при Советском правительстве.

Университетские годы И. Солоневича прошли в столице Российской Империи. Этот период не менее интересен для исследования, чем ранние этапы жизни в Гродно и Вильно. В университете складывалась занимательная картина. Н. Никандров отмечает, что сокурсником Солоневича был поэт Н. Гумилёв, который был известен своими монархическими взглядами. Сам Солоневич уже был убеждённым монархистом. Но профессура, то есть старшее поколение, состояло сплошь из людей с прогрессивными взглядами. В строках Никандрова можно найти следующее: «В своих лекциях учёные мужи с жаром проповедовали идеалы свободы, равенства, братства, а, следовательно, радикального обновления России. Как писал впоследствии Солоневич об университетских преподавателях, «почти все они были марксистами», использующими «немецкие шпаргалки» [8, с. 28]. Напрашивается любопытное заключение – если бы в те годы кто-нибудь прошёл исследование о влиянии теории марксизма, то его ожидал бы полный провал. Произошло бы это, поскольку предреволюционную образованную молодёжь никакой марксизм не интересовал. Это видно на примере биографии и Солоневича, и Гумилёва, и из творчества обоих. И не только их двоих. Самой характерной фигурой, которая олицетворяла предреволюционного профессора, был М.И. Туган-Барановский. Его фанатичное отношение к трудам К. Маркса не выдерживал никто, с кем он вступал в полемику. Иван Лукьянович даже перечитал «Капитал» и труды последователей Мозеса Мордехая Леви (Маркса), среди которых был и сам Туган-Барановский, и П.Б. Струве, который сменил вехи и отправился после революции в эмиграцию.

В контексте настоящего исследования важно отметить, что в заграничной газете Струве печатал свои работы и Иван Ильин. Нил Никандров приводит строки Солоневича о том, каков оказался итог общения молодого монархиста с закоренелым марксистом – профессором Туган-Барановским: «Вспоминая о «заблуждениях» студенческих лет, Солоневич писал: «Если бы это было юридически возможно, в эмиграции я предъявил бы проф. Туган-Барановскому иск за на-несение увечий моим мозгам: сейчас мне совершенно ясно, что после курса у проф. Туган-Барановского, я во всём, что касается народного и вообще человеческого хозяйства, вы-шел ещё большим дураком, чем был до курса. Можно было бы предъявить и иск об изувеченной жизни: наука товарища Туган-Барановского проповедовала как раз те пятилетки, ко-торые на нас всех и свалились» [8, с. 29]. Никандров не слу-чайно берёт слово «заблуждения» в кавычки. Надо адекватно понимать, что, если бы восприимчивость молодого Солоне-вича была бы высокой, он последовал бы в другой, отнюдь не монархический лагерь. Этого не произошло. Более того, Иван Лукьянович даже при выборе места работы в печати руководствовался в первую очередь убеждениями.

Так Солоневич познакомился с газетой «Новое Время». Никандров пишет, как долго и напряжённо Иван Лукьяно-вич искал постоянное место работы. Порой поиск растяги-вался на несколько месяцев, в течении которых журналист спал на одеяле, расстеленном на холодном полу, и голодал. Насколько тверды были убеждения Солоневича, повествуют конкретные строки: «Далеко не все газеты были приемлемы для Ивана по своей идейной направленности. Он нуждался в твёрдом заработке, чтобы содержать семью, но кривить ду-шой, изменять своим убеждениям не мог даже под угрозой голода. Свои взгляды Иван формулировал просто и катего-рично: монархия, православие, патриотизм. Либеральные веяния с «розовой подкладкой» были для него неприемлемы,

хотя именно эти «веяния» всё больше определяли «политический климат» в столице» [8, с. 33]. Газета «Новое Время», пожалуй, была единственным изданием, которое могло удовлетворить идеальные потребности молодого патриотически-ориентированного журналиста. Самыми известными авторами главного монархического печатного органа предреволюционной России были В.В. Розанов и М.О. Меньшиков. Их судьба после революции оказалась предрешена. Меньшикова по обвинению в антисемитизме расстреляли на берегу о. Валдай. Розанов последний год жизни голодал и умер в 1919 году в Сергиевом Посаде. Но ещё три года назад об этом нельзя было помыслить. Газета процветала. Её сотрудники в большинстве своём не бедствовали. Издание пользовалось авторитетом в том числе и у Государя-Императора. У Никандрова можно прочесть следующее: «Сотрудники газеты знали, что Николай Второй начинал свой день с чтения «Нового Времени», и гордились этим. Фотография Царя с газетой в кармане тужурки висела во многих кабинетах редакции, причём не только в «рекламных целях» [8, с. 33]. Постепенно, жизнь Солоневича начала налаживаться. Его сотрудничество с «Новым Временем» не приносило никакого богатства, но для вполне сносного существования заработка хватало. Это ясно из воспоминаний друга детства Ивана Лукьяновича – Льва Рубанова: «Потом в Петербурге, живя в студенческой компании на Вознесенском, часто ездил к Ване на Жуковскую, близ Эртельева переулка, где Ваня служил в «Новом Времени». На Жуковской у Вани я отдыхал от студенческой обстановки, так как Ваня имел квартиру в 3 – 4 комнаты, где его жена Тамара Владимировна, как гостеприимная хозяйка угощала гостей чаем, после чего состоялся иногда преферанс» [10]. Тамара Владимировна Солоневич, в девичестве Воскресенская, помогала мужу на протяжении всей совместной жизни, оборвавшейся в Софии в 1938 году. Анализ её биографии за-служивает отдельного абзаца.

Т.В. Солоневич оставила после эмиграции документальное свидетельство того, что Советский Союз искусственно создавал миф о благополучии внутри страны. Книга эта вышла в Болгарии в 1937 году под названием «Записки советской переводчицы». Но воспоминания Тамары Владимировны касаются и первых лет после революции. В частности, супруга Солоневича вспоминает, как в 1920 году в Одессе вся семья едва не была расстреляна за участие в подпольной организации. Переводчица пишет в следующих строках, насколько внезапным был арест для неё и её маленького сына Юры: «Идём через садик, я смотрю на окно нашей комнаты, и, о ужас, вижу такую картину: Ваня сидит на стуле, а около него два красноармейца с револьверами, наведенными на его лицо. Что случилось? Влетаю в комнату – с двух сторон ещё два солдата.

– Гражданка Солоневич, вы арестованы.
– В чём дело? У вас есть ордер?
– Какой там ордер, вот закончится обыск, поедете на шестнадцатую станцию, там разберём.
– Но, позовите, ведь это не по закону.
– Гражданка, замолчите и не разговаривайте» [13, с. 10].

Безцеремонное отношение новоиспечённой власти Солоневичи испробовали сполна уже при аресте в Одессе. Но это было только начало советских «приключений» семьи русских людей. На примере пережитого семьёй Ивана и Тамары можно судить об общей обстановке в стране. Сколько сотен тысяч (если не миллионов) семей не смогли оставить после катастрофы Гражданской войны никаких печатных или устных воспоминаний – исследователи продолжают счёт до сих пор.

Хладнокровное отношение красноармейцев во главе с комиссаром Рабиновичем к чужой семейной жизни видно и из следующего диалога Т.В. Солоневич с ними:

«– Мамочка, я хочу кушать...

Бог мой, да ведь Юрчик действительно с утра ничего не ел! Бедная детка, он ничего не понимает в происходящем. Его все эти чужие дяди, наводнившие нашу дачу, даже интересуют.

- Позвольте покормить ребенка.
- Нет, теперь никогда кормлениями заниматься. Едем к командиру.
- Да, но как же мой сын?
- А разве его не на кого оставить?» [13, с. 12].

Увы, Юрий Солоневич, сын Ивана и Тамары, узнал, что такое голод в стране, охваченной революцией, в слишком раннем возрасте. До 1934 года мальчик, а затем юноша, будет испытывать хроническое состояние голода как в концлагере, так и на воле. Зафиксировано это не только в книге его матери, но и в большом труде его отца, Ивана Лукьяновича, под названием «Россия в концлагере». Эта книга была написана уже после бегства Солоневичей в Финляндию. И она настолько обличила действующий в бывшей России режим, что Ивана Лукьяновича советская власть не простила до самой его смерти. В первых главах «России в концлагере» Солоневич раскрыл факты того, что в Советском Союзе идёт непрерывная внутренняя борьба: «Процесс идёт чрезвычайно противоречивый и сложный. Властью создан аппарат принуждения такой мощности, какого история ещё не видела. Этому принуждению противостоит сопротивление почти такой же мощности. Две чудовищные силы сцепились друг с другом в обхватку, в безпримерную по своей напряжённости и трагичности борьбу. Власть задыхается от непосильности задач; страна задыхается от непосильности гнёта» [12, с. 5]. Естественно, для зарубежного читателя было шоком то, что написали и Тамара Владимировна, и Иван Лукьянович. Делегации иностранцев, регулярно бывавших в стране Советов, пусть и социалистически-настроенных, не видели того ужаса, в котором находилась значительная часть русского населения.

Тамаре Солоневич посчастливилось избежать концлагеря. Она выехала из страны по иностранному паспорту, который был выдан в связи с заключённым браком с гражданином Германии. Естественно, брак был фиктивным. Но и она зафиксировала факты унижения простых русских людей, которые так никакого паспорта и не получили. Характерен эпизод, в котором Т. Солоневич описывает пожилую русскую женщину, приходившую регулярно к окну выдачи паспортов, но так и оставшуюся ни с чем: «И вот ходила эта старушка так же, как и я, из недели в неделю и из месяца в месяц. Однажды я была свидетельницей, как из окна на её просительный вопрос резко послышалось:

– Вам, гражданка, в выезде отказано.

Старушка тут же грохнулась на землю. Стояла и рыдала. Я пыталась её успокоить, но меня оттолкнули чьи-то сильные руки. Два красноармейца, дежурящие внизу, взяли её и вынесли. Посадили на извозчика. Увезли. Хотелось надеяться, что домой» [13, с. 215 – 216]. Так или иначе, семья Солоневичей вынесла испытания всеми кругами советского ада, вынужденно распадалась, вновь соединялась, но боролась с жесткостью большевицкой машины до последнего. Уже в эмиграции руки чекистских палачей достали семью Солоневичей. В феврале 1938 года в столице Болгарии Софии в редакции газеты «Голос России» раздался сильный хлопок. Сработало взрывное устройство. Иван Лукьянович и сын Юрий не пострадали, но Тамара Владимировна и секретарь Николай Михайлов при взрыве погибли.

Эта тема заслуживает отдельного анализа. Тщательное исследование произошедшей трагедии провёл Н. Никандров. Он с точностью до минут воспроизвёл все события и детали взрыва в доме Солоневичей в Софии: «В дверь редакции, которая находилась на первом этаже дома № 38 на бульваре Царь Иван Асен II в 9.30 утра 3 февраля 1938 года позвонил посетитель в коричневом пальто и шляпе, надвинутой на

глаза. Пожилая экономка Солоневичей немка Иоганна Грайс приняла визитёра, который вручил ей пакет и, сказав, что «это книги для Ивана Солоневича», тут же вышел. Экономка оставила пакет на большом столе в гостиной комнате, которая использовалась в качестве редакционного помещения и столовой. В 11 часов пришёл секретарь Николай Михайлов и, по заведённому порядку, взялся за разборку почты. Тамара помогала ему. Взрыв в редакции «Голоса России» раздался в 11 часов 30 минут» [8, с. 365]. Подробности трагедии ужасают. От Н. Михайлова ничего не осталось. Тамара Владимировна умерла спустя два часа после взрыва. Никандрову удалось выяснить, что перед смертью автор «Записок советской переводчицы» спрашивала, где Юра и где её глаза. После смерти Тамары Солоневич многие видные деятели русской эмиграции отозвались скорбью на трагедию. Никандров пишет об этом в главе «Покушение» своей книги: «Соболезнования прислали многочисленные русские организации, эмигрантские деятели культуры и искусства. Среди них – И.А. Бунин, который написал: «Дорогие Солоневичи! Не нахожу слов, чтобы выразить Вам свои чувства, но надеюсь, что Вы поймёте их и без слов. Да сохранит Вас Бог. Ваш Ив. Бунин» [8, с. 372]. Удивительно, но даже в дни трагедии в среде Русского Зарубежья нашлись люди, которые не испытали чувств скорби. Среди них был и Иван Ильин.

Комментарии ко второму тому переписки И.А. Ильина и И.С. Шмелёва содержат записку первого, которая не была опубликована при жизни философа. Составитель сборника Ю. Лисица утверждает, что документ был найден в Архиве Ильина в Мичигане. Весь текст записи приводиться здесь не будет, но некоторые отрывки ярко демонстрируют неприязнь философа к семье Солоневичей: «Безбожные, а потому глубоко пошлые люди. Пролганные, циничные, советские ловчилы. Ni foi, ni loi <(фр.) ни стыда, ни совести. – Ю. Л.> . Пустые души, в которых есть только личная злоба и жажда ме-

сти по отношению к коммунистам. И эту личную злобу они театрально разыгрывают как пламенный патриотизм, делая себе на этом эмигрантскую карьеру среди демагогирующих штабс-капитанов. Приехали демократами-республиканцами – и к Милкову; не пристроились – объявили себя, держа нос по ветру, монархистами, чтобы писать о Вел. Кн. Кирилле такие вещи и таким тоном, от которого порядочному немонархисту стыдно становится» [4, с. 554]. О гибели Тамары Владимировны Ильин высказался сухо, неприязненно. Видно, что философ не поверил в те факты, которые были переданы Иваном Солоневичем в книге «Россия в концлагере», не поверил и в искренность написанного Тамарой Владимировной в «Записках советской переводчицы». Судя по всему, Иван Александрович был подвержен слухам о том, что Солоневичей отправило за границу ОГПУ. Иначе бы не написал идеолог РОВС таких слов о трагедии в семье журналистов: «Тягостно видеть против сатаны не меч архангела, а талантливо извивающийся чёртов хвост. Убийство госпожи Солоневичей производит впечатление ужасной и грязной истории, случившейся с отвратными людьми: сатана чёрта растерзал, злодеи живого лемура переехали, волка поезд раздавил. И всё это они делают – насыщено самовлюблённостью, пьяною рисовкою, каким-то нескрываемым безстыдством, эксгибиционизмом» [4, с. 554]. Никандров также привёл эту записку в главе своей книги. Исследователь отметил, что Ильин, при всей безжалостности к ненавидимым им людям, сделал некоторые выводы о пользе деятельности Солоневичей: «Несмотря на предельную безжалостность оценок (ни одного слова «в пользу» братьев!), Ильин пришёл к весьма неожиданным выводам: «А говорить об этом сейчас публично – не следует – Солоневичи пока «полезны» [8, с. 378]. Данная записка вполне конкретно демонстрирует взаимоотношения между разными группами Русского зарубежья.

Так, настоящая статья попыталаась осветить основные биографические особенности И.А. Ильина и И.Л. Солоне-

вича, которые повлияли на формирование у писателей их публицистического мировоззрения. Некоторые авторы, которые пишут о героях настоящего исследования, приводят факты весьма неаккуратно. Примеры тому – статья Е. Галицкого «Пассажир Философского парохода. (Ещё раз об И.А. Ильине)» и книга И. Воронина «Гражданин Империи. Очерк жизни и творчества Ивана Лукьяновича Солоневича». Но настоящая работа показала и следующее: даже авторитетный русский философ не удержался под натиском всевозможных мифов и обрушился с критикой на Солоневича и его семью даже тогда, когда она нуждалась в сочувствии и поддержке. Всё же нужно подчеркнуть, что мировоззрение Ильина и Солоневича формировалось совершенно разными путями. Если мыслитель прошел обучение в московских гимназиях и закончил юридический факультет университета Старой столицы, выступал с лекциями за рубежом, то автор «России в концлагере» в эти же годы испытал на себе все трудности жизни юноши из глубинки. Экзамены на аттестат зрелости без обучения в гимназии, споры с марксистами в университете Петербурга, работа в «Новом Времени» и революция – эти факторы повлияли на формирование крепкого монархического мировоззрения Солоневича. Более того, Ильин работал в Москве при большевиках до 1922 года, Иван Лукьянович в это время пытался устроить жизнь в Одессе, будучи связанным с Белым подпольем. Далеко не факт, что потомственный интеллигент Ильин вынес бы такое количество времени при большевицкой власти, какое перенёс физически и духовно сильный организм Солоневича.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Воронин, И.П. Гражданин Империи. Очерк жизни и творчества Ивана Лукьяновича Солоневича / И.П. Воронин. – М. : Изд-во «ФИВ», 2013. – 496 с.

2. Галицкий, Е. Пассажир Философского парохода. (Ещё раз об И.А. Ильине) / Е. Галицкий // Завтра. – URL: [https://zavtra.ru/blogs/passazhir_filosofskogo_parohoda_\(eshyo_raz_ob_i_a_il_ine\)](https://zavtra.ru/blogs/passazhir_filosofskogo_parohoda_(eshyo_raz_ob_i_a_il_ine)) (дата обращения: 07.01.2022).
3. Ильин, И.А. Собрание сочинений: Переписка двух Иванов (1927–1934) / сост., вступ. ст. и comment. Ю. Т. Лисицы ; расшифр. и текстол. подгот. писем И.С. Шмелева О.В. Лисицы ; худ. Л.Ф. Шканов. – М. : Русская книга, 2000. – 560 с.
4. Ильин, И.А. Собрание сочинений: Переписка двух Иванов (1935–1946) / сост. и comment. Ю.Т. Лисицы ; расшифр. и текстол. подгот. писем И. С. Шмелева О. В. Лисицы ; худ. Л.Ф. Шканов. – М. : Русская книга, 2000. – 576 с.
5. Казанцев, Н.Л. Иван Солоневич и «Кирилловичи» / Н.Л. Казанцев // Наша страна (Буэнос-Айрес). – 2014. – № 2990. – С. 1.
6. Лисица, Ю.Т. Иван Ильин: Поющее Сердце / Ю.Т. Лисица // Православие и мир. – URL: <https://www.pravmir.ru/ivan-ilin-poyushhee-serdce/> (дата обращения: 07.01.2022).
7. Минаков, А. Иван Ильин: мыслитель для людей сильной воли / А. Минаков // Катехон. – URL: <https://katehon.com/ru/article/ivan-ilin-myslitel-dlya-lyudey-silnoy-voli> (дата обращения: 07.01.2022).
8. Никандров, Н. Иван Солоневич: народный монархист / Н. Никандров. – М. : Алгоритм, 2007. – 672 с.
9. Последний рыцарь Империи: документальный фильм. 2014 г.–URL: <https://www.youtube.com/watch?v=a4ABrD7lp24> (дата обращения: 14.01.2022).
10. Рубанов, Л. Памяти основателя / Л. Рубанов // Наша Страна (Буэнос-Айрес). – 1988. – 17 сент. (№ 1989). – С. 4.
11. Русский философ Иван Ильин: документальный фильм. 2011 г.–URL: <https://yandex.ru/video/preview/2500177989314582440> (дата обращения: 08.01.2022).
12. Солоневич, И.Л. Россия в концлагере / И.Л. Солоневич. – 5-е изд. – [Б. м.] : Изд-во П.Р. Ваулина, 1958. – URL: <https://>

- vk.com/doc63830945_563840740?hash=8015f448af5f7e36c&dl=GU2DQOJUGA2DGNA:1642519828:5270ce58dd91147d27&api=1&no_preview=1 (дата обращения: 18.01.2022).
13. Солоневич, Т.В. Записки советской переводчицы / Т.В. Солоневич ; под ред. Л.М. Суриса. – М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2016. – 223 с.
14. Щедровицкий, П.Г. Очерки об И.А. Ильине / П.Г. Щедровицкий // Петр Щедровицкий : официальный сайт. – URL: <https://shchedrovitskiy.com/wp-content/uploads/ilyin-ivan-alexandrovich.pdf> (дата обращения: 08.01.2022).
15. Poltoratskii, N. P. (Nikolai Petrovich), 1921– Ivan Aleksandrovich Il'in: zhizn', trudy, mirovozzrenie: sbornik statei / N. Poltoratskii. – N. J., 1989.

https://rkuban.ru/archive/rubric/literaturovedenie-i-kritika/literaturovedenie-i-kritika_14391.html

о.Р.Б.

МАЛОЕ СЛОВО О БРАТОЛЮБИИ И НЕДОСТАТКЕ ОНОГО

Обсуждая недавно с одним из досточтимейших Братьев проект сборника «Два Ивана», задались вопросом: отчего возникают «нелюбки» меж мужами, кои «по всему» должны бы *быть «как братья»*. Два Ивана – Иван Ильин и Иван Солоневич – оба «матёрые» русские «человечеци», все разногласия меж которыми чисто «стилистические». Ну да, один «мужик», другой «барин», один «профессор», другой «народный интеллигент»... но разве се такая уж непреодолимая «преграда»? Ведь «упование» общее, одни и те же враги – что политические, что «философическите» - и у того, и у другого. Одна и та же любовь – к Богу и Царю, к Православию и Руси – а вот поди ж ты... И кабы случай «Двух Иванов» был единичным... *«Мы, Русские, друг друга едим и с того сыты бываем»*, давно сказано, и сказано «на века»... *«Си заповедаю вам, да любите друг друга»* (Ин. 15, 17), рече Господь Своим учеником... *«По тому и узнают, что вы – Мои ученики, если будете иметь любовь между собою»* (Ин. 13, 35)... Столько фальшивых слов говорилось и говорится «о любви» как бы «от имени христианства», что мы, когда призваны были к проповедническому служению, предпочли избегать банальностей «на темы любви христианской», предпочли *проповедовать «ненависть»*. Хотя, разумеется, «с какого конца не начать», в *начале начал всё равно обретается Любовь*. Ради Любви, и *из-за Любви* были вызваны к бытию Небо и Земля «со всею лепотою их»... Самая «ненависть» христианская источником своим имеет Любовь. Се – ненависть к ненавидящим Любовь. *«Не ненавидящия ли Тя, Господи, возненавидех, и о вразех Твоих истаях? Со-*

вершенною ненавистию возненавидех я» (Пс. 138, 21-22). Однако, по истечении времени, мы видим, что среди тех, кто хоть как-то склонен был внимать учению нашему, «учеников ненависти» оказалось намного больше, нежели «учеников любви». Причём оная «ненависть» обратилась вовсе не на «внешних», *чуждых Христу и Его Церкви*, сия «ненависть» обращалась прежде всего на «своих», на *«ко-учеников» Христовых*... Пусть то была подчас «ненависть» весьма невысокого «градуса» («неприязнь»), всяко «ненависть» сих лже-братьев оказалась *«несовершенной»*... Спаситель в Молитве, кою Он Сам дал Своей Церкви, не сказал «избави нас *от лукавых*», то есть от недобрых людей, «врагов», но сказал *«от лукавого»*, т.е. от «диавола, как виновника всех зол», обращает внимание, толкуя Молитву Господню, св. Златоуст. Се для того, чтобы научить нас не обвинять огорчающих нас или чем-то несимпатичных нам и не «злится» на них, но «всю вражду свою обращать супротив лукавого-диавола». Называя его «лукавым», Спас «повелевает нам вести против него непримиримую брань», а также показывает, что он таков не по природа, а по лукавому изволению. Св. Златоуст подчёркивает, что «зло зависит *не от природы, но от свободы*», а значит, добро и зло не два равнозначных начала, зло не естественно ни одной сотворённой природе»... Столько фальшивых слов говорится и будет говорится «о любви» как бы «от имени христианства», и всё же паки необходимо призывать к Любви... Понимаем, что распростирать свою «любовь» на «всех вообще» се – дело едва ли исполнимое для человеков, да и едва ли «нужное» (даже у Христа были свои «любимчики»). Но неприязнь к природно-«своим», к своей «породе», не должна иметь места средь добрых Христиан. Ежели и не возгревать в себе *«братолюбие»* (кое «трудно» по немощи нашей), то избегать *«братоненавидения»* - се вполне «по силам»... Говорят, св. апостол Иоанн Богослов, чьи уста за многолетние апостольские труды изнесли изряд-

ное «богатство богословия», в последние годы (пред своим таинственным «уходом»), повторял учениками своим только лишь одну фразу: ***«детки, любите друг друга!»***. При всей громадной разнице меж нашим смирением и Апостолом Любви, паки повторим: ***«Белые братья! любите друг друга!»***... «Белые» во всей полноте смыслов: от приверженности Белой Идее до белизны «кожаных риз», в кои мы, волею Божией, облечены... Ежели мы, притязающие на высокое и многообязывающее имя «истинных православных христиан», не будем иметь любви между собою, смогут ли узнать в нас учеников Христовых?

Константин Панфилов

**ПРИЧИНЫ РЕВОЛЮЦИЙ 1917 ГОДА
В ТРУДАХ И. А. ИЛЬИНА И И. Л. СОЛОНЕВИЧА:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ**

Революционные события 1917 г. оставили неизгладимый отпечаток на всей российской истории. Причины событий февраля и октября 1917 г. до сих пор анализируются историками, политологами и другими учеными. Особенно важное место эти события занимали в дискуссиях Белой эмиграции. Два наиболее значительных философа ее монархического крыла — И. А. Ильин и И. Л. Солоневич — посвятили исследованию причин революции множество своих работ, и, хотя их жизненные пути и политические позиции несколько различаются, их выводы относительно революционных событий во многом сходятся. Соответственно, сопоставление позиций этих русских философов относительно революционных событий 1917 г. представляется необходимым в связи с дефицитом работ, специально посвященных данной теме.

И. А. Ильин настаивал, что незадолго до революции ни в народных массах, ни в интеллигенции не были воспитаны здоровое правосознание, религиозность и патриотические чувства [1. — С. 323]. Он отмечал, что непонимание обществом основ государственной жизни и своего места в нем выражалось в эгоизме, свойственном для дореволюционного общества. Оно было связано с тем, что связь между верховной властью и народом была нарушена.

По мнению И. А. Ильина, русские люди не были удовлетворены своим положением, причем это касалось абсолютного большинства людей безотносительно к их сословному положению. К этому прибавилась и всеобщая формализация культуры, религии и науки. «Не в материальных основах

жизни, не в хозяйстве и не в технике надо искать последних причин нашего крушения, а в духовных основах... Наше крушение есть прежде всего духовное крушение» [3. — С. 68]. Обретя форму, но лишившись содержания, духовная жизнь в России, по его мнению, отмерла, равно как и нравственность, и народ потерял моральные ограничители. Это означало только одно: грядущая революция должна была лишь закрепить и формализовать окончательное отмирание духовной жизни.

Следует заметить, что И. А. Ильин, несмотря на философское объяснение причин революции, вовсе не игнорировал социальные силы. Например, крестьянство, будучи превалирующей группой населения, по его мнению, было особенно опасным для государственной стабильности. Он приписывал ему, в частности, неудовлетворенность результатами своего труда. Кроме того, в крестьянской среде была распространена убежденность в том, что только экстенсивное использование природы и хищническое отношение по отношению к соседу-земледельцу способно привести к положительным результатам. Неизжитая же травма крепостничества также была чревата и неприятием крестьянством верховной власти, а при условии численности этого сословия такая ситуация несла российской государственности огромную скрытую угрозу [2. — С. 114].

Будучи убежденным в существовании в российском обществе глубинных психологических травм, И. А. Ильин также считал, что сама монархия, ко всему прочему, была лишена воли к борьбе с революцией, и потому пала [3. — С. 117]. Но совпадение этих негативных тенденций являлось следствием духовного кризиса всего русского общества [4. — С. 120]. Приход же к власти большевиков лишь окончательно прервал историческую преемственность — химера революции их руками поработила Россию.

Позиция И. Л. Солоневича относительно причин революции была во многом близка позиции И. А. Ильина, однако

он иначе трактовал ее предпосылки. Прежде всего нужно отметить, что в отличие от И. А. Ильина он весьма строго персонифицировал виновников обеих революций 1917 г. Также он полагал, что весь период российской истории после Петра I и институты, введенные этим царем, совершенно чуждые и духу, и исторической традиции русского народа, породили конфликт между ним и троном, который был окружен дворянской бюрократией, имевшей свои собственные, противоречащие и народу, и монарху интересы. Эта эпоха представлялась ему растянутой во времени насильственной и непримлемой для России модернизацией. В своем главном труде «Народная монархия» он писал: «Российская монархия петербургского периода старалась стать народной, полноценной и устойчивой — это ей не удалось» [5. — С. 40].

Следует однако заметить, что немногочисленные попытки приблизиться к народным массам российская власть начала совершать только на рубеже XVIII и XIX вв., да и то лишь в лице русских императоров, начиная с Павла I. Из-за этого некоторые из самодержцев становились жертвами правящего класса и революционной интелигенции.

По аналогии И. Л. Солоневич обвинял в февральском перевороте финансовую, военную и земельную знать, в основном дворянского происхождения — ее устремления были эгоистическими и антигосударственными [8].

И. Л. Солоневич в целом невольно поддерживал позицию И. А. Ильина о социальном застое, приведшем к революции, называя такую ситуацию «социальным тупиком» [8]. «Предреволюционная Россия находилась в социальном тупике — не хозяйственном, даже и не политическом, а социальном. Новые слои, энергичные, талантливые, крепкие, хозяйствственные, пробивались к жизни и к власти. И на их пути стоял старый правящий слой, который уже выродился во всех смыслах, даже и в физическом» [7. — С. 216].

Однако он вовсе не считал, что народ, точнее его основная масса крестьян и рабочих, был обездолен и имел какие-то се-

рьезные причины участвовать в революционном хаосе. На-против, И. Л. Солоневич считал, что средний русский обыватель проигнорировал революцию, рассчитывая на разумное поведение верховной власти, которая полностью себя дискредитировала действиями «февралистов». «Двигателями революций февральской и октябряской, — считал И. Л. Солоневич, — стали худшие представители высших и низших слоев общества» [6. — С. 233].

Очень часто среди непосредственных виновников революций И. Л. Солоневич выделял интеллигенцию, называя ее «второсортной» [8], так как именно она десятилетиями проповедовала пользу революции и ее неизбежность: «...делала революцию вся второсортная русская интеллигенция последних ста лет» [8]. Эта ответственность за революцию, считал Иван Лукьянович, лежала на тысячах «безымянных профессоров», которые в течение десятков лет учили молодежь тому, что революция научно обоснована и исторически неизбежна. Этот слой, увлеченный либеральными идеями, был многочисленным, и, в отличие от высшего слоя интеллигенции, увлеченного работой на благо общества, научными исследованиями и т. д., не производил ничего полезного для общества и государства, лишь расшатывая основы императорской России. Ко всему прочему добавлялись и карьеристские устремления интеллигентов, смешанные со снобизмом и «идейностью» [6. — С. 46-47]. Не скрывая свое глубокое неприятие, И. Л. Солоневич называл этих людей «Св. Интеллигенцией». В статье «Медведь и его шкура», написанной уже после Второй мировой войны, И. Л. Солоневич повторил, что революция есть закономерное развитие всей предшествующей истории русской интеллигенции, которая всегда занималась только утопическим прожектерством иискажением действительности [6. — С. 89].

Для И. Л. Солоневича также были важны и внешние факторы революции, однако не все они имели одинаковый вес. Он был совершенно не согласен с конспирологическими вер-

сиями, распространенными в Белой эмиграции. Хотя он не сомневался в английских интригах против монаршей четы и немецких деньгах, которыми щедро снабжались революционеры, сама мысль о предательстве российскими элитами своей страны за иностранные деньги казалась ему необъективной и даже глупой. Важнейшим внешнеполитическим фактором революции для И. Л. Солоневича была война, а точнее плохая организация тыла и поражение на фронте, осадившие патриотический подъем времен начала войны [7. — С. 216].

В целом И. Л. Солоневич рассматривал события февраля 1917 г. как переворот, который в итоге привел к деградации государственной машины и приходу к власти большевиков. Публицист не находит революции никакого оправдания. Ей способствовали лишь неудачное стечание обстоятельств русской истории и недальновидность внутрироссийских групп влияния, боровшихся за власть и не считавшихся ни с какими рисками ни для себя, ни для собственной страны.

И. Л. Солоневич делает свое заключение о революции: «...революции нет никакого оправдания. И в ней не было никакого „народа“. Была грязь, предательство, бездарность, безчестность — немецкие деньги, английские влияния, безмозглое своекорыстие, — кровь и грязь, грязь и кровь...» [8]. Таким образом, можно сделать вывод, что революцию он рассматривал лишь как трагическую случайность.

Следует заключить, что И. А. Ильин и И. Л. Солоневич считали потерю связи между народом и верховной властью ключевой причиной революционного крушения Российской империи. Первый полагал, что к возникновению революционной ситуации в России привели духовные и психологические факторы, а второй — ситуационные.

Литература

1. Ильин И. А. Собрание сочинений: Мир перед пропастью. Часть III. Аналитические записки и публицистика (1928-)

- 1941) / Сост. и comment. Ю. Т. Лисицы. — М.: Русская книга, 2001.
2. Ильин И. А. Собрание сочинений: Кто мы? О революции. О религиозном кризисе наших дней / Сост. и comment. Ю. Т. Лисицы; Им. указ. О. В. Лисицы; Худож. Л. Ф. Шка-нов. — М.: Русская книга, 2001.
3. Ильин И. А. Собрание сочинений: Русский колокол: Журнал волевой идеи / Сост. и комм. Ю. Т. Лисицы; Подгот. текста и имен. указ. О. В. Лисицы; Худож. Л. Ф. Шка-нов. — М.: ПСТГУ, 2008.
4. Панфилов К. С. И. А. Ильин о советском обществе // Актуальные проблемы теории и практики управления и социологии: материалы XIV научно-практической конференции / Под ред. Л. Е. Мошковой, С. В. Чегринцовой. — Тверь: Твер. гос. ун-т., 2015.
5. Солоневич И. Л. Народная монархия — М.: Издательство «Римис», 2005.
6. Солоневич И. Л. Загадка и разгадка России / М.: Издательство «ФИВ», 2013.
7. Солоневич И. Л. ХХ век. Так что же было? / М.: Издательство «ФИВ», 2009.
8. Солоневич И. Л. Великая фальшивка Февраля // «Неизвестные страницы Русской истории» [сайт]. — URL: http://www.rus-sky.eom/history/library/February.htm#_Toc432477102.

(Источник: ж-л «Русская политология» №2, 2017)

Алексий Широпаев

ПРОРЫВ

Февраль

*Достать чернил и плакать!
Писать о феврале навзрыд,
Пока грохочущая слякоть
Весною черною горит.*

Борис Пастернак

Февраль Семнадцатого – это С.-Петербург и заполонившая его Толпа, Масса, «рабочий народ» с окраин. Легко преодолев податливые казачьи кордоны, Масса перевалила по мостам через Неву и затопила центр столицы. Именно затопила, ибо в этом нашествии было что-то от разгула стихии, от потопа. Будто гнилая тёмная вода вышла из берегов, поднялась и хлынула из люков канализации, неся хаос и смятение в этот блистательный город. Был некий антагонизм между Массой и великолепной Столицей.

Масса будто не считала С.-Петербург своим городом. Петербург Пушкина, Достоевского, Серебряного века, Петербург Исаакия, мраморных колонн и каналов, белых ночей и Дворцовой набережной был чужд этой Массе и даже будто противен. Масса пришла в питерский центр как завоеватель, как варвар – и она заплёвывала этот город, глумилась над ним, наслаждалась его унижением и своей властью над этой красотой, так и оставшейся за 200 минувших лет чуждой и непонятной Массе. Это было не столько восстание, сколько нашествие. Отмщение не только власти, но и всему строю культуры, воплощённому в Санкт-Петербурге.

Подспудная безсознательная сила два века глухо толкалась в Столицу, влажно тёрлась о её граниты, искала в них щель

или трещину. И вот нашла. Перебой с чёрным хлебом – это же явно надуманный, смехотворный по сути повод, наконец-то удачно найденная трещина, в которую попёрла могучая и безликая народная хтонь, раздвигая и сворачивая плиты и блоки, валя опоры и столпы. «Хлеба!», – с освобождённой хамской наглостью гаркнула совсем не голодная Масса, запустив первый булыжник в окно булочной. Что на самом деле означало «Долой!»...

Захватив С.-Петербург, февральская Масса стала тут же переделывать, переиначивать его «под себя», под свои понятия и нравы, под свою эстетику. И она сделала это. Масса создала свой Питер, оставив от прежнего города лишь оболочку. Первым делом она заплевала его своими любимыми семечками, вызывавшими дрожь отвращения у Бунина. Её стала распирать весёлая удаль пополам со зверством. Она громила кондитерские, выбрасывала в грязный снег белые булки и торты, и орала: «Хлеба!». Она ломала и опрокидывала трамваи, а городовым, пытавшимся её остановить, проламывала головы – а вокруг была разливанная радость освобождения. Походя убивала попавшихся на улице стариков-сановников, сладострастно глумилась над офицерами, отбирая у них оружие. Это очень быстро стало утончённым наслаждением толпы. Вскоре оно вылилось в антиофицерский геноцид в армии и на флоте. В сознании Массы офицер – «его благородие» – был символом, знаком ненавистного ей строя культуры и потому подлежал особому унижению. Отбирая у офицера шашку, Масса «ритуально» приканчивала, обезещивала мир, где ценилась честь. Ей самой было неведомо и чуждо это непонятное барское понятие. Масса – синоним количества, уравниловки и смешения, она не терпит дистанции, различий и уж тем более – чьё-то превосходство в качестве. Масса бурлила в берегах проспектов и чутко выделяла в себе инородные «тела», косилась на чистых и статных, на всех, на ком пока не было кумачёвой отметины «свой» (красный бант

быстро стал знаком новой благонадёжности, принадлежности к стаду).

И уж конечно она сполна, от души отыгралась на тех, перед которыми всегда поджимала хвост – на полицейских и жандармах. Их толпой втаптывали в кровавый снег, топили в прорубях, им выкальывали глаза. Само словосочетание «страж порядка» бесило толпу. Масса открыла ворота тюрем и освободила «социально близких». Она почуяла вкус грабежа, она смекнула, что пробил час, когда можно поживиться богатством этого ненавистного Города, этой гордой Столицы. Масса пошла по ней с «объисками», стучала прикладами в две-ри хороших квартир и домов, ворвалась в зеркальный холл «Астории», всюду утверждая право своей силы, от которой уже не было укрытия.

Как сказано в одной великой книге, «треснули щиты и настало время волков». Время пещеры и подворотни. Царственный европейский город обрушился в дикость. И чисто бытовую – тоже. Масса стала загаживать С.-Петербург – буквально! – топить его в своих фекалиях. Там, куда явочным, революционным «порядком» вселялась Масса, канализация неправлялась с её отправлениями. Туалеты являли собой чудовищное для нормального горожанина зрелище. Немного позже, в Октябре Семнадцатого, после взятия Зимнего, обнаружили, что множество прекрасных дворцовых ваз, этих «каменных цветков», доверху заполнены испражнениями – туалеты во дворце, кстати, работали, так что сие было опять-таки «ритуальным» загаживанием старого мира, его «барских» идеалов красоты. Но сама фекализация России началась ещё в Феврале. Правда, тогда до Зимнего Масса пока не добралась, но она дотянулась своей лапой до другого дворца – Таврического.

Государственная Дума, с трибуны которой нередко апеллировали «к народу», была мгновенно сожрана Массой, заполонившей Таврический дворец и тупо, дымя махоркой,

рассевшейся в депутатских креслах. Напомню, за десять лет до Февраля, в 1907 году, в зале заседаний Государственной Думы пророчески обрушился потолок. Так вот теперь, в Феврале, произошло культурное и политическое обрушение до пещерного уровня. Государственная Дума в мгновение ока превратилась в Совдеп – безсмыленный и безпощадный. Масса селевым потоком разлилась по мраморным залам, белым коридорам, дубовым кабинетам, разумеется, вскорости фекализировала туалеты, а кучке «буржуазных деятелей» в хороших костюмах оставалось лишь ютиться по углам да захватывать нос.

Известный кадет В. Набоков (отец писателя) вспоминал о том, что он тогда увидел в Таврическом: «Солдаты, солдаты, солдаты, с усталыми, тупыми, редко добрыми или радостными лицами; всюду следы импровизированного лагеря, сор, солома; воздух густой, стоит какой-то сплошной туман, пахнет солдатскими сапогами, сукном, потом...». Набоков, похоже, уже тогда понял, что его мір навсегда остался на «других берегах» – и о них многие годы спустя напишет Набоковский в своих воспоминаниях. Знаменитый думский депутат В. Шульгин выражался намного жёстче: «...Безконечная струя человеческого водопровода бросала в Думу всё новые и новые лица... Но сколько их ни было – у всех было одно лицо: гнусно-животно-тупое или гнусно-дьявольски-злобное... Пулемётов – вот чего мне хотелось...».

Но вместо «пулемётов» Шульгин на пару с Гучковым поехал к Императору и вернулся с манифестом об отречении, думая этим накормить «зверя». Но красная тризна была лишь в самом начале. Масса только входила во вкус. И она не наелась манифестом, нет. Он лишь разжёг её зверский аппетит: вслед за городами поднялась Масса в деревне, учинив нечто вроде второго батыева нашествия.

Исчезали не только усадьбы, заводы, мельницы; исчезали целые леса, сады, менялся ландшафт. Начав с Питера, Масса переделывала «под себя» Россию...

Я пишу: Масса. А надо бы: «тьмы и тьмы и тьмы». Поэт, чуткий к хаосу, уловил эту «тьмяность», т.е. глубинно-почвенный гул смуты. Сама почва заходила, сбрасывая с себя чуждые культурные надстройки: усадьбы, парковые ансамбли и прежде всего – Петербург. Не надо нам всего этого, да, «скифы мы», «азиаты мы»...

Чтобы наглядно представить себе, что в Феврале происходило на питерских улицах, вспомним фильм Г. Чухрая «Сорок первый», по Б. Лавренёву. Точнее только один кадр, знаковый: два профиля друг против друга, в упор – гвардии поручик Говоруха-Отрок и комиссар Евсюков. Два типажа, две культуры. Впервые они, точнее, такие, как они, встретились вот так, лицом к лицу, конечно, не в аральских песках, а на февральском снегу Северной столицы. Ведь поручик сам же яростно рассказывал снайперше Марютке, как пьяная солдатня на вокзале в Гомеле сорвала с него погоны и вымазала «сортирной жижей» (фекалии, главная субстанция тех дней). Но то же самое вполне могло произойти и где-нибудь на бурлящем Литейном или у мятежных гвардейских казарм. Россия «скифская» начала тогда великую травлю России Петербургской.

Сам поручик – чистый петербуржец и по рождению, и по культуре. Он сын Петербурга, его стихов, его синего взморья, по которому ходил на своей яхте, заплывая, возможно, в Гельсингфорс, на Готланд, в Стокгольм – всё ведь рядом! И вот эта жизнь, тот Петербург – теперь безконечно далеко, в другом времени. Поручик в плена у комиссара, посреди аральских песков, что как бы символизирует победу России «скифской», её стихийную неодолимость. Пленный поручик под конвоем шагает по пустыне, не сгибаясь под едким азиатским ветром и не уставая, ёмко объясняя удивлённому комиссару свою выносливость: «Не поймёшь. Разница культур. У тебя тело подавляет дух, а у меня дух владеет телом. Могу приказать себе не страдать».

Разница культур... Думается, поэт Николай Гумилёв, уроженец Кронштадта, сын балтийских ветров и просторов, живший и погибший в Петербурге, путешественник и воин-кавалерист, тоже мог бы сказать нечто подобное и в том же тоне. Очень возможно, что в другой, питерской жизни, лавренёвский поручик, как мы знаем, «понимавший в стихах», зачитывался Гумилёвым и даже общался с ним – ведь они люди одной крови, одного культурного костяка.

Но есть и различие. У поэта, в отличие от поручика, никогда не было иллюзий насчёт революции.

О чём же думал Николай Гумилёв в 1917-м, что он чувствовал? Вот его стихотворение «Швеция», написанное в том «чёрном году»:

Страна живительной прохлады
Лесов и гор гудящих, где
Всклокоченные водопады
Ревут, как будто быть беде.

Для нас священная навеки
Страна, ты помнишь ли, скажи,
Тот день, как из Варягов в Греки
Пошли суровые мужи?

Ответь, ужели так и надо,
Чтоб был, свидетель злых обид,
У золотых ворот Царьграда
Забыт Олегов медный щит?

Чтобы в томительные бреды
Опять поникла, как вчера,
Для славы, силы и победы
Тобой подъятая сестра?

И неужель твой ветер свежий
Вотще нам в уши сладко выл,

К Руси славянской, печенежьей
Вотще твой Рюрик приходил?

Да, похоже – вотще. Сестра не поникла – рухнула. На гла-зах Гумилёва Масса растаптывала созидательное, «варяж-ское» начало, попирала Город, когда-то ознаменовавший со-бой второе, петровское призвание варягов. Поэт знал, что об-речён на гибель в этом погружённом в «томительные бреды» Питере, где отныне «тело подавляет дух», диктуя новые за-коны существования. Об этом – гумилёвский «Заблудивший-ся трамвай» (1919). Это прощание со своей жизнью, со всё более призрачным Петербургом Исаакия и Всадника («По-нял теперь я: наша свобода только оттуда бьющий свет...»). Судьба, оставляя «огненную дорожку», несёт поэта к развяз-ке. Гумилёв знал: таким, как он, не сносить головы, их «ва-ряжскую» породу вскорости изведут...

Офицерика,
Да голубчика
Прикошили
Вчера в Губчека.
Гаркнул «Яблочко»
Молодой матрос:
«Мы не так ещё
Подотрём вам нос!»

Такие частушки наяривал любимый мною Сергей Есенин в своей отвратительной поэме «Песнь о великом походе» (1924). Она повествует об обороне «красного Петрограда» в 1919 году, но сам её дух – визгливо-гармошечный, припля-сывающий, хамовато-хулиганистый, с семечками на губах, с ножиком в сапоге и без хлястика на шинели – он из Февраля, из бунтashной толчеи тех весёлых и опасных улиц. Есенин его прекрасно чуял, поскольку этот тъмяный дух в нём клу-бился, плясал в присядку. Ведь Сергей Александрович был народным поэтом, поэтом России «скифской», «славянской и печенежьей». Вместе с Н. Клюевым и А. Блоком, Есенин

сотрудничал с альманахом «Скифы», органом одноимённого литературного течения левого толка. «Варяжье» он ощущал как вражье. Его «Пугачёв» – это бунт «ковыльных просторов» против Петербурга с его европейской мундирной выправкой.

Очень, кстати, показательна поездка Есенина на Запад, вместе с Айседорой, где он томился, изнывал в тамошнем «царстве мещанства», «свиных тупых морд» и «трупной вони» бездуховности, с которой поэт, как мог, боролся скандалами, фрондой и пением «Интернационала». «Пусть мы азиаты, – пишет Есенин из Висбадена, – пусть дурно пахнем, чешем, не стесняясь, у всех на виду седалищные щёки, но мы не воняем так трупно, как воняют внутри они. Никакой революции здесь быть не может. Всё зашло в тупик. Спасёт и перестроит их только нашествие таких варваров, как мы...». Сие провинциальное мессианство, деревенский по сути гонор были бы просто смешными, когда бы мы не знали, чем это «нашествие варваров» стало для самой России...

Нетрудно заметить, что такие настроения Есенина живо перекликаются со «Скифами» А. Блока, уже звучавшими в начале нашего текста. Это стихотворение – настоящий культурно-политический манифест победившего нового варварства, обращённый вовне, к «Европе пригожей». Провинциальное мессианство, гордыня и гонор на сей раз отлиты в классические строфы, и в этом – особый гротеск. Отныне у России, как образно подчёркивает поэт, «азиатская рожа», «узкие глаза», и ими она смотрит на «старый мір», т.е. на Запад. Да, Блок ударил в гонг новых времён. Россия Петербургская никогда о себе так не заявляла, будучи частью европейского міра (достаточно хотя бы для наглядности этого тезиса сравнить фотопортреты Императора Николая Второго и Короля Георга Пятого). Стихотворение Блока – это декларация разрыва с двухсотлетней традицией. Это констатация взятия Петербурга «скифами».

Надо сказать, что угрозы в адрес Европы, её «Пестумов», прозвучавшие в блоковском стихе, вскоре были подкреплены конкретными военными деяниями большевиков: в 1920 году на Запад ураганом попёр конный «скифский» вал, нёсший революцию в Германию «через труп буржуазной Польши». «— Даёшь Европу! — ревели будённовцы. Лозунг, родившийся случайно, был страшен тем, что подхватывался действительно широчайшими русскими солдатскими массами», — пишет Роман Гуль. Примечательно, что товарищ Троцкий (кстати, интересны его отношения с Есениным), обращаясь тогда «к массам», заговорил чуть ли не как Минин и Пожарский в одном лице, вспомнив про «русскость», «патриотизм» и «отечество»: «Вы не допустите, чтобы волю русского народа определял штык польских шляхтичей, которые со свойственным им безстыдством неоднократно заявляли, что им безразлично, кто господствует в России, только бы Россия была беспомощна и слаба».

Будённый более национален, чем Врангель, считал умный Лев Давыдович, и был, как я теперь вижу, в чём-то прав. Ибо Будённый — это сама почва, хтонь, а Врангель — Петербург, «надстройка». Так что национал-большевизм придуман во все не Сталиным, а как раз его непримиримым политическим оппонентом, причём лет на двадцать раньше «отца и учителя». Однако не стоит отнимать авторство и у Ленина, который ещё в 1918 году публично произнёс такое: «Раньше западные народы рассматривали нас и всё наше революционное движение, как курьёз. Они говорили: пускай себе побалуется народ, а мы посмотрим, что из всего этого выйдет... Чудной русский народ!.. И вот этот “чудной русский народ” показал всему миру, что значит его “баловство”». Недаром друг и наставник Есенина сказал веско: «Есть в Ленине керженский дух...» (Клюев).

Однако вернёмся на песчаный берег Аральского моря, которое на самом деле — безысходное озеро. Поручик и его

подруга-конвой Марютка, силой нормальных человеческих чувств преображенная в Марию, греются на солнышке и весело разговаривают. В поручике обновилась и окрепла душа; узнав Марию-Марютку, он многое в себе понял заново, понял свою правоту, снова обрёл «варяжью» ясность разума. Вот-вот нежданно появится спасительный белый парус, обдаст надеждой, напомнит о яхтовых парусах Балтийского взморья... «Поумнел, голубушка! Поумнел! – говорит синеглазый поручик подруге, которая через пару минут чётко исполнит свой революционный долг, – Спасибо – научила! Если мы за книги теперь сядем, а вам землю оставим в полное владение, вы на ней такого натворите, что пять поколений кровавыми слезами выть будут. Нет, дура ты моя дорогая. Раз культура против культуры, так тут уже до конца...».

Поздно, господин гвардии поручик. «Уж мы обогнули стену». Мы знаем финал.

От Февральского массового прорыва в центр Петербурга до прорыва польского фронта в 1920-м – это движение одной волны, набиравшей силу. «Культура против культуры». Прорыв чуждой культурной обороны, сначала внутри страны, затем ударивший вовне.

Если бы речь шла только о массах, и о поэтах, вышедших из масс и выражавших их «скифство», это не столь бы поражало воображение. В низовом характере «нового варварства» – его сила и неодолимость, что не удивляет. Но «скифство» не ограничивается низами, вот в чём дело. Оно владело Блоком. И если лавренёвский гвардии поручик обрёл, как уже сказано, «варяжью» ясность разума, то другой гвардии поручик по фамилии Тухачевский, летом 1920 года ведший советский Западный фронт на Европу – всецело «скиф». Он говорит на том же языке, что и Сергей Есенин в письме из Германии, вызывавший к новому нашествию «варваров» с востока. В книге Романа Гуля «Тухачевский» (1932) звучат весьма любопытные рассуждения будущего красного

маршала во время его томительного пребывания в немецком плену, откуда он упорно сбегал, в том числе и с нарушением данного германцам честного слова, что характерно. Какие «честные слова» могут быть у настоящего «скифа»? Пусть их оставит себе прогнившая старая культура. Тухачевский ненавидит Европу, латынь, наследие греков, Ренессанс, Христианство, которое «отдало нас во власть западной цивилизации»: «Мы должны были сохранить наше грубое язычество, наше варварство. И то и другое. Но постойте, и то и другое ещё вернется, я ведь в это верю!». Похоже, Тухачевский, как провозвестник неоязычества, в своей апелляции к «родимому хаосу» был даже радикальнее Есенина и Клюева с их сектантским «народным христианством». Именно поэтому он, показывает Р. Гуль, и выбирает красных как новое очищительное варварство, сметающее «старый мір» с его моралью и культурой, силу, способную «освободить Россию от всех старых предрассудков и деевропеизировать её». Язык Ленина, его митинговый лексикон и терминология – это для Тухачевского только магия вызывания древних богов, адекватная времени и обстоятельствам.

Между Есениным и Тухачевским ничего общего (более того, первый второго, скорее всего, ненавидел как жестокого подавителя мужиков на Тамбовщине), но «скифский» дух, владевший ими – один и тот же, вот что поразительно. Значит, этот дух овладел Россией всецело, невзирая на происхождение, образование и внешние расхождения. Как им проникся Есенин, сын почвы, понятно. Но как им проникся Тухачевский, сын дворянской культуры, липовых аллей и т.д., гвардеец-семёновец, надменный и вовсе не народный по своему типу – непостижимо, удивительно. Дыхание почвенной «хтонии» оказалось сильнее культурного кокона, окружавшего Тухачевского с рождения, её «радиация» проникла сквозь эту защиту. Бывший вахмистр Будённый во главе «скифов» – понятно. Но Тухачевский, не лаптем, а офицерским сапогом

растаптывающий Россию Петербургскую, и на пару с Будённым таранящий Европу – это, казалось бы, невероятно. Очевидна общерусская, массовая одержимость духом «нового варварства», чем-то напоминающая исламскую революцию в Иране, покончившую с вестернизированной культурной надстройкой.

Ещё штрих. За два года до похода на Европу, в 1918 году, на советском Восточном фронте, на Волге, под одним кумачёвым знаменем встретились два бывших офицера: бывший поручик Тухачевский, начавший стремительную карьеру в РККА, и бывший подполковник Муравьёв, а теперь красный главком, вскоре поднявший известный мятеж. Один большевик, другой называл себя левым эсером. Один из дворян-помещиков, другой из крестьян. Люди разные, но при этом оба – «скифы», оба одержимы одним и тем же духом – «скифским» духом русской революции. Как пишет Р. Гуль, Муравьёв, пассионарный и кровожадный, на митингах обещал «сжечь Европу», вдохновлялся Пугачёвым и Разиным (вспоминается апология Пугачёва в знаменитой драме Есенина). И даже то, что Тухачевский и Муравьёв в какой-то момент стали врагами, не отменяет их главного родства и единения – в духе. И в смерти. Мятежник Муравьёв получил от большевиков пулю летом 1918-го, а Тухачевский на 19 лет позже, летом 1937-го, успев ненадолго стать красным маршалом.

Мы видим, что людей самых разных социальных слоёв, разных уровней и видов образования, разных характеров объединяло, тем не менее, нечто главное, некий дух новой, «варварской» культуры, объявившей войну культуре старой. Их объединяет и движет ими дух некоего «нового» (а в главном очень древнего, архаичного) «национализма», чьим прикладным, техническим языком стал язык мировой революции. «Древний хаос родимый» заговорил марксистскими формулами, но это не делало его менее «родимым», скорее – более жутким. А когда он переходил на левоэсеровский диалект, то

звучал вполне себе напевно, особенно в трансляции крестьянских поэтов. Большевизм и левоэсерство – вот, собственно, и есть самый настоящий русский «национализм», скинувший гнёт культурно-государственной «неметчины», воплощённой в Петербурге и Доме Романовых, и повернувшийся к Европе огненным «скифским» лицом освобождённого «варварства» [Тут уместно упомянуть, что шевеление «хаоса родимого» с его древними сущностями, столь привлекавшими Тухачевского, прослеживается и в уральском цареубийстве, о чём подробно пишет С.В. Фомин в книге «Алапаевские мученики: убиты и забыты» (2023, стр. 215-314)].

Очевидная, доказанная столетием устойчивость советского в массовом сознании показывает, что красное – это тот аутентичный «национализм», в котором русскость исторически нашла себя. Взгляните хотя бы на наших хоккейных болельщиков, весело восседающих на олимпийских трибунах в красных ушанках со звёздами в обществе болельщиц в кошниках – вот зримый тому пример. Эти люди вполне органичны в своей самоидентификации. И разве далеки они – не во времени, а в духе – от того же Есенина, который, будучи на Западе, всячески подчёркивал свой революционный патриотизм, представив западной публике красное одним из главных русских «брендов»? Красное в итоге и стало таковым, наряду с водкой, икрой, балетом и старинными иконами.

Ещё до 1917 года русскому народу упорно пытались привить «правильный» национализм. Тут и известный правый политик В. Шульгин со своей газетой «Киевлянин», и публицист Михаил Меньшиков, и даже «Союз русского народа» (СРН), формально вполне себе массовый – но всё не впрок. Тот же СРН слинял с русских в считанные дни, сразу же после Февраля. А уж сколько раз прививали им «правильный», «нормальный» национализм в годы перестройки, в 90-е и в нулевые... Безуспешно. Это были и остались вкрапления, не больше. А всё потому, что русские уже однажды обре-

ли свой, аутентичный «национализм» – красный, советско-messianский. Именно он оказался созвучен и сроден русскому народу, и всё остальное, включая либеральную демократию, с него осыпается как шелуха загара. Советское по сей день вне конкуренции в массовом сознании. Красное, советское не было навязано, оно раскрылось изнутри, вот в чём суть. Из глубин, если угодно.

Именно в этом, красном, «национализме» воедино сплавлялись Есенин, Блок, Клюев, Тухачевский, Троцкий, Ленин, с выходом на Сталина – и далее. Русские обрели себя, раскрылись в левом messianском «национализме», противопоставленном Западу как міру денег, лицемерия, эгоизма и духовного разложения. Это русское «скифство», как оно себя понимает, несёт земному шару очищение (спасение) или кару (погибель). Теперь-то я вижу: этот же дух владел журналами «Наш современник» и «Молодая гвардия», он породил газеты «День» и «Завтра», он гулял в народном «таборе» у «Белого дома» осенью 93-го... Да, там, у БД, клубилось натуральное «скифское» становище, готовое с букетом из красных и «имперских» флагов выступить в новый поход на Европу. Кстати, как сейчас помню, той осенью в некоторых особо «продвинутых» патриотических кругах был живой интерес к известной книге М. Агурского «Идеология национал-большевизма», осмыслившейся, разумеется, в качестве источника вдохновения, что весьма показательно (хотя сама-то книга далека от апологетики предмета рассмотрения).

Итак. Русское массово самоидентифицировало себя как красное – в противном случае революция просто не победила бы. Знаю: очень неприятное и для кого-то скандальное заявление, но это факт. Стремясь противопоставить русское красному, отбелить русское, барон Врангель в 1920-м официально назвал Белую армию Русской. Но отбелить русское было уже невозможно: оно само не желало этого, оно противилось. Красное стало идентичным массово-русскому. Единственное, чего Врангель несомненно добился – в его контек-

сте русское зазвучало в изначально-варяжском смысле, т.е. не как обозначение количества, а как имя друдинной руси (от шведского «родс», гребцы), имя качественного меньшинства, той «щепотки соли», призванной «осолить» целое. Другой вопрос, оказалась ли эта соль достаточно солона. Проще говоря, достаточно ли было тех, кто «бунт на борту обнаружив, из-за пояса рвёт пистолет, так, что сыпется золото с кружев, с розоватых брабантских манжет». Но проблема в том, что это был не просто бунт, а нечто тектоническое, необратимое. Какой уж тут «из-за пояса пистолет»...

Русская армия барона Врангеля не смогла сдержать русскую массу. Крохотной альтернативной России не удалось зацепиться за историю. Перекопский прорыв состоялся, и «варяжьему» меньшинству пришлось снова садиться на корабли, но на сей раз – чтобы покинуть «славянские, печенежьи» просторы. И вот что примечательно. Решающую роль в крымском разгроме белых сыграла самая радикальная «фракция» великой «скифской» революции: мужицкая армия батьки Махно, вступившего тогда в очередной союз с большевиками (Номах – эдак хитро Есенин назвал крестьянского атамана в своей драме «Страна негодяев»). Так вот, у Карповой балки, на перешейке, мчавшийся в атаку кавалерийский корпус генерала Барбовича попал под шквальный пулемётный огонь сотен махновских тачанок и был практически уничтожен, что и стало переломным моментом в борьбе за Белый Крым. «Скифские» колесницы разгромили «немца Врангеля», и, таким образом, сами же «селяне» обезпечили себе в будущем коллективизацию и голод начала 30-х годов...

Впрочем, сейчас мы мысленно видим на морском горизонте тающие дымы уплывших навеки кораблей, и наши размышления о великом и катастрофическом Прорыве на этом пора закончить.

(Источник: https://sergey-v-fomin.livejournal.com/tag_Алексей%20Широпаев)

Николай Бердяев

АНТИХРИСТИАНСКАЯ
АНАРХО-КОММУНИСТИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ
РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 Г.

Нравственное и эстетическое безобразие русской революции не должно мешать нам увидеть её огромное значение. Её духовные последствия во всяком случае будут велики. Русская революция — огромный опыт, который изменит у интеллигентных русских людей чувства жизни и заставит их по-новому мыслить. Традиционная история русской интеллигенции кончена, её основные идеи проверены на жизненном опыте и ложь их изобличена. Теперь уже на веки веков русская революционная интеллигенция не вправе будет говорить, что рай на земле водворится, когда она будет у власти: она побывала у власти, и на земле водворился ад. Поистине, русская революция имеет какую-то большую миссию, но миссию не творческую, отрицательную, — она должна изобличить ложь и пустоту какой-то идеи, которой была одержима русская интеллигенция и которой она отравила русский народ. Идея эта заимствована из западных учений, но она своеобразно преломилась в восточной русской стихии и доведена до небывалой крайности. Русская революция есть изобличение лжи демократии как верховного принципа жизни, опытная проверка того, к чему приводит тираническое торжество эгалитарной страсти. Русские одержимы эгалитарной страстью, жаждой механического и материалистического уравнения. Эта эгалитарная страсть переживается в России с религиозным пафосом и носит характер демонической одержимости, направленной на истребление всех качеств бытия, всех различий, всех возвышений. В русской революции нарушен иерархический принцип в такой степени, как

ни в одной из революций міра. Требование равенства будет в ней скоро распространено не только на низшие ступени человеческого міра, но и на низшие ступени міра природного, на животных, растения и минералы, на атомы материи. Весь космос распадется на атомы и каждый атом потребует себе равного положения со всеми другими, каждый признаёт себя суверенным. Ведь выделение человека из природы, его возвышение над низшей природой есть уже аристократизм, есть уже иерархизм, которого не должна терпеть всё сметающая со своего пути эгалитарная страсть.

Французская революция была кровавой и страшной, но и в ней не было полного разрушения того иерархического начала, на котором покоится всякий строй государства и общества, всякая цивилизация. Западная Европа и после всех революционных переворотов осталась иерархической, в ней сохранились традиции всякого цивилизованного общественного бытия. Народы Запада признают градации, различия, ступени, признают возвышения, подбор лучших, подбор качеств. Русские революционеры эти западные свойства воспринимали как «буржуазность». Поистине на Западе много «буржуазности», но дурная «буржуазность» всегда есть разрушение иерархизма, всегда есть восстание и возобладание недостойных, неблагородных, худших. И русское восстание против всякого иерархизма ведёт к господству худших, недостойных, неблагородных, русское отрицание «буржуазности» легко превращается в самую худшую, самую хамскую «буржуазность», самое безобразное мещанство. В сущности русский революционный демократизм враждебен иерархическим основам всякого цивилизованного культурного бытия, всякого государственного и общественного бытия. Это есть варварский индивидуализм, своеобразие каждого индивида, который с себя хочет начинать историю міра, ничего не почитая выше себя. И это совсем не есть вопрос той или иной политики, это вопрос особой революционной морали,

особого чувства жизни, особого направления религиозности. В основе русской революции лежит не столько ложная политика, сколько ложная мораль. Русские нередко являются нигилистами из моральных побуждений, переживая свой нигилизм, как моральную и даже религиозную правду. Они отрицают божественные ценности и духовные реальности, Бога, отчество, истину, красоту, низвергают все установленные качества во имя правды и справедливости уравнения и уравненного блага людей. Русский революционный нигилизм отвергает божественный міропорядок, не принимает иерархического строя космоса. Эта эгалитарно-нигилистическая страсть глубоко антикосмична, она восстает против иерархических ступеней бытия и жаждет равного небытия, равенства в ничто, в пустоте, в нищете, в оголении от всех форм культурного бытия, в пустой свободе от всех иерархических ценностей. Достоевский гениально раскрыл диалектику русского эгалитарного нигилизма. Иван Карамазов и был адвокатом такого отвержения космического иерархизма во имя равенства и равного счастья людей. Легенда о Великом Инквизиторе очень много дает для метафизики русского нигилизма, демократизма и социализма, хотя действие её и перенесено в атмосферу католического Запада. Очень характерно это русское отвержение Бога, міра, истории, культуры, как неравенства. Да сгинет всё, лишь бы было равенство!

Такое характерное русское явление, как толстовство, проникнуто истребляющей все богатства бытия эгалитарной страстью, в нём действует какой-то демонический морализм. И как характерно толстовство для русских людей, им отравлены и те, которые не сознают себя толстовцами и ничего общего не имеют с толстовским учением. Война и революция обнаружили, как близок русским дух толстовского непротивленства. Традиционное русское народничество всегда было вдохновлено той же эгалитарной страстью и всегда

было враждебно иерархизму культуры. Социальный вопрос для русского народничества всегда был исключительно вопросом раздела и распределения, никогда не творчества и производства. Царство Божье на земле, к которому так стремились русские люди, жившие в угнетении, представлялось прежде всего, как царство равенства, как всеобщее уравнение, как уничтожение всех исторических иерархий, всех качественных возвышений. Лучшие русские люди говорили о всечеловечности и всемирности русского духа. Но несчастье и болезнь русского духа нужно искать в смешении всеединства, которое заключает в себе полноту всех ступеней бытия, всех градаций, всей иерархии индивидуальностей от отдельных людей до наций, упростительным и уравнительным смешением, в котором тонут и погибают все ступени, все индивидуальные градации и все иерархии. Поэтому русским и представляется единство человечества упразднением наций. С этим связана глубокая антиисторичность русской интеллигенции, её моралистическое неприятие тех жертв человеческим благом и человеческим равенством, которыми покупается история с её творчеством культур и государств. Русских людей соблазняет мгновенное погружение в абсолютное единство и абсолютное равенство, без трудного пути истории, без ступеней, без иерархических различий и отбора лучших. Традиционная русская мораль не придаёт значения личной ответственности, личной заслуге, подбору личных качеств. Русская мораль не любит силы, всякую силу считает диавольской, а не божественной, и безнравственно для неё всякое возвышение и иерархически более высокое положение, основанное на заслуге, достоинстве и качестве. С горечью нужно признать, что это не арийская мораль. Многие видят в таком моральном сознании христианскую природу русского народа. Но я думаю, что это огромное недоразумение. Христианство — иерархично. Жертва — явление силы, а не слабости.

Всё міроощущение и міросозерцание русской интеллигентии должно было привести именно к такой революции, какой и оказалась русская революция. В ней возобладал дух небытия, дух уравнения, погружающий в ничто, в пустоту, дух смешения и истребления всех различий и достижений. Инстинктам народной массы, ещё темной, но уже утерявшей веру, эта новая религия всеобщего уравнения и смешения, всеобщего стирания всех иерархических различий и иерархических качеств показалась очень соблазнительной и подхodayщей. Низы народные, несознательные, некультурные и изменившие вере отцов, поняли демократию как низвержение всякого иерархического соподчинения, всякого качественного подбора, как торжество восставшего механического количества. В нравственном облике нашей революционной демократии восторжествовал хамизм, низвергающий всякое благородное почитание того, что качественно выше, достойнее, ценнее, духовно сильнее. Каждый самый ничтожный, самый низкий по своей духовной культуре, по своей одарённости, по своему моральному обличью, почувствовал себя царём и самодержцем, ощущил себя носителем суверенной власти. Непонимание благородства иерархического соподчинения, благородства признания и почитания высшего свойственно хамам. Рабы видят высшее состояние в бунте против всего, что выше. Солдат считает унизительным для своего достоинства отдавать честь заслуженному генералу. Он видит достоинство в уравнительном смешении, в том, чтобы каждый был сам себе генералом. Такого рода пробуждение достоинства в солдатах привело к позорному бегству и измене, т. е. к полной потере чести.

На этой почве нация пришла к самоубийству. На этой почве развалилась не только армия, которая может быть лишь иерархическим организмом, но разваливается государство, разваливается культура, разваливается всякий общественный лад и строй, разваливается личность. Злобная зависть к сосе-

ду, в чём-либо возвышающемуся, материально или духовно, положена в основание русской революционной демократии. Жалкое и низкое основание, на котором нельзя ничего строить, ни государства, ни культуры, ни жизни хозяйственной, ни жизни духовной! Разрушение всякой иерархии есть уродливое и безобразное смешение, отрицание космических начал общественной жизни. Поистине строй и лад общественный есть лишь неотрывная часть строя и лада космического. Анархия есть разрушение космоса, восстание хаоса и его возобладание над всякой иерархией. Русская страсть к равенству во что бы то ни стало есть также отрицание личного начала, это — страсть к безличности, утопление личности в хаотической стихии, в хаотическом коллективизме, во всеобщем безкачественном смешении. Личное начало неразрывно связано с иерархизмом, с космическим строем вселенной, оно предполагает различия, возвышения, качественные несходства. Личность отцветает и погибает, когда её держат в принудительном равенстве со всеми другими личностями, когда всякое нарастание её силы, её значительности, её качественного своеобразия задерживается и умеряется уравнением с соседями. Это — обида для лучших, потворство худшим. В царстве механического равенства, всех и вся смешивающегося в количественной массе, возможны лишь безличные личности. Церковь — образец истинного иерархизма, — в ней личное начало, которому придаётся абсолютное значение, соединяется с иерархической соборностью, с мистической иерархией, но нет уравнительного смешения, нет принуждения личности к равенству со всякой другой личностью. Этот космический иерархизм проникает и всю культуру, которая есть подбор качеств и возвышение более ценного. Этот космический иерархизм проникает и всякую государственность, на нем покоится всякая власть, которая, по словам апостола Павла, от Бога, и это верно и по отношению к самым демократическим государствам. Разрушение всякого иерархизма

в государстве, в обществе, в культуре, в жизни религиозной есть возвращение к первоначальному хаотическому состоянию, оно разрушает человека, который есть высший иерархический чин во вселенной, и отдаёт человека во власть низших хаотических стихий, которые претендуют на равенство с человеком. Да и сам человек есть иерархический организм, в котором все части должны быть соподчинены высшему центру. При нарушении же этого иерархического соподчинения человек разваливается, в нём гибнет образ и подобие Божье.

Демократический принцип понят у нас до ужаса извращённо. То, что есть истинного в демократии, и есть отыскание путей подбора лучших, устранение ложного иерархизма и установление благоприятных условий для истинного иерархизма. Аристократическое начало заключено в пожеланиях представительной демократии. И демократии ищут путей установления господства лучших. Демократия не неизменно исключает высшую иерархию. Свободный, самоопределяющийся и самоуправляющийся народ может признать высшую правду иерархического строя, подбора лучших и соподчинения низшего высшему. Демократия нуждается в воспитании в истинно иерархическом духе, без этого она разлагается и духовно падает. «Буржуазность» в дурном смысле этого слова есть нарушение истинного иерархизма, выдавание худшего за лучшее, занятие положений, не соответствующих качествам и достоинствам. Снобизм есть отрицание истинного иерархизма и рабство у ложного иерархизма. Демократия, которая признаёт себя верховным и единственным принципом жизни, уже ничему не подчинённым, есть, конечно, ложь и соблазн. И эта соблазнительная ложь демократии более всего выявляется в русской революции. Но в демократии есть и своя подчинённая правда, которая помогает торжеству истинного иерархизма над ложным иерархизмом. Окончательной же и высшей остается истина, провозглашённая Платоном: идеальной формой правления

может быть лишь аристократия, господство лучших, благороднейших, даровитейших, духовно сильнейших. Это и есть истинный иерархизм, на котором только и могут быть основаны государства и культуры народов. Вырабатывается и преемственно передается более благородная и более одарённая раса, которая призвана определять судьбы мира и судьбы народов.

Но отыскание представителей этой расы и призвание их к господству — очень сложный и мучительный процесс. Худшим слишком часто принадлежит господство. И вопрос об отношении подбора лучших к кровной, исторической благородной расе сложнее, чем это думают представители примитивной демократической метафизики.

Низвержение расы лучших есть разрушение космоса, посягательство на божественный міропорядок. Само возникновение космического бытия есть различие в славе солнца от луны, звезды от звезды. То же начало должно проникать всю жизнь общественную и должно открывать в ней пути к выявлению истинной иерархии, должно противиться духу уравнительного небытия. В русской революции обнаружился дух завистливого и мстительного низвержения всякой иерархии, не только земной, но и небесной, звездной иерархии. Этот неблагородный дух подрывает духовное здоровье русского народа, обессиливает его и готовит ему печальное будущее. На этом пути невозможно творчество, ибо творчество — иерархично, а не демократично, оно предполагает возвышение и преобладание качеств. Тот, кто не хочет признать высшего, тот попадает во власть к низшему. Таков закон мировой справедливости. Восставший против Бога и не почитающий святынь, ползает на животе перед идолами и рабствует перед гадами. Человек не может освободиться от религиозного почитания, и когда он перестаёт религиозно почитать высшее, он начинает религиозно почитать низшее: антихрист заменяет в сердце человеческом Христа и создаёт свою безбожную иерархию.

Примечание Публикатора: Сия статья Н.А.Бердяева увидела свет в 1917 г. в газете «Русская правда», в период максимального разочарования Н.Б. в «левых» идеях и идеалах (в конценрированном виде изложенных вскоре в трактате 1918 г. «Философия неравенства»). Разница между Ильиным и Бердяевым – это разница между ментором-систематизатором и не всегда удачным, крайне сбивчивым, но всё-таки пророком. В постпутинской России было бы логично уравновесить увлечение (здравое и незддоровое) Ильиным модой на правое прочтение Бердяева. Чем так ценен последний? Во-первых, у него есть идея экзистенциальной свободы. Когда ватное марево спадёт, она нам пригодится. Во-вторых, бердяевская мысль о «русском коммунизме», социалистической сатанократии, за которую ответственны тёмные токи русской души честнее ильинских сетований на якобы абсолютно нерусскую, сугубо интернациональную природу большевизма. Надо делать поправку на то, что Ильин принадлежал канонической РПЦЗ, а Бердяев – евлогианскому квази-просоветскому Западноевропейскому Экзархату. В силу церковной принадлежности открытый почитатель Де Местра всегда плавал в левом фарватере. – Ф.П.

д-р Бернард Як

РАЦИОНАЛЬНОСТЬ ГЕГЕЛЕВСКОЙ КОНЦЕПЦИИ МОНАРХИИ

Об авторе: Бернард Як - американский политический теоретик канадского происхождения, доктор философии Брандейского университета (на момент написания был доктором Гарвардского университета). Текст «*The Rationality of Hegel's Concept of Monarchy*» вышел в 1980 году в журнале «*American Political Science Review*» №74(03), 709–720. Проф. И.А.Ильин первоначальную славу стяжал не как видный идеолог Монархической государственности (се пришло позднее), а как крупнейший в России «специалист по Гегелю». Впрочем, онный Гегель, помимо прочего, был и идеологом Монархии. Посему очерк монархических концепций Гегеля (несмотря на их «заумность») неизлишним будет в Сборнике, посвящённом Ивану Ильину.

Аннотация: В этом эссе я доказываю, что гегелевская концепция монархии - это не просто свидетельство его абстрактного рационализма или уважения к Пруссии, а наиболее полное современное описание необходимых политических условий рационального государства.

Зрелая политическая мысль Гегеля сочетает в себе захватывающий интеллектуальный радикализм с признанием и даже благодарным принятием исторических ограничений. В своей «философии права» он утверждает, что достаточно консервативная форма правления удовлетворяет стремление его современников к абсолютно свободному и рациональному политическому устройству [1]. Гегель сказал современной Европе, что нет нужды рыться в прошлом, советоваться со своей совестью или обременять свои абстрактные дедуктив-

ные способности в поисках принципов свободного и рационального политического устройства; Конституция, которую разделяют развитые нации Западной Европы, уже воплощает эти принципы. Конституционная монархия - самая свободная форма правления! Поэтому неудивительно, что систематическая политическая философия Гегеля является объектом такой путаницы и мишенью таких злоупотреблений. Радикалы кричат о предательстве, эмпирики подозревают рационалистическое мошенничество, а некоторые либералы, которые больше симпатизируют Гегелю, извиняются за те идеи в его произведениях, которые они считают недопустимыми.

[1. числа в скобках принадлежать к пронумерованным параграфам «Философии права» Гегеля. Буква «а» после номера указывает на дополнения (*Zusatze*) к каждому абзацу, которые Гегель сделал в своих лекциях и которые собраны в приложениях как к изданию Лассона (1911), так и к переводу «философии права» Нокса (1952)]

Нигде непонимание политической философии Гегеля не было больше, чем в случае с его концепцией монархии. Почти все комментаторы видят здесь по крайней мере некоторые признаки либо абстрактного рационализма, доведённого до крайностей, либо робкого почтения к существующему прусскому правительству. Часто, как в случае с Марксом, выдвигаются оба обвинения; говорят, что пан-логический «мистицизм» Гегеля скрывает его зависимость от существующего социально-экономического строя (Marx, 1971, pp. 20-40). Даже некоторые из недавних защитников Гегеля, которые снимают с него (на мой взгляд, успешно) любые серьёзные обвинения в иррациональном прусском национализме, неохотно признают, что своей концепцией монархии он, возможно, делает лёгкий поклон в сторону Берлина (Weil, p. 60; Taylor, pp. 441-42; см. Ritter, 1969, где лучше всего рассматриваются различные ложные интерпретации гегелевского взгляда на государство).

Большинство читателей считают конституционную монархию неутешительным завершением «философии права». Гегель готовит нас к смелой и оригинальной политической идее, говоря в предыдущих главах, что законы договоров, абстрактные моральные обязанности и частные права гражданского общества слишком узки, чтобы удерживать нашу свободу, что только в Конституции государства мы можем найти истинную политическую и личную свободу, но затем говорит нам, что это знакомая и несколько анахроничная форма монархии гарантирует нашу полную свободу и рациональность государства. Это особенно трудно принять в XX веке, когда исчезло большинство монархий, которые знали современники Гегеля. Гегель понимал сложность своей концепции монархии и ожидал, что её неправильно поймут. «Концепция монарха наиболее сложна для » «Rasonnement» [обычного дедуктивного рассуждения], то есть для метода отражения понимания» (параграф 279).

Действительно, на первый взгляд трудно увидеть рациональность наследственной монархии. Вебер теоретически обосновал различие, которое наш здравый смысл легко проводит между рациональной и традиционной легитимностью политической власти (Weber, 1964, pp. 324-58).

Однако концепция конституционной монархии является кульминацией философии права, которая в последнее время становится всё более полезной для социальных и политических теоретиков. Это ответ Гегеля на проблему, которую он разделяет с либеральными и демократическими мыслителями девятнадцатого и двадцатого веков: как согласовать частную личную свободу людей с рациональным и свободным управлением общественными делами. Гегель считал, что у него есть ответ на эту важную политическую проблему современной общественной жизни. Терпение, необходимое для поиска этого сложного решения, будет вознаграждено только тогда, когда мы очень серьёзно за-

думаемся о таких понятиях, как наследственная монархия, которые имели решающее значение для Гегеля, но кажутся нам неважными. Изучая взгляд Гегеля на конституционную монархию, необходимое условие свободного и рационального государства, мы должны узнать кое-что о наших собственных стремлениях к свободному и рациональному политическому устройству.

Гегелевская логика и Конституция модерна

Прежде чем непосредственно рассматривать гегелевскую концепцию монархии, мы должны обсудить философский статус её аргументации в пользу монархии. Политические идеи Гегеля могут стать более доступными, если абстрагироваться от систематичности его аргументации, но при этом теряется единство и полнота его политических рассуждений, которые только и делают его смелые утверждения обоснованными. Мы должны разсмотреть философский статус его аргументов, поскольку заблуждения о нём затмевают большинство дискуссий во вторичной литературе. Его необычный способ аргументации - самое большое препятствие для правильной интерпретации.

Гегель утверждает, что Конституция рациональна, когда она внутренне дифференцирована на три момента (власти) - монархическую, исполнительную, законодательную - в соответствии со структурой - единичное, особое, общее - идеи (понятия) разума (параграф 272). (Сразу отметим, что для Гегеля Конституция - это больше, чем письменный документ, в котором изложены институты государства; объективно - это все исторически сложившиеся институты нации [Volk], а субъективно – все её этические и политические устои [Sitte]. Совокупность этих институтов и обычая, включая любой писанный основной закон, является конституцией [п. 265-68, 273]). Монархия рациональна из-за своей формы, а не из-за её полезных последствий. Учитывая это странное презрение

к общественной полезности монархии, почти все исследователи рассматривали философскую аргументацию Гегеля в пользу монархии как «дедукцию» из «Идеи» разума, которую Гегель развивает в своей «Науке логики». Самые полные издания подробно описывают логические моменты функции монарха согласно параграфам 275-81 «Философии права» (см. Розенцвейг, 1962, т. II, с. 139-46.). Гегеля критикуют за то, что он выходит за рамки логического вывода.

Дункан Форбс (1975, стр. xxx, xxxiv) является одним из немногих, кто указывает на то, что не так с такой трактовкой диалектических рассуждений Гегеля о государстве и Конституции. «Предполагать, что в движении диалектики должны быть строгие логические связи, означает не замечать её реальной ценности как средства, позволяющего конкретно мыслить о государстве, свободе и т.д.».

Гегель не выводит специфику современной монархии из абстрактного набора принципов без ссылки на реальные отношения в современном государстве. Если бы его аргументация была просто логической дедукцией, не следовало бы ожидать, что она будет соответствовать существующим политическим институтам.

Фактически, Гегель критикует тех, кто пытается вывести монархию из высшего принципа (параграфы 279, 281). Обычное недиалектическое рассуждение (*Rasonnement*) может доказывать рациональность Института только с помощью такой дедукции. Таким образом, аргументы в пользу монархии обычно зависят от гипотетического принципа. В прошлом, как и для некоторых легитимистов реставрации, высшим принципом было Божественное всемогущество и дар или пример монархического правления Бога во Вселенной (п. 279). Отсюда можно сделать вывод, что определённая семья может претендовать на правление, установив незначительную предпосылку, что семья получила или унаследовала Его Дар земной политической власти или имеет особую

квалификацию, чтобы служить в роли Бога на земле. Более современные аргументы выводят право монарха на правление из светского принципа; общественная стабильность требует политической стабильности, которую обеспечивает королевская семья. Какими бы правдоподобными не были эти временные аргументы, они могут продемонстрировать лишь возможную, а не необходимую рациональность монархии. Можно аргументировать необходимость общественной стабильности многими другими способами, выводя из этого потребность в других учреждениях, которые могли бы содействовать стабильному порядку. Поскольку из гипотетической главной предпосылки может вытекать ряд разных второстепенных предпосылок, дедукция права династии на правление не может быть необходимым аргументом.

Большинство интерпретаторов Гегеля допускают ту же ошибку, что и в предыдущих аргументах в пользу монархии, рассматривая его аргументацию с точки зрения обычного дедуктивного рассуждения (*Rasonnement*). Они рассматривают логическую идею Гегеля как набор абстрактных принципов, из которых Гегель выводит конкретные институты современной конституционной монархии. Они интерпретируют гегелевское обоснование монархии как серию «*medii termini*» из абстрактного принципа, несмотря на то, что Гегель прямо отвергает такую форму аргументации (параграф 281). Гегель не хочет выдвигать аргументы в пользу монархии, которые можно было бы противопоставить аргументам против; он хочет продемонстрировать разум в конституционной монархии, присущую ей рациональность.

Что значит говорить о присущей Конституции рациональности? Здесь мы должны разсмотреть гегелевскую идею разума. Мы увидим, что, вопреки нашим ожиданиям, она ещё больше уводит нас от абстрактного рационализма к серьёзному разсмотрению исторически функционирующих конституций. Для Гегеля идея разума - это структура отно-

шений в самодостаточном целом, единственная структура, которая удерживает в своём единстве все различия. Тремя моментами этой структуры являются всеобщее (абстрактное единство), особое (абстрактное различие) и индивидуальное (конкретное единство, содержащее различие). Рациональная структура объединяет свои противоположные моменты. Ничто не может быть оставлено вне структуры, даже если его включение кажется противоречивым. Рациональность для Гегеля - это полнота объяснения; предмет рационально объясняется только тогда, когда можно объяснить его место в целом.

Как бы кто ни относился к спекулятивному характеру гегелевской идеи разума, очень важно увидеть, как он использует её в анализе социальных и политических институтов, где она имеет наибольшее влияние. Гегель использует идею как инструмент, с помощью которого можно понять сложные взаимозависимые отношения внутри современного государства. Он утверждает, что без него невозможно полностью понять фактическую структуру современной конституции. Современная Конституция - это органическое единство, объединяющее различные ветви власти и соответствующие им институты. Конституция, в которой разные ветви власти были бы просто разделены и противопоставлены друг другу, просуществовала бы недолго, прежде чем одна власть подавила бы другие или вся власть стала бы неэффективной (Тут Гегель имеет в виду разные французские конституции времён Революции [п. 272]). Там, где разделение властей действительно работает, существует единство духа, управляющего различными ветвями власти, несмотря на их личную и функциональную оппозицию [2].

[2. в этом де Токвиль соглашается с Гегелем. Он утверждает, что действительно смешанное правительство рухнет (1945, Том I, стр. 270). Но если Де Токвиль считает, что именно партийный дух эгалитаризма всё больше пронизы-

вает все ветви современного государства, то Гегель считает, что объединяющий дух конституционной монархии является беспартийным и, следовательно, рациональным.]

Используя идею в качестве инструмента, Гегель может раскрыть сущностную структуру, объединяющую государство. Для него это самый эффективный инструмент, поскольку он также считает, что рациональная идея является первоосновой всех явлений; однако её самой по себе недостаточно для того, чтобы научить человека фактической форме рационального политического порядка. В «Философии права» Гегель изучает форму, в которой разум стал актуальным в не-предсказуемых обстоятельствах человеческого общественного бытия. Логика Гегеля не может научить нас рациональной необходимости наследственной монархии. Мы можем узнать об этом, только анализируя институты современного мира в их реальном историческом контексте. “Необходимо, чтобы категории логики имели воплощение в стадиях природы и истории,... но то, что воплощается, является чем-то, что невозможно предсказать” (Knox, 1952, p. 369, n. 39). Гегелевская логика учит нас, что необходимо, чтобы разум актуализировал себя в истории; но только изучение истории может научить нас, какие формы приобретает разум в непредусмотренных обстоятельствах человеческой жизни. Современная конституционная монархия не является заведомо определённой формой разума в мире. Её нельзя вывести из логических принципов.

Рациональная Конституция, которую Гегель описывает в «философии права», непостижима и абсолютно невозможна без развития современных европейских политических институтов, настроений, морали и манер (Sitte), короче говоря, без развития того, что Гегель называет современным немецким (европейским) духом. Идея и рациональное образование не являются пустой тавтологией (см. Розенцвейг, 1962, т. II, с. 79-82; Fackenheim, 1970). Рациональность идеи видна, ак-

туальна лишь во взаимозависимом единстве современной конституции. Затем мы должны попытаться понять, почему Гегель считает, что монархия делает возможным функционирование современного европейского государства как рационального целого.

Следовательно, попытка выйти за пределы узкой логической дедукции не является эффективным отрицанием политической философии Гегеля. Для того, чтобы изменить гегелевскую теорию рационального устройства, нужно либо разработать альтернативное объяснение того, как функционирует современный взаимозависимый конституционный порядок, либо показать, что определённая институция потеряла или никогда не выполняла ту функцию, которую прописал для неё Гегель.

Монархия как необходимое условие безличного, рационального правления

Историческое развитие современного «немецкого» духа является необходимым условием рациональной Конституции. Сущностной характеристикой современного духа, по Гегелю, является признание и распространение частной субъективной свободы. Субъективная свобода - это не просто основная забота современной мысли, она вошла в современную социальную реальность. В социально-экономической сфере она предстаёт как всё большая дифференциация производственных функций, свободный выбор карьеры и свобода индивидуальной инициативы; в политической теории - как договорная теория государства; в праве - как право собственности индивида; в философии морали - как автономия нравственного разума; а в государстве - как внутренне дифференцированная Конституция (п. 272). Современная конституционная монархия развивает и отображает эти условия высвобожденной и признанной индивидуальной субъективности. Современная монархия развивается, по Гегелю, со времён

Реформации, но она начала вызревать лишь в постнаполеоновских режимах Англии, Франции и, особенно, Пруссии. Она не является универсальной моделью, поскольку зависит от исторических условий, которые невозможно повторить по собственному желанию. Однако это всё же таки рациональный и свободный режим. Хотя каждая нация имеет соответствующую ей конституцию (параграф 274), всесторонне развитая монархия является лучшей Конституцией. Стандартом Гегеля для ранжирования конституций является уровень свободы, который они содержат. Самое свободное государство - лучшее (Гегель, 1974, с. 652-54). Поскольку свобода для Гегеля - это рациональное самоопределение, то свободное государство - это также рациональное государство. Свобода имеет две стороны: выбор индивидом собственного призыва и рациональная организация и направления воли сообщества (параграф 257). Назовём их соответственно субъективной и субстанциальной свободой. Субстанциальная свобода является истинным самоопределением, поскольку в ней специфично человеческая воля, исторически развитая рациональная воля государства, заменяет просто естественные детерминанты - инстинкт, наклонности, случай и т.д. - человеческой воли (см. Riedel, 1974). Чтобы обладать истинной свободой, люди должны признать волю рационально управляемого государства как свою собственную (п. 257). В действительно свободном государстве субстанциальная свобода будет способствовать и защищать субъективную свободу, а субъективное самоопределение индивидов не будет противостоять их идентификации с сообществом. Гегель утверждает, что в современной конституционной монархии субъективная и субстанциальная свобода взаимозависимы.

Это утверждение трудно понять, потому что на первый взгляд эти две свободы кажутся взаимоисключающими. Большинство согласится с тем, что современные либеральные Конституции направлены на защиту частных прав ин-

дивидов, но утверждают, что это слабо обеспечивает отождествление индивидуальной и коллективной воли. Руссо выступил со своим гранд-протестом против эгоистичного частного характера современной жизни во имя значительной общественной свободы, которую он видел в древних республиках Греции и Италии, основанной на принципе участия. Гегель, как и Руссо, признаёт древние республики исторической моделью истинной свободы; но он также видел фатальный недостаток их свободы. Древние граждане управляли собой напрямую или через избранных лидеров в своих партисипативных республиках; но они не были по-настоящему свободны, подчёркивает Гегель, потому что содержание их публичных решений было оставлено на волю случая (параграф 279). Жребий, избрание или знатность были требованиями для получения государственной должности, и ни один из них не гарантировал, что человек, который занимал эту должность, будет иметь соответствующие способности. Поэтому античные государства очень зависели от того, насколько им повезло иметь лидеров, которые в самом деле имели большие добродетели. Когда возле руля не стоит Перикл, государство функционирует неважно, если вообще функционирует. Образование античных республик требовало лидеров с большим талантом, но не могло гарантировать их постоянного присутствия. Таким образом, направление дел в античных республиках было отдано на волю случая, хотя они, кажется, следовали свободной воле наций. В классической республике человек не руководит сам собой. Он ещё не заменил зависимость от случайностей природы - талантов и характера отдельных людей - на руководство рационально организованной коллективной воли. Необходимость консультироваться с оракулами и заручаться заступничеством богов, чтобы подтвердить политические решения, отображает эту непредсказуемость правления в античном мире. В древнем мире не существует адекватной

формы рационального самоопределения. Поэтому античные люди не признают законности полного самоопределения; политические решения нуждаются в определённой форме естественного или божественного подтверждения (п. 279, 279а). Они должны отображать естественный порядок или божественную волю, а также человеческое решение. Свободное самоопределение всех является характерным лишь для современного міра. Только государство, в котором политические решения не зависят от способностей и характера отдельных лиц, имеет рациональную, а следовательно, свободную конституцию.

Гегель довольно часто отмечает в “философии права”, что Платон признавал эту проблему античного государства, но её незрелое теоретическое развитие ограничивало рациональность даже мнимой Республики Платона (п. 184а, 185, 206, 262а). Решением Платона было прямое правление разума в лице Царя-Философа. Царь-Философ, освобождённый от традиционных предубеждений, может поставить каждого гражданина на его действительно правильное место. Это могло бы удовлетворить требования справедливости, о которых беспокоился Платон, но не требования свободы, согласно Гегелю. Чтобы поставить каждого на надлежащее место, Царь-Философ должен был бы оспорить свободный выбор призыва как иррациональную и опасную роскошь (п. 185, 262а). В справедливом городе Платона даже философу не разрешается свободно выбирать призвание; он должен быть принуждён к правлению (Республика, 519б-е). Более того, Платон признаёт, что рациональное направление политических дел зависит от случая, очень маловероятного совпадения философии и царской власти (Республика, 473д-е). Разум обязательно руководит государством лишь тогда, когда государственная воля не зависит от способностей отдельных лиц, будь то философов, или героических лидеров, или технократов.

Гегель считает, что современный наследственный монарх обеспечивает функционирование различных институтов современного государства как взаимозависимого рационального организма. Три ветви власти в современной конституции имеют разные функции, но не полностью разделены. Как часть взаимозависимого целого, каждая власть определяется не только своей собственной конкретной функцией, но и другими властями, которые её ограничивают и взаимодействуют с ней. Каждая ветвь власти отражает другие (п. 272). Изменение функции одной власти меняет природу других. Таким образом, Конституция работает как органическое единство. Гегель использует органическую метафору, чтобы проиллюстрировать истинную взаимозависимость институтов современной конституции. (Не следует путать её значение в работе Гегеля с её более традиционным использованием в политической литературе, как в басне о брюхе Менения Агриппы, как оправдание иерархического порядка). Законодательная власть уточняет отдельные мнения отдельных членов гражданского общества при обсуждении и принятии законов, подводя индивидов к пониманию общего; исполнительная власть применяет универсальные сдерживающие факторы закона к конкретным случаям; а воле монарха «разные власти связанные в индивидуальное единство, которое, таким образом, является одновременно вершиной и основой целого, то есть конституционной монархии» (п. 273). Воля монарха объединяет и легитимирует работу разных органов власти и должностных лиц как работу одной индивидуальной свободной воли государства. Какой вывод мы должны из этого сделать? Объединяющую функцию монарха легко понять символическим способом. Как такой символ, он играет роль, которая будет разсмотрена ниже. Но Гегель утверждает, что функция монарха не является лишь символической, а мы утверждаем, что монархия не является лишь символом логического единства. Мы должны внимательно

изучить право монарха принимать окончательные решения в контексте всей конституции.

Гегель утверждает, что право окончательного решения, политический суверенитет, должно иметь место где-то среди полномочий Конституции. Разговоры о суверенитете народа имеют хорошее звучание, но сама по себе Народная воля является ничем иным, как абстракцией; она получает определенную форму только в реальных политических институтах. Суверенитет государства является истинным содержанием суверенитета народа (п. 279). В отличие от «народу», государство - это не просто абстрактное понятие; его исторически сложившиеся и признанные институты придают ему конкретное существование. Воля государства является единственным конкретным проявлением Воли народа, согласно Гегелю (п. 279). Конкретное единство государственной воли проявляется в ее отношениях с другими государствами. Во внешней политике государство, управляемое теми, кто имеет окончательную власть принимать решения, действует как коллективный индивид среди других таких же индивидов. Во внутренней политике воля государства является имплицитным единством, поскольку только их соответствие признанному конституционному порядку государства предоставляет различным внутренним институтам, законам, решениям и должностным лицам легитимной власти.

В «Философии права» Гегель пытается доказать, что воля государства является конкретным проявлением свободной человеческой воли в мире. В первых двух частях книги, «Абстрактное право» и «Мораль», он утверждает, что наиболее очевидные проявления человеческой свободы, договорных и моральных обязательств, налагаемых на себя людьми, на самом деле являются абстракциями, которые приобретают особое значение только в исторически сложившихся институтах и настроениях нации. Таким образом, воля государства является конкретной свободной волей народа.

Кто правит, кто имеет решающее слово в определении содержания государственной воли, является, таким образом, фундаментальным политическим вопросом. Любое отдельное лицо или группа лиц, избранных или назначенных самим собой, неизбежно будет предвзятым и не будет представлять универсальную волю нации, хотя бы потому, что она должна полагаться на свои собственные ограниченные представления. По этой причине существуют все конституционные средства для того, чтобы удалить окончательную власть принятия решений из рук отдельных лиц и передать её органу основного закона, как в Соединённых Штатах, или искусственной коллективной воле, как в британском парламенте. Проблема всех таких конституционных механизмов заключается в том, что, обеспечивая большую стабильность путём смягчения последствий политической конкуренции, они не прекращают персональную борьбу за право принимать окончательные решения в государстве. Народная воля, воплощённая в Конституции или парламенте, на самом деле является искусственной волей и признаётся таковой (п. 279). Мы ищем реальных лиц, ответственных за сотни вещей, которые каждый день делаются от лица государства, и отдельные лица соревнуются за частицу этой ответственности. Президент не является сувереном Соединённых Штатов, но мы имеем право считать его ответственным за значительную часть деятельности правительства. Он является избранным лидером, который использует свои особые взгляды и таланты, чтобы определять политику государства. Содержание государственной воли в значительной мере зависит от его особых способностей и добродетелей. Конституционные и парламентские демократии частично подвластны тому же самому случаю, который руководил античными республиками.

Рациональная конституция, по мнению Гегеля, возможна лишь там, где окончательное право принятия решений находится в руках реального лица, чья беспристрастность яв-

ляется несомненной, и вне которой не существует высшего личного авторитета, к которому можно апеллировать. Только современный конституционный монарх может выполнять эту роль. Гегель утверждает, что основная функция современного европейского монарха заключается в том, чтобы легитимировать каждый государственный акт, прибавляя к нему авторитетное одобрение суверена. Квалификацией для этой работы является его рождение в правящей семье; его право править не основывается на некоторых особых способностях. Он также не зависит от воли любого другого лица, как генерал-губернаторы и церемониальные президенты зависят от избранных партийных лидеров, которые получают власть. Признание престолонаследования по праву первородства полностью выводит коронование современного монарха из сферы человеческого выбора. Своим положением монарх обязан лишь природе.

Безпредвзятость монарха объясняется немного сложнее. Важно сразу осознать, что безпредвзятость гегелевского монарха - это не то, что восхваляли подхалимы абсолютных монархов на протяжении столетий. Сравните следующий аргумент византийского юриста, пересказанный Гиббоном, с аргументом Гегеля. «Какой интерес или страсть может достичь спокойной и превознесенной высоты монарха? Он уже является хозяином жизни и судьбы своих подданных, а те, кто вызвал его недовольство, уже зачислены к числу мертвых» (Gibbon, n.d., Vol. II, p. 322). Так говорит придворный подхалим. Гегель говорит о монархе, главная функция которого - говорить «да» и ставить точки над «и» (п. 280а, 279а). Гегелевский король не является абсолютным монархом. Действительно, если он действует согласно своим собственным идеям, он, по определению Гегеля, является деспотом, поскольку конституционное правление есть, в сущности, безличное правление (п. 278). Всё предметное содержание воли монарха «абсолютно зависит» от закона и его применения

исполнительной властью. Рациональное функционирование государства не зависит от личных качеств и талантов монарха; эту работу может выполнять кто-угодно (Гегель, 1974, с. 678, 685) [3]. В своих лекциях об искусстве Гегель отмечает, что современные монархи не являются пригодными объектами для художников из-за полного несоответствия между их функциями и личными качествами (Гегель, 1975, т. I, с. 193-94). Даже не важно, что монарх избирает наилучшего кандидата на каждую должность, когда делает назначение в исполнительной власти. Должности министров и высшие государственные должности требуют компетентности, а не личной гениальности; при наличии ряда объективно квалифицированных кандидатов не обязательно, чтобы монарх выбирал наилучшего (п. 292).

[3. Хотя более резкие высказывания Гегеля о сугубо формальном характере функции монарха были сделаны в его лекциях, а не в опубликованных работах, нельзя обвинять его в трусивости, поскольку эти лекции в Берлине часто посещали высокопоставленные чиновники при дворе и на государственной службе.]

Предыдущий абзац показывает лишь то, что монарх не должен реализовывать свои особые суждения для того, чтобы выполнять свою роль в конституции; это не доказывает, что он не может этого делать, если хочет. Кажется, что функционирование конституции всё ещё зависит от условного характера лица. Это было бы благоприятной критикой, если бы Гегель в самом деле основывал свою концепцию монархии исключительно на неисторичной логической дедукции. На самом деле же гегелевская концепция монархии зависит от исторического развития, которое привело к фактической ограниченной роли, описанной выше. Европейские монархи не всегда были такими нерешительными в отстаивании своих особых взглядов; но на протяжении столетий, и не без нескольких очень сильных ударов, их более ограниченная роль

в девятнадцатом столетии развернулась. Безпристрастность монархии - это дело рук её правителя, а не дар характера.

Когда монарх ограничен лишь формальным моментом субъективного решения, кажется, что конституция является монархией лишь по названию, тогда как на самом деле она является бюрократией, правлением государственных служащих. Гегель признаёт, что воля монарха - это формальная воля, лишь имя на правительственные декретах; но он настаивает на том, что «это имя важное» (параграф 279а). Оно делает возможным рациональное самоопределение государственной воли.

Современный идеал рационального государства, как в технократической, так и в марксистской формах, сосредоточивается на замене политиков осведомлёнными администраторами, которые выполняют ограниченные функции, а не соревнуются за власть; но его приверженцы по обыкновению игнорируют необходимые политические предпосылки такого рационализированного общественного устройства. Мечты о политике как рациональном управлении будут оставаться лишь мечтами до тех пор, пока мечтатели не смогут решить фундаментальную политическую проблему - кто имеет легитимные полномочия руководить - способом, который не нарушит безличное рациональное управление государственными делами. Если вопрос о том, кто имеет окончательное право принимать решение, остается открытым для обсуждения, конкуренция за эту власть будет существовать и продолжать искажать рациональное управление конкурирующими личными и партийными влияниями, независимо от того, является ли режим демократией, или бюрократией. Предоставление наивысшего суверенитета безличному представительству народной воли, как, например, американская конституция, не прекращает этой конкуренции и партийности. На самом деле, американская конституция защищает их. Конкуренция за власть и партийные влияния действует так

же очевидно, хотя и менее честно, в верхах коммунистической партийной бюрократии, несмотря на теоретический вывод их легитимной власти из общей воли рабочих и крестьян. Пока в государстве существует окончательная решающая власть, отдельные лица будут бороться за неё.

Гегель считает, что монархия, как это практиковалось в Европе в начале девятнадцатого столетия, может удовлетворительно решить политическую проблему. Общепринятая позиция монарха как суверена, чья воля легитимирует действию государства, накладывает жёсткие ограничения на амбиции бюрократов и политиков. Партийные группы и личные интересы могут продолжать существовать в правительстве, но они не будут руководить им сверху. Вместе с тем, монарх не предоставляет режима личного партийного направления, поскольку его роль ограничивается окончательным легитимизирующим утверждением законов и государственных действий. Деполитизируя (или деперсонализиркя) режим сверху, монарх создаёт условия, в которых свобода политических объединений и конкуренции может действовать, не нарушая общего рационального управления государством (Гегель, 1964, с. 160; 1913, с. 27).

Гегелевский конституционный монарх разряжает конкуренцию между отдельными лицами, которые хотят принимать окончательные решения согласно своим личным взглядам. Власть конституционного монарха - это, по терминологии Бенджамина Констана, «чистая власть» (*pouvoir neutre*) [4]. Она легитимирует и унифицирует разные государственные акты, но не инициирует никаких собственных действий. Рациональное государство требует деперсонализированной власти окончательного решения, которое осуществляется реальным лицом. Фундаментальная проблема политики не может быть отменена. Кто-то должен иметь решающее слово в любом человеческом обществе. Гегель никогда не верил, что научное управление вещами заменит политическое господ-

ство человека над человеком, как это делал его известнейший соенравный ученик. Социальные проблемы в конечном счёте требуют политических решений. Но он верил, что особое развитие политических полномочий современного конституционного монарха делает возможным рациональное управление государством и обществом.

[4. Аргументация Констана в пользу монархии очень похожа на гегелевскую. Однако Констан был заинтересованный лишь в защите индивидуальной свободы (1978, с. 1101); он с большим подозрением относился к стремлению к значительной политической свободе античных людей. Он не утверждает, как Гегель, что конституционная монархия даёт гражданам значительную коллективную свободу.]

Это решение проблемы рационального правления настолько поражающее оригинальное, настолько соблазнительно близкое к практике реальных государств и настолько согласовывается с его общей интерпретацией, а также с основными реалиями общественной жизни, что мы можем, наверное, извинить Гегеля его неспособность обсудить основные проблемы того, как такой рациональный режим будет функционировать на практике (он намного меньше говорит о роли бюрократов, рациональных администраторов в исполнительной власти, чем о монархе в «Философии права»). Гегель включает в свою систематическую мысль парадоксальное открытие, что наиболее традиционный элемент современной конституции делает возможным рациональный режим. Наиболее личная форма суверенитета делает возможным безличное, рациональное правление. Политические мыслители, которые рассматривают монархию как институт вне связи с её местом в развитой конституции, никогда не смогут понять этот парадокс. Гегель считает, что лишь его диалектическое соображение может раскрыть и помочь нам понять такие сочетанные, взаимозависимые социальные структуры.

Монархия является рациональной формой правления лишь при очень специфических исторических условиях. Рациональность наследственной монархии не основывается на дедукции из высших принципов, которые бы устанавливали универсальность этой формы правления. Она является рациональной лишь в контексте реальных институтов и политических настроений, которые сложились в современной Европе. Разсмотренная вне них, наследственная монархия не имеет особых претензий на рациональность. Сама по себе претензия первенца на трон есть случайная и иррациональная претензия на власть (п. 280). Сам Гегель называет современное признание престолонаследования по праву первородства возвращением к более раннему принципу, связанному с незрелыми формами правления, но теперь уже в рамках полностью развитой конституции (параграф 286). Обычное дедуктивное соображение видит лишь иррациональность оказания почестей случайности рождения, а следовательно, не понимает рациональности престолонаследования по праву первородства в современной конституции (п. 281). Выбор среди большого количества сыновей, как это делали китайские императоры, сам по себе кажется более рациональной процедурой; по крайней мере, преемник может быть лучшим из выводка. Однако именно её произвольность рекомендует Гегелю наследственность по принципу первородства. Рационально интегрированная конституция не нуждается в монархе с особыми талантами и добродетелями, так что большой пул княжеских кандидатов есть лишь источник внутренних разногласий и нестабильности. Рациональная конституция требует лишь того, чтобы монарх потрудился появиться на свет. Современные граждане, которые, как и Фигаро, приходят в негодование от иррациональности этого ценза для занятия высоких должностей, мыслят поверхностно, по словам Гегеля. Престолонаследование по праву первородства институционализирует, в приемлемой для общества форме,

деполитизацию наивысшей власти принятия решений в конституции.

Признание справедливости первородства укоренилось в этико-политических настроениях современной европейской нации, даже вопреки тому, что случайное различие рождения не является признанным принципом справедливости в современной конституции. Полезность не является основой этих настроений; европейцы считают, что пропускать первенцев было бы неправильно. (Это было бы всё равно, что протолкнуться вперёд в очереди в стране, где очереди проверяются). Это этические чувства, часть «*Sitte*» современных европейских наций, а не коллективное соглашение о наилучших средствах для достижения определённой цели. Гегелевская ограниченная конституционная монархия немыслима без этого.

[*Sittlichkeit* - это концепция «этической жизни» или «этического порядка», разработанная Гегелем. Впервые она была представлена в его работе «Феноменология духа» (1807) как ссылки на «этическое поведение, которое основывается на обычаях и традициях и развивается через привычку и наследование согласно объективным законам сообщества].

Как объяснить существование иногда противоречивого объединения этических чувств, на которых основывается рациональная конституция? Гегель отвечает поэтическим пассажем об «внутренней силе духа», что актуализирует себя в случайных обстоятельствах человеческой жизни (параграф 281а). Чувство и учреждения современной европейской нации так хорошо объединяются в рациональное целое, потому что они являются актуализацией Духа, который лежит в основе всего бытия. Гегель считает, что объяснить странное объединение именно таких условий для рационального устройства в современном государстве можно, лишь обратившись к более глубокой реальности, к его концепции Духа. Гегель, однако, не выводит свою модель рационального устройства

изонтологично-логической структуры Духа; скорее, он использует логическую структуру Идеи для анализа реально существующего единства конституции современного государства, а самореализацию Духа - для объяснения того, почему объединение институтов и нравов, что отвечают рациональному устройству, является необходимым развитием свободы в мире.

Ключом к существующей рациональной структуре государства является объединяющая субъективная воля монарха. Не существует механической гарантии того, что он будет придерживаться своей чёткой роли. Гегель является приверженцем писаных конституций, которые определяют и ограничивают разные полномочия государства; но для него такая конституция - лишь бумажка, если она не отвечает действительным настроениям и исторической подготовке нации (п. 274). Истинная конституция нации - это совокупность её политических институтов, законов, этических чувств и традиций: дух нации. Дух современных наций уменьшает потребность в надежде на самоуверенного индивидуального правителя. (Гегель считал, немного слишком самоуверенно, что Наполеон был последним, кто был нужен для выполнения этой роли, и что его действия, которые привели к реформе европейских конституций, сделали её ненужной в будущем). Итак, монарх по обыкновению отвечает той роли, которую требует дух нации. Турецкий султан является законным монархом для турок, но не для греков с их «более мягкими» европейскими характерами (Hegel, 1974, р. 683) [5]. Не совсем случайно, что большую часть столетия Англией правила королева Виктория, а не монарх с наполеоновскими претензиями. Истинной гарантией поведения монарха является взаимозависимое единство, дух, современной конституции. Каждое учреждение, официальное функция и политическое настроение определяют и отражают другие, включая роль монарха. Монархи не могут избирать свои собственные гра-

ницы; эти границы определяются традиционными отношениями между институтами, которые признаются общепринятыми как надлежащие.

[5. Гегель разделял иллюзию филистимлян о том, что Sitte современных греков «более мягкие», то есть более европейские, чем у турок. Греки, однако, всё ещё были христианами, а следовательно, с гегелевской точки зрения, их вера содержала принцип свободной субъективности, даже если этот принцип ещё не определял их поведение.]

Монарх как гарант общественной свободы

Теперь должно быть понятно, почему Гегель считает, что конституционная монархия является рациональной формой государственного устройства. Но менее понятно, каким образом наследственный конституционный монарх гарантирует значительную общественную свободу.

«Рациональное управление согласно правовым нормам может защитить частные субъективные свободы, обеспечивая регулярное и непредубеждённое применения законов о договоре и собственности, но так же может сделать и власть абсолютного монарха».

Гегель утверждает, что граждане современного государства имеют значительную политическую свободу, а также свободный выбор карьеры и частных интересов. Как это возможно, если суверен обязан своей властью своему рождению, а назначенные им министры не несут ответственности перед представителями народа?

Мы уже видели неадекватность античного республиканского идеала политической свободы. Прямое или опосредствованное народовластие - это всегда, в определённой мере, правление случая. Это правление конкретных индивидов со случайными способностями, а не свободное самоопределение. Гражданин получает истинную публичную свободу лишь как член государства, институты которого отстраняют

случайные элементы конкретного характера и естественных наклонностей из окончательных решений государства. Таким образом, монарх гарантирует реальную свободу граждан, обеспечивая рациональность конституции. Для Гегеля политические институты воплощают фактическую степень свободы нации. Современная конституционная монархия является наименее свободной формой правления, поскольку её институты объединяют субстанциальную и субъективную свободу во взаимозависимое единство (п. 257-58).

Однако до сих пор не понятно, почему гражданин современного государства должен отождествлять свою волю с волей государства, а не признавать её как инородное, хотя и полезное, навязывание. Если рациональная воля государства являются навязыванием, то гражданин не будет свободным, а воля государства не может быть свободной самоопределяющей волей нации. В гегелевской монархии граждане находят определённое признание своих особых мыслей через избранных ими представителей в законодательных органах и участие в корпорациях; но опять же, именно монарх крепко связывает государство вкупе. Монарх объединяет все разные действия государства своей волей. Он является конкретным выражителем воли нации. Он является естественным индивидом, который свободно желает универсального общественного блага; он является именно образом свободного, рационального самоопределения. Несоответствие между его особыми качествами и его функцией, тот факт, что любой человек может выполнять его работу, позволяет гражданину идентифицировать себя со своей волей, а следовательно, и с волей государства.

Намного труднее отождествить универсальную волю нации с избранными или назначенными лицами. Они служат через свои особые взгляды и способности, которые можно одобрять или не одобрять, и которые напоминают о том, что они привносят во власть личные амбиции и планы. Когда

граждане отождествляют универсальную волю нации с волей ненаследственного лидера, могут возникнуть серьёзные опасности, поскольку для того, чтобы ценить мысль конкретного лица как такую, что более репрезентативно отображает истинную волю нации, чем политические институты развитого государства, они должны иметь безоговорочную веру в его привилегированную личную прозорливость. Я не сомневаюсь, что Гегель с энтузиазмом принял бы первый вариант, но он утверждал, что современный конституционный монарх открывает путь между господством комбинаций конкретных интересов и иррациональным универсализмом, который обеспечивает культивацию вождя в фашистском государстве.

Граждане могут отождествлять себя с волей монарха именно потому, что его личная мысль не имеет значения. Единственное, что имеет значение, - это его рождение в правящей семье. Как и каждый другой гражданин, он является членом определённой нации. Абстрактных индивидов без определяющих качеств не существует; существуют лишь англичане, немцы и т.п. Конституция нации в значительной мере формирует эти удерживающие качества у её граждан. Идентифицируя волю монарха как волю нации, человек узнаёт себя в конституции.

Монарх облачает рациональное государство в сияние величия (п. 281). Без него воля рационального государства - это вялое навязывание бюрократии. Величие монарха вытекает из таинственного и случайного единства отдельного человека и судьбы целого народа. Индивидуальная воля монарха является универсальной волей государства. Для Гегеля почитание монарха - это, в сущности, почитание людской способности к рациональному самоопределению, истинной свободе, которой владеет индивид как член рационального государства. Предоставляя возможность человеку идентифицировать себя с универсальной волей рационально организованного государства, конституционный монарх позво-

ляет ему признать и уважать свою собственную истинную свободу.

Поскольку для этого нужна традиция почитания королевской семьи, а также исторический опыт и политические условия постнаполеоновской Европы, гегелевская рациональная конституция не является универсальным образцом наилучшего режима. Было бы абсурдно, если бы авторы американской конституции старались навязать эту форму правления стране без местной наследственной аристократии, из которой можно было бы выбрать королевскую семью, даже если бы они выполнили свою работу в 1825 году и признали Гегеля своим учителем. Печальный факт заключается в том, что рациональная и свободная конституция возможна не везде. Гегель не был слепым оптимистом, которым его иногда изображают в учебниках. Он утверждал, что рациональные принципы управления распространяются; но он никогда не утверждал, что рациональное государство станет универсальным и вечным [6]. Некоторые государства могут развиваться и потерять рациональную конституцию; некоторые могут никогда её не увидеть. Гегель знал, что политика и в дальнейшем будет оставаться причиной человеческих страданий в будущем.

[6. Мы не можем решить спор об «конце истории» в гегелевской мысли в сноске. Однако мы можем сказать, что то, что основная задача человеческой истории - актуализация свободы в реальных политических институтах - завершена, не означает, что больше ничего важного никогда не произойдёт; это означает лишь то, что, что бы не произошло, более полного развития свободы не будет. В мире всё ещё будут войны и безалаберщина; конец истории не принесёт конца людским страданиям.]

Рациональная конституция, по Гегелю, ещё не полностью реализована ни в одной стране Западной Европы, включая Пруссию. (Сравнение институтов, описанных в «Философии

права», и тех, что существовали в Пруссии в 1820-х годах, быстро выявляет важные отличия; см. Ноцеvar, 1973). Рациональную конституцию лучше всего можно представить как объединение наилучших элементов трёх наиболее развитых европейских государств, объединение английской субъективной свободы, французской Хартии и прусского правового кодекса и государственной службы. Любое конкретное государство имеет недостатки из-за неминуемой случайности всего реального исторического развития (параграф 258а); но в реальной конституции всё же можно найти основные принципы функционирования рациональной конституции. Гегель старается показать рациональность в современном государстве, которое эти постоянные дефекты скрывают от большинства наблюдателей.

Гегель не исключает реформирования этих недостатков в конкретных конституциях; он лишь опасается, что рациональная конституционная реформа есть намного более сложное и небезопасное дело, чем принято считать. Реформаторы, скорее всего, держатся той же ошибки, что и большинство интерпретаторов гегелевской концепции монархии. Они склонны рассматривать рациональность определённого института в абстракции от его функции как момента органически интегрированного образования. Таким образом, монархия в современной конституции будет казаться нерациональным анахронизмом. Реформаторы, скорее всего, принесут больше вреда, чем пользы. Даже когда Гегель признаёт, что определённый недостаток требует реформы - он называет запутанную паутину частных прав в английском общем праве «августовыми конюшнями» - он утверждает, что реформаторы имеют тенденцию создавать хаос, вводя принципы, которые противоречат духу конституции (Hegel, 1964, р. 310; 1913, р. 30). Разумные реформы, за которые он выступает, очень трудно осуществить.

Что касается революционных изменений, то они могут быть необходимыми в тех частях мира, где конституция всё

ещё не признаёт основной современный принцип субъективной свободы, но не везде. Это не означает, что Гегель считал, что дальнейшие революционные изменения в Западной Европе невозможны, а лишь то, что он верил, что никакая революция не может привести к высшему уровню свободы, чем тот, что существует в современной конституционной монархии [7]. Многие всё ещё могут стремиться к тому, что они считают высшей формой свободы, к более прямой демократии, к отмене собственности, отмене политической власти, к местному самоопределению и т.д., но дальнейшие революционные изменения всегда будут однобоко содействовать или субъективной, или материальной стороне свободы, и, таким образом, приведут к её полной потере. Истинная свобода - это интегрированный баланс материальной и субъективной свободы, который обеспечивает конституционная монархия.

[7. Анархисты преувеличивают объём индивидуальной свободы, тогда как революционные националисты и якобинцы преувеличивают сферу субстанциальной свободы. Маркс принял гегелевский идеал свободы как объединения субстанциальной и субъективной свободы, но он не предложил никаких политических средств его институциализации. Поэтому не удивительно, что в коммунистических государствах, основанных на мечте Маркса о замене господства человека над человеком научным управлением вещами, окончательное право принятия решений фактически находится в руках одного или нескольких человек, чьи добродетели и способности должны быть чрезвычайно преувеличеными, чтобы оправдать их правление.]

Заключение

Конституционная монархия решает, по мнению Гегеля, самую важную политическую проблему современного государства: как соединить субъективную свободу индивидов со свободным и рациональным управлением госу-

дарственными делами. Гегель оптимистически смотрит на перспективы рационального управления современным государством, поскольку историческое развитие европейских монархий сделало это решение возможным. Не удивительно, что Вебер, который писал после трансформации или исчезновения институтов и устоев, что имели решающее значение для Гегеля, пессимистически относится к возможности рационального режима. Он не видит реалистических средств деперсонализации окончательных решений государства. Бюрократия может вести повседневные дела согласно рациональным правовым стандартам, но окончательные решения должны принимать страстные индивидуальные лидеры. Таким образом, направление развития современного государства часто зависит от случайного характера и талантов отдельных лиц (Weber, 1958, p. 96). Гегель, с другой стороны, считал, что рациональное государство возможное потому, что, учитывая конституцию и основной дух современных европейских государств, которые он знал, монархия предлагала конкретное политическое средство деперсонализации политики государства.

И всё же, после всех исправлений и уточнений традиционных взглядов на политическую мысль Гегеля, какие мы сделали, остается верным то, что Гегель ошибался относительно направления развития современных европейских государств и политических настроений. Он недооценил политические следствия современного акцента на индивидуальной субъективной свободе и не смог предусмотреть мощное влияние националистических настроений на современную политику в ближайшие десятилетия. Европейцы [под давлением неолиберальных идей] требовали более удовлетворительного признания собственной свободы, чем могла обеспечить конституционная монархия. Они требовали самоопределения - или как большинство индивидов, или как единая нация. Либеральные реформаторы утверждали, что

лишь субъективный выбор большинства граждан может легитимировать власть любого лидера, даже если это означает зависимость от шансов на всенародное избрание и добродетелей конкретных лидеров. С другой стороны, абстрактная нация, а не развитые конкретные государственные институты, стала репрезентовать субстанциальное единство народа. Иррациональная эмоциональная привлекательность национализма оказалась более мощной и удовлетворяющей, чем умеренная благосклонность к институтам конституционной монархии, на которую разсчитывал Гегель; в скором времени она пленила намного больше европейских сердец, чем сияние монаршего величия. С этими изменениями в политических настроениях баланс между субстанциальной и субъективной свободой, какой, по мнению Гегеля, поддерживала конституционная монархия, склонился в ту или иную сторону. Надежды Гегеля на дальнейшее развитие и распространение рациональной конституции разбились об скалу возрастающего индивидуализма и национализма XIX и XX столетий.

Но если мы потеряли наши монархии и/или настроения, которые их поддерживали, какое значение для нас имеет гегелевская концепция монархии? Его взгляд на рациональную конституцию не является ошибочным лишь потому, что она невозможная в наше время. Чтобы опровергнуть его мысль, нужно было бы продемонстрировать, что рациональный и свободный режим возможен при других реальных исторических условиях, или что он невозможен при условиях, которые описывает Гегель, или что он невозможен ни при каких мыслимых реалистических условиях. Маркс и его последователи, вдохновлённые Гегелем и ожиданием абсолютно свободного и рационального порядка, попробовали сделать первое опровержение, но не предложив альтернативного политического средства деперсонализации политики. Они оставили самую важную проблему незатронутой. Итак не удивительно, что коммунистическими государствами фактически руководит

личная воля одного или нескольких человек с абсолютно противоположными характеристиками к тем, которые принадлежат достойному правителю, волей тех, чьи личные способности и добродетели чрезвычайно преувеличиваются в публичной пропаганде.

Гегелевская концепция конституционной монархии является наилучшим современным описанием необходимых политических условий рационального государства. Он учит нас, что мы не можем желать, чтобы политика прекратила своё существование с нашим стремлением к рациональному и свободному политическому порядку. Социальная революция не может установить этот порядок сама по себе. Социальные проблемы человека требуют политических решений. Гегель учит нас, что рациональное стало актуальным, но лишь при очень специфических исторических и политических условиях, которые уже не полностью касаются современного государства. Он может научить нам смириться с теми ограничениями наших социальных стремлений, которые мы не можем снять, и как распознать условия, при которых требование большей свободы и безкомпромиссной рациональности принесёт нам лишь меньше и того, и другого.

Ссылки на литературу:

1. Avineri, Schlomo (1972). Hegel's Theory of the Modern State. Cambridge: Cambridge University Press.
2. Constant, Benjamin (1918). Principes de Politiques. In Oeuvres. Paris: Pleiade.
3. Fackenheim, Emil (1970). «On the Actuality of the Rational and the Rationality of the Actual.» Review of Metaphysics 13: 690-98.
4. Forbes, Dugan (1975). Introduction to G. W. F. Hegel, Reason in History. Cambridge: Cambridge University Press.
5. Gibbon, Edward (n.d.). The Decline and Fall of the Roman Empire, 2 vols. New York: Modern Library.

6. Hegel, Georg Wilhelm Friedrich (1975). *Aesthetics: Lectures on Fine Art*. Translated by T. M. Knox. Oxford: Clarendon Press. (1911). *Grundlinien der Philosophie des Rechts*. Edited by Georg Lasson. Leipzig: Felix Meiner.
7. __ (1955). *Grundlinien der Philosophie des Rechts*. Edited by Johannes Hoffmeister. Hamburg: Meiner.
8. __ (1952). *Philosophy of Right*. Translated by T. M. Knox. Oxford: Oxford University Press.
9. __ (1913). *Schriften zur Politik und Rechtsphilosophie*. Edited by G. Lasson. Leipzig: Felix Meiner.
10. __ (1974). *Vorlesungen über Rechtsphilosophie*, Bd. IV. Edited by Karl-Heinz Ilting. Stuttgart: Frommann-Holtzboog.
11. Hocevar, R. K. (1973). *Hegel und der Preussische Staat*. München: Goldmann.
12. Knox, T. M. (1952). *Introduction and notes to Hegel's Philosophy of Right*. Oxford: Oxford University Press.
13. Marx, Karl (1971). *Critique of Hegel's Philosophy of Right*. Translated and edited by J. O'Malley. Cambridge: Cambridge University Press.
14. Pelczynski, Z. A., ed. (1971). *Hegel's Political Philosophy: Problems and Perspectives*. Cambridge: Cambridge University Press.
15. Riedel, Manfred (1971). «Nature and Freedom in Hegel's Philosophy of Right.» In Z. A. Pelczynski (ed.), *Hegel's Political Philosophy: Problems and Perspectives*. Cambridge: Cambridge University Press.
16. Ritter, Joachim (1969). «Hegel und die Französische Revolution.» In *Metaphysik und Politik*. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
17. Rosenzweig, Franz (1920). *Hegel und der Staat*, 2 Bde. Neudruck, Aalen: Scientia Verlag.
18. Taylor, Charles (1975). *Hegel*. Cambridge: Cambridge University Press.
19. Tocqueville, Alexis de (1945). *Democracy in America*, 2 vols. New York: Vintage.

20. Weber, Max (1958). «Politics as a Vocation.» In H. H. Gerth and C. Wright Mills (eds.), From Max Weber. Oxford: Oxford University Press.

21. Weil, Eric (1950). Hegel et l'Etat. Paris: Vrin

Перевод – Василий Романюк, Роман Раскольников

Георгий Павленко

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД ЦИТАТАМИ ИЗ ГАЗЕТНЫХ СТАТЕЙ И.Л. СОЛОНЕВИЧА

Известно, что даже неглупая мысль, выраженная корявым языком, не произведёт на читателя никакого впечатления! Поэтому публицист в литературном плане должен быть одарён ничуть не меньше, чем настоящий писатель! Без иронии и самоиронии, без едкости и афористичности публицисту не обойтись! На мой взгляд, в XX веке именно таким, подлинным и талантливым, «зубастым» и ярким, был Иван Лукьянович Солоневич (1891-1953). «Белорусский крестьянин» как он сам себя любил аттестовать...

«Пером владеющий как шпагой», опытный публицист заораживает читателя даже тогда, когда сам читатель не согласен с тем, что ему доказывает автор. Так, я, например, не разделяю ни восторгов Солоневича по поводу царствования Алексея Михайловича (церковный раскол, вина за который во многом должна быть возложена и на государя, является одной из главных бед всей Российской истории), ни безжалостных обвинений в адрес Петра Алексеевича, потому что сам европейский вектор петровской политики был абсолютно необходим для страны! И, тем не менее, я считаю Солоневича выдающимся русским публицистом минувшего века! (Впрочем, ещё в меньшей степени я разделяю взгляды А.И. Герцена, если не сказать, что я их вообще не разделяю, за исключением его критики «марксидов», но Александр Иванович, безусловно, крупнейший русский, а, может статья, и общемировой, мемуарист века девятнадцатого...)

Не удивительно, что и при жизни, и после смерти Солоневича, многие из его мнений и суждений подвергались резкой критике, не редко справедливой! В 1954 году, по смерти

Ивана Лукьяновича, последовавшей 24 апреля 1953 г., спустя ровно 50 дней после смерти Сталина (это так, к слову!), его соратники решили издать во второй редакции брошюру «Что говорит Иван Солоневич», вышедшей в 1940 году в Белграде, обогатив её, разумеется, материалами более позднего и – что важно! – послевоенного периода творчества главного штабс-капитана России...

Собственно, делать выборку из цитат Ивана Лукьяновича невозможно, они все хороши и все глубоки по смыслу. Выпишу только то, что мне близко именно в сей момент (день и час!), что легло под настроение...

Вот, например, по поводу того, что Гитлер, несомненно, при начале войны имел в виду не только уничтожение большевизма, как богооборческой и античеловеческой власти, но и расширение Германской империи на Восток за счёт славянских земель.

«Самый заклятый и самый безпощадный наш враг, - враг, впившийся во все артерии русского народа, враг, по капле выпивающий русскую кровь, - это есть большевизм.

Всё остальное, это вопрос цены и вопрос о цене, которую нам платить придётся совершенно неизбежно». («Наша Страна» (далее НС), 1938 г.)

Да, платить пришлось бы! И территорией, и ресурсами, и многочисленными политическими и государственными уступками... А как бы вы хотели? Народ, допустивший над собой торжество жидо-комиссаров, позволивший «задрать подол» матушке России, на что имел право? На то, что добрый дядюшка Гитлер придёт, разгонит мировой кагал, засевший на Руси, и уйдёт с пустыми руками из богатейшей страны, пожелав нам «Спокойной ночи»! **Таких** чудес на свете не бывает!

И, кстати, что хотелось бы возразить всем, кто, с одной стороны, вроде бы проклинают октябрьскую революцию, преклоняются перед героями Белого движения, а, с другой

стороны, считают коллаборационистами тех из числа русских эмигрантов, кто последовал за Гитлером, а тех, кто перешёл на сторону фашистов уже во время войны, и вовсе считают предателями?

Возражение одно и главное – для русского православного народа нет ига страшнее, чем иго жидовское. Ни бывшее монгольское иго, ни – возможное – фашистско-германское иго – не так страшны, не так смертельны, как иго интернационального сброва под руководством местечковых жидов! Кто с этим не согласен, тот не русский! Иван Лукьянович это прекрасно понимал. А потому «вопрос цены» поднимался им неоднократно. Логика «белорусского крестьянина» весьма проста – допустили жидовский погром Святой Руси – платите! Платите и – получите хоть какой-то шанс на её возрождение. В противном случае, останетесь под игом жидовским ещё на десятилетия и даже столетия, что, собственно, и произошло, и происходит до сих пор, и, честно говоря, боюсь, что будет происходить ещё долго... Тем более, что поддержку существующему режиму оказывает Московская Патриархия. Что ж, Иван Солоневич предвидел и такой расклад. В 1939 г. на страницах «НС» он пишет: «Если Сталину для защиты его власти и его территории понадобится сыграть на религиозном инстинкте народных масс, то возможно, мы увидим митрополита Сергия, благословляющего христолюбивое воинство на победу». 12 сентября 1943 г. митрополит Сергий стал патриархом... А жизнь народа? По слову Солоневича «Подсовецкая жизнь окрашена в два основных цвета: личного героизма и принципиальной безвыходности» («Наша Газета», далее НГ, 1939 г.). Ныне «личный героизм» сошёл на нет, ибо «народ устал», как некогда «устал караул» матроса Железняка... Осталась «принципиальная безвыходность»...

В целом же, рассуждая о возможной войне, Солоневич, с завидным спокойствием пишет: «Попытки задержать войну, если её проектирует кто-то, также платонически и также без-

смысленны, как и попытки вызвать войну, если бы её никто не проектировал. Мы только объекты истории, - а далее автор выражает твёрдую уверенность, что – Субъектом мы может стать [только] *в результате* войны» (НГ за 1938 г.).

В разговоре о Монархии, Солоневич выступает как истинный традиционалист. Он заявляет: «Я – монархист – стою на почве *тысячи лет* реальной и прозаической русской истории. Политики, практики, *прозаики* – это мы, монархисты. Ибо мы и только мы опираемся на реальное прошлое, а не на шпаргалки о будущем». А для непонятливых уточняет: «Мы, монархисты, в общем, стоим на стороне любви, но признаём совершеннейшую необходимость виселиц за насильственную «романтику»».

В 90-ые и в нулевые разнообразные «соборники», уважая, *в целом*, Ивана Лукьяновича, тем не менее, публиковали его тексты, включая главный труд Солоневича «Народную Монархию», без упоминаний вел. князя Владимира Кирилловича. А фигуре Главы Российского Императорского Дома Иван Лукьянович уделяет немало внимания на страницах патриотической периодики. Солоневич уверен, что «Юный Великий Князь Владимир Кириллович является последней, самой последней надеждой на возможность возвращаться в Россию с прямым, гордо поднятым знаменем и Династии, и Монархии» (НГ, 1938 г.). Однако проблема в том, что «Наши монархические круги, которые вообще, по складу своего характера, гораздо более склонны к словам, чем к работе, к знамёнам, чем к танкам, хотят видеть в монархии по преимуществу знамя. Я вижу в ней по преимуществу орудие, - самое мощное, каким мы только располагаем в борьбе за возрождение России – орудие успокоения и упорядочения страны». Но – скрушаются Солоневич – «идейного «приводного ремня» от монархии к массам ни по ту, ни по эту сторону рубежа у нас не имеется».

Этот «идейный «приводной ремень»» так и не появился. А потому внезапный интерес к исторической монархии и к

самой монархической идеи, возникший в конце восьмидесятых годов прошлого века, также легко испарился, как и образовался. А ведь социальные опросы показывали тогда, что решительно «за» монархию высказывались до 10-12 % населения, и ещё столько же не возражали бы против её восстановления! Свежо предание...

Осталось добавить, что даже те современные монархисты, которые выступают категорически против каких-либо претензий княгини Марии Владимировны на Российский престол (на титул «великой» она прав уже не имеет, т.к. по прямой линии является аж праправнучкой Императора, в данном случае Александра Третьего), считают Владимира Кирилловича последним законным Главой Династии Романовых. С его смертью вопрос о конкретном претенденте на Царский престол можно смело отнести к вопросам «развлекательного» характера...

Солоневич хорошо понимал, что «Восстановление Монархии может быть сорвано и слева, и справа» (НС, 1949 г.), что бороться придётся одновременно «и с революцией, и с реакцией» (НС за 1951 г.), впрочем, задолго до этих тревожных слов, он возлагал свою главную надежду на «инстинктивную политическую сознательность народа» (НГ за 1939 г.). Имеем ли мы право рассчитывать на эту самую «сознательность» сегодня, после столь радикально удавшегося чекистско-большевицкого ренессанса – огромный вопрос!..

Обосновывая свою веру в «политический инстинкт масс» Солоневич, ссылаясь на авторитет еп. Серафима (Троицкого), указывает, что Русское самодержавие – это «симфония совместной работы Церкви, Царя и Народа», что оно «есть защита низов, а никак не утверждение привилегий», и с лукавой усмешкой подчёркивает, что «не «низы» же ездили в Ставку требовать отречения Государя Императора...» (НС за 1949 г.). И на страницах той же газеты в течение целого ряда послевоенных лет Иван Лукьянович продолжает настаивать:

«Вся эмиграция есть общее собрание политических *банкротов*. Во всей эмиграции есть только одно *имя*, которое свободно от всякого банкротства – это имя *Главы Династии*. ... Ибо массы поверят только Дому Романовых – и больше не поверят *никому*. Я этого «не думаю», я в этом не «убеждён» - я это *знаю*».

«Наша основная цель – борьба за диктатуру совести» (НС за 1948 г.) - утверждал Солоневич, и в этой борьбе *«имя «Отрока из Дома Романовых»* - есть орудие самой страшной силы – психологическая бомба, которая может поднять против Советов *все низы*» (НС за 1949 г.).

Вера в «политический инстинкт» поддерживается, по мнению автора, и тем положением «низов», которое существует в СССР: «В Царской России не было ни одного небоскрёба, но у всех людей было *своё* и никак не уплотнённое *жильё*. Сейчас Советы судорожно строят небоскрёбы, а жить негде (НС за 1952 г.).

Обращаясь же в первую очередь к русской интеллигенции в эмиграции, Солоневич призывает: «Постараемся вернуться к принципам *Веры, Царя и Отечества* и пойдём дальше – *к себе домой*: к ценностям, проверенным тысячью лет, а не выдуманным в 10 000 книг». И далее, строго вслед за Л.А. Тихомировым, провозглашает: «Монархия состоит в *единичном выражении* идеи *всего национального целого*» (НС за 1949 г.).

Характеризуя многоразличные грани этого «национального целого», Иван Солоневич не раз обращается и к вопросу, а кто есть «русский националист». И тут он как всегда безапелляционен: «для всякого настоящего националиста на первом месте не нашивки, титулы и права, а *работа, жертва и долг*. Не «традиции», а вооружение». Увы, нам сегодня, пережившим целый бум ряженых монархистов, ряженых казаков, ряженых «традиционистов» остаётся только с глубоким сожалением вздохнуть... Но вернёмся на страницы га-

зеты «Родина» за 1940 год. Автор продолжает: «Народ, в его целом, править не может – как не может «весь народ» писать картины, лечить зубы, командовать армиями, проектировать мосты. Здесь нужен «специалист», которому народ будет доверять. В наших русских условиях таким «специалистом» был Царь». Свою статью о русском национализме Солоневич заканчивает таким пассажем: «наш лозунг, лозунг прогрессивных русских националистов можно бы формулировать так: *вся власть – русским мозгам!*»

Глядя из нынешнего, 2023-го года, с опасением думаю, а хватит ли нынче «русских мозгов» и какого они «качества», чтобы рискнуть передать им власть?..

Значительная доля цитат рассматриваемой брошюры посвящены вопросам становления и утверждения штабс-капитанского движения, основанного Солоневичем, на которое он возлагал свои главные надежды и которое часто именовал «народно-монархическим». Спустя годы, нужно честно признаться, что сам термин, так сказать бренд – «штабс-капитанское движение», что называется, «не пошёл». Нынешние молодые люди и вовсе не знают, кто такие «штабс-капитаны». А штабс-капитан – это воинский чин между лейтенантом и капитаном, и в понимании Солоневича этому званию как раз могли соответствовать армейские представители всех слоёв населения Российской Империи – от дворян до крестьян, от купцов до разночинной интеллигенции... Нам сегодня более понятен термин «народная монархия». Понятны и слова, обращённые Иваном Лукьяновичем к членам его движения: «Соль земли находится там, где люди умеют служить и жертвовать собою» (НГ за 1939 г.). Он видел своих соратников стоящими вне каких-либо политических партий и упорно готовящих себя к выполнению миссии «служилого слоя» будущей России. Та часть эмиграции, которая шла за И.Л. Солоневичем, оставила после себя немалое литературное и публицистическое наследие, однако вряд ли

можно говорить о том, что главная задача, поставленная Иваном Лукьяновичем, «организовать кадр творческих сил» (НГ за 1935 г.), была ею выполнена до конца. Нынче почти всё, что связано с Движением штабс-капитанов, принадлежит истории, и ковать «кадр творческих сил» необходимо из других рудных запасов...

Говоря о причинах, приведших к октябрьскому перевороту, Солоневич говорит: «Бердический фармацевт оказался вооружённым самым современным орудием политической аргументации, а в нашем распоряжении не оказалось почти никаких аргументов» (НГ за 1939 г.). А потому «Нам нужно будет очень много и воды, и мыла, и щёток, и скребниц, чтобы отмыть довоенную Россию от всей той грязи, которую обмазали её наш гнилой либерализм и его законнейший и неизбежный наследник – советский режим» (НГ за 1939 г.). Иван Солоневич не устаёт повторять, что именно «разложение правящего слоя» ещё до революции и сделало эту революцию возможной. «Катастрофа пришла к нам *справа*, а не *слева*» (НС за 1952 г.). Развивая всё ту же мысль, он пишет: «Московский тяглый мужик 1613 года оказался неизмеримо умнее петербургских профессоров 1917 года, - это сейчас очевидно... и это – не правее и не левее, - это просто – глубже!» (НС за 1951 г.).

Но нужны не только скребницы и мыло, нужны и пулемёты. В то же время «Пулемёт – это очень хорошая вещь, но никакой идеи он родить не может. Однако, всякая жизнеспособная идея рано или поздно обрастает пулемётами. Возрождение Национальной России есть неизбежность, диктуемая всем ходом истории» (НГ за 1935 г.). «Воссоздание Императорской России» Солоневич именует «нашей путеводной звездой», но всякий свой литературный пафос он сам же перекрывает напоминанием о том, что Империя должна быть «великой и свободной, но не лубочной и лубяной. *А стальной и бетонной!*» (НГ за 1959 г.). При этом «Наша непри-

миримость к большевикам должна быть *последовательной и беспощадной*. Враг должен быть добит окончательно» (НГ за 1938 г.).

Титулом «пророк» в нашей национал-патриотической среде именовали многих. И вполне справедливо - Леонтьев, Достоевский, И. Ильин и др. Но Солоневич и здесь выделяется какой-то лишь ему свойственной «журналистской» удачей, когда совпадения происходят не столько от «великого ума», сколько от смелости обращения со словом. Вот яркий образчик такого не столько «пророчества», сколько «угадывания»: «Делайте для Монархии *всё*, что вы только можете сделать: - это *единственная* гарантия против арамовичей и социалистического рая № 2» (НС за 1951 г.). Что ж, сейчас мы как раз и имеем очередного арамовича (и не одного!) и путинский «социалистический рай № 2».

Что представляет из себя сегодня «Единая Россия? Читаем Солоневича: «Всякая новая партия, захватившая власть в России, выродится в партийную диктатуру. Сначала будут миллионы красивых слов, потом – миллионы в концлагерях» (НС за 1948 г.). И дело к этому идёт...

Что делать? Мы ушли во внутреннюю эмиграцию. Читаем Солоневича: «Для меня *внутренняя эмиграция* означает значительно больше: это не только скрытый внутренний протест, - это также и *накопление сил для борьбы*» (НС за 1952 г.).

Что может означать сегодня словосочетание «Народная Монархия? Читаем Солоневича: «Народная монархия – это... *формулировка голоса крови*. Народная Монархия, в сущности, является попыткой исследования тех форм, в которых русский национально-государственный инстинкт проявлялся за все века существования нации и государства».

Что делать? Пулемётов у нас нет. Читаем Солоневича: «Слово стало нашим оружием. Научитесь им пользоваться. Это зависит от нас».

Иван Солоневич

ЦАРЬ И НАРОД

Ив. Тхоржевский в № 4159 «Возрождения» приводит мою фразу о том, что «здание русской империи все равно, с безусловной неизбежностью, будет возглавлено православным крестом русской монархии». Я ничего не имею против этой цитаты – но позвольте мне всё же несколько обидеться на комментарии к ней. Комментарии гласят: «Давно бы так! Эти новые слова ясно показывают, куда дует штабс-капитанский ветер».

Многоуважаемый Иван Иванович, позвольте Вас все-таки спросить – откуда это Вы взяли и «новые слова», и «давно бы так» и откуда появился «штабс-капитанский ветер»? Штабс-капитаны – они всегда были монархистами: в качестве таких они фигурируют и на страницах русской истории. Ветры тут решительно не при чём. Что же касается меня – то ежели многоуважаемый Ив. Тхоржевский читал писания мои, то из оных писаний он мог бы умозаключить, что я даже и перед всевидящим оком ОГПУ имел смелость заявлять о своем монархизме, что даже и на страницах «Последних Новостей» я, никаким ветрам не повинуюсь, со свойственной мне наглостью объявил себя монархистом, что никогда ни одним словом – печатным или непечатным – и ни по каким поводам я не высказывал ни малейшего сомнения не только в том, что монархия – лучший выход для России, но что монархия для России – есть также и неизбежность. При чём же: «новые слова» и «давно бы так»? Очень давно, многоуважаемый Иван Иванович. Очень давно – с тех пор, как я себя помню, вера в монархию для меня такая же само собою разумеющаяся вещь, как вера в Господа Бога: ни без того, ни без другого – Россия восстановлена быть не может. А так как она будет

восстановлена, то с логической неизбежностью вытекает тот факт, что будут восстановлены и Православие, и Монархия. Никогда я не только не утверждал ничего иного, но никогда ни для себя, ни для других никакого сомнения в этом не питал и не выражал. Никакие ветры тут не при чём. Ни штабс-капитанские, ни милюковские, ни ГПУ'ские, ни фашистские – ни какие. Я – не парусное судно. Я двигаюсь по системе внутреннего сгорания.

Но моя монархичность ни в какой степени не обязывает меня преклоняться перед политической мудростью некоторых членов Династии и перед отсутствием протеста со стороны других членов Династии. В точно такой же степени моя вера в Господа Бога ни в какой степени не обязывает меня чтить епископа Елевферия – с его «несть Сталина, аще не от Бога». Я – человек грубый. Я – не лукавый царедворец. Для меня монархия – не поприще для ловли счастья и чинов и не паркет для великосветских изгибаний. Монархия – это хлеб моей родины. Люди, хотя бы и из числа Династии, которые отрывают от этой Родины кусок её хлеба, - для меня враги. Не собираюсь скрывать и этого факта.

Но ежели Ив. Ив. Тхоржевский или не понял, или сделал вид, что не понял, в чём тут заключается сущность дела, то, вероятно, её нужно разъяснить. Подчеркну только один факт, который, может быть, остался вне внимания штабс-капитанов.

Говорить о неизбежности монархии очень нехитро человеку, находящемуся в хотя бы приемлемых отношениях с вероятными возглавителями и с вероятным окружением будущей монархии. Но я – сознательно и обдуманно – свои отношения с представителями Династии – может быть, и не со всеми – испортил вконец. Есть вещи, которых мне не простят, но есть вещи, которых и я не прощу. Так что тут, как видите, - полная незаинтересованность. И – никаких «ветров». При этом я исхожу из того предположения, что ежели я испорчу свои

отношения с Династией – это не существенно. А вот ежели Династия испортит свои отношения с русским мужиком – это существенно весьма. Ежели я окажусь дискредитированным перед лицом эмиграции и – что, конечно, хуже, но весьма мало вероятно – даже перед лицом России – то это особой роли не играет. Но ежели окажется дискредитирована Династия – это может пахнуть весьма длительной затяжкой нашей катастрофы: не отказом от монархии, а сменой династии. От чего – тоже упаси нас Господи. Не будем уподобляться фрейлинам и камергерам: династии меняются – но это невесёлая вещь. Временно, но в наших условиях только временно, монархия может быть заменена вождём. И это – не от хорошей жизни. И это, конечно, надолго. Во-первых, потому, что диктатор, прия не как Муссолини – при наличии Династии, а как Гитлер – в отсутствие её, с восстановлением монархии, конечно, подождёт: зачем ему связывать свои действия третьей силой? Во-вторых, потому, что кандидатов в диктаторы будет не один – уже в эмиграции есть штук десять. А сколько их ещё появится в России? В-третьих, потому, что только монархия будет окончательной точкой над нашей великой и безкровной... И ещё по многим причинам. Так что всем тем модам, которые

«...По Балтическим волнам
За лес и сало возят нам» –

я отношусь весьма скептически. О чём не раз и писал.

Меня спросят: зачем же подрывать авторитет Династии и зачем же портить с ней отношения? Я никакого авторитета не подрывал: не будем скрывать того факта, что его, в сущности, нет. Сейчас, когда во главе Династии стал Великий Князь Владимир Кириллович – появились надежды. Но надежды – это только почва для авторитета. Люди чувствуют представителей Династии во всякого рода торжественных случаях, но никто не видит в них своих естественных вождей. Это есть факт, и скрывать его совершенно не для чего;

он всё равно будет раньше или позже вскрыт самой жизнью.

Теперь перейдём к жизни. До сих пор мои показания и прогнозы об СССР исполнились в точности. Это даёт мне некоторое право просить о доверии и по поводу монархии. Я – совершенно независимо от моих отношений к Династии и даже независимо от её качеств – утверждал самым категорическим образом: лучший лозунг, который может быть брошен в массы на другой же день переворота, - это лозунг монархии. Утверждаю, на основании многолетнего опыта своей всяческой подпольной политической работы в СССР, что никакой другой лозунг не воспринимается так быстро и такочно, как этот. Он – нов для СССР – но он свой. Это лозунг гражданского мира, величия страны, это, если хотите, даже и лозунг «качества продукции» – «пила царского времени», «дом при царском режиме построен». Так что плакаты «о проклятом царском режиме», расклеенные на стенах домов, при этом же режиме построенных, - решительно никого не убеждают. Помню, как на Сормовском заводе рабочие избили расклейщика таких плакатов, рискнувшего работать в слишком уж тёмном месте; собирались бить и меня, как сглядая – я случайно проходил мимо, но успел «потворить». Помню, мужики Ананьевского уезда колесили по всей губернии в поисках таинственной «великой княжны». О таких же поисках в других местах мне рассказывали много историй, но эту я сам видел собственными глазами. Помню и ещё: был у меня физкультурник, комсомолец и футболист. Попался на самой обычной заводской краже – на шабашке (шабашкой называется сворованная продукция, или инвентарь: когда «пошабашат» что попало – в карман или под рубаху – иначе с голоду помереть можно). «Лёгкая кавалерия» устроила у парня обыск. В чулане, заставленном старыми ящиками, в углу – нашли на стенке портрет Государя Императора Николая Второго – в рамке из свежих цветов. Участник лёгкой кавалерии рассказывал мне об этом весьма сконфуженно: «кто

ж его, сукина сына, знал, что там царский портрет? Сказал бы – мы бы и не лезли». Комсомольцы – они тоже бывают разные – не хуже генералов.

Я их знаю очень хорошо – этих физкультурников, комсомольцев, заводских парнишек, мужиков всякого пола и возраста: через некоторое время госпожа Кускова и господин Милюков ещё раз убеждаются в том, что я знаю всё это лучше наших демократов. Я среди этих людей и для этих людей работал около пятнадцати лет – нужно быть окончательным ослом, чтобы ничего о них не знать. И они меня знают: я не саботировал никогда – нужно было бы быть прохвостом, чтобы саботировать работу над здоровьем русской молодёжи. Я не клялся в верности Сталину – ни одного разу, как это ни неправдоподобно, ибо сумел себя поставить приблизительно так, как нынче поставил себя в эмиграции: можете ухлопать, но заставить сказать то, во что я не верю, - никакими силами нельзя. На монархистов же «товарищи» смотрели, как на диплодоков: тоже чудаки бывают! Враг был гораздо ближе и понятнее: меньшевики, торговцы, офицеры. Но за раскрытие монархической пропаганды, конечно, расстреляли бы. Рисковал и этим. Так что рисковать ссорами в эмиграции – дело совершенно пустяковое. Подумаешь – риск!

Но вот, представьте себе – не отвлечённо, а реально: «будет некогда день» – и придём мы. И будут там миллионы и миллионы мужиков, рабочих и интеллигенции, почти исключительно из тех же мужиков и рабочих. Миллионы и миллионы, которые гнили в лагерях и в тюрьмах. Гнили на стройках – «вольных» или невольных. Гибли и от расстрелов, и от голода. Гнили, гибли и проклинали советскую власть всеми проклятиями, какие только могут быть у исстрадавшегося русского человека. И вот – придём не мы одни. Придут и другие. Какие-то другие останутся и там. И вот этим миллионам скажут: от имени Династии шла мировая пропаганда тех строек, на которых вы, товарищи, гибли и гнили. От имени

Династии шла пропаганда примиренчества, оборончества, национализма и эволюции.

Что скажут эти миллионы? Что останется от «авторитета Династии»? А ведь, кроме пресловутой второй советской партии, люди будут говорить и ещё о многом, о чём в эмиграции только шепчутся! Ну-с, многоуважаемый Иван Иванович, каково будет ваше положение перед этими миллионами и десятками миллионов?

И вот – я, совершенно безкорыстно проповедующий идею монархии человек, ни с какой стороны лично в её восстановлении незаинтересованный и всё-таки утверждающий: вне монархии выхода нет, - я с проповедью монархии в данных условиях в послесоветскую Россию не пойду. И Вам, Иван Иванович, не посоветую. Этот вопрос при данном положении нужно будет замять.

Монархия – это кусок хлеба. Пока этот кусок замазан большевицкой грязью – протягивать его в Россию нельзя. Уже сделаны ошибки, которые могут быть поправлены только путём самого резкого поворота. Если хотите – то и путём покаяния: русский народ никогда никакого покаяния не осудит и никогда не найдет его ни смешным, ни даже неуместным. В нём он будет видеть проявление высшего, религиозного мужества. Русский народ ни в чью непогрешимость не верит: такого догмата в православии нет. Все мы грешны, и все мы только рабы Божии. Русская монархия никогда не стояла на почве римского права – она стояла на нравственном законе, на православии...

Вокруг нового Главы Российского Императорского Дома, Великого Князя Владимира Кирилловича уже и сейчас сплетается очень много старых и льстивых слов. Не думаю, чтобы они могли ему помочь. Юность Великого Князя – это и недостаток, но и великое достоинство. Недостаток потому, что трудно в такие годы поднять на свои плечи такой страшный груз. Достоинство потому, что именно ему, Великому

Князю Владимиру Кирилловичу – каяться не в чем. Но около его юности уже ходят кругом царедворцы и уже начинает намечаться какое-то новое средостение. То самое средостение, которое веками отделяло народ от царя, которое веками подрывало и дискредитировало монархическую власть, которое и сейчас, в эмиграции, образует собою лермонтовскую «жадную толпу, стоящую у трона».

Те, у кого есть субъективное гражданское мужество и у кого есть объективная возможность это мужество проявить, не имеют никакого права молчать в эти, может быть, решающие дни. «Жадная толпа» ухитрилась соединить над именем Династии две неприемлемые для России вещи: дворянство и большевизанство. Получился чудовищный ублюдок второй советской партии с реакционно-гвардейскими тенденциями, густо замазанными дёгтем советской пропаганды. Ни с тем, ни с другим и порознь в Россию идти нельзя. Но идти одновременно и с тем, и с другим – значит, идти по путям политического безумия. Гражданские трусы могут об этом безумии промолчать. Льстивыми своими словами гражданские трусы у самых ног Династии роют для неё яму. Ловля счастья и чинов – это вещь совершенно безнадёжная. Единственное, чего можно достичнуть на этих путях, это гибель старой Династии и мучительные и кровавые скитания России в поисках новой. Не будем увлекаться Иловайским. На путях русской Династии было много кровавых страниц, не укладывающихся ни в какие легитимные рамки.

Юный Великий Князь Владимир Кириллович является последней, самой последней, надеждой на возможность возвращаться в Россию с прямым, гордо поднятым, знаменем и династии, и монархии. Если эта надежда будет сорвана средостением дворянско-большевицкого ублюдка, тогда и знамя Династии, и знамя монархии нам придется временно свернуть. Для нас Россия всё-таки прежде всего и выше всего. И если у русских людей зарубежья не хватит силы или

мужества разгромить этот союз и реакции, и революции, тогда нам придётся искать новых путей.

На Великого Князя Владимира Кирилловича история возложила задачу чудовищной тяжести. Мы все должны в меру наших сил помочь ему разрешить эту задачу. Но елейные слова – это слишком плохой метод. Нужно говорить правду. Хотя бы и горькую. Хотя бы и рискуя добрым своим именем. Умные люди и поймут, и простят. С неумными, может быть, придется погибать вместе.

(Наша Газета, № 8, 7 декабря 1938 г.)

Иван Солоневич

УБИЙЦЫ, ЦАРЕУБИЙЦЫ, САМОУБИЙЦЫ

Убийцы

Есть много лозунгов, о которых большевики предпочитают не вспоминать. К их числу относится лозунг «о хлебе, мире и свободе» – о котором действительно лучше не вспоминать в годы голода, гражданской войны и концлагерей. К их же числу относится и требование отмены смертной казни, которым большевики столь усердно щеголяли в предреволюционные годы и месяцы. Об этом требовании большевики тоже не вспоминают: все-таки неудобно. И только Ленин со свойственным ему мужеством цинизма, отвечая на нападки меньшевиков, сказал, что лозунг «долой смертную казнь» был хорош, когда власть находилась в руках буржуазии, но он потерял всякий смысл с того момента, когда власть перешла в руки «пролетариата» - то есть в руки большевиков.

Сильно подозреваю, что меньшевики в своих нападках были искренни не до конца. Марксистская правда была на стороне Ленина. Эта правда подтверждается двадцатилетней практикой большевизма. Попробуйте изъять из этой практики организацию убийств – и что останется от «счастливой социалистической жизни»? Меньшевики не были ни искренни, ни правы. Они протестовали против чрезвычайки – только потому, что чрезвычайка находилась не в их руках. Точно так же, как товарищ Троцкий протестует сейчас против красного террора – только потому, что нынче аппарат этого террора выбит из его, товарища Троцкого, рук. Меньшевики протестуют только потому, что до создания такого аппарата они ещё не дорвались. Верните Троцкого в Кремль или посадите туда Гоцлибердана - и сегодняшние вопли о гнусности террора будут забыты молниеносно и окончательно. Вероятно,

Троцкий найдет какое-то новое литературное оформление социалистической мясорубке, как найдут его и гоцлиберданы, но от этого мясорубка не прекратит своего существования. Она вызвана не кровожадностью марксистов, а противоестественностью марксизма. Не садизмом, а необходимостью. Отнимите от марксизма возможность массовых убийств – и он рухнет сам по себе. Не железо, не уголь и не нефть поддерживают основы «священного социалистического хозяйства» – их поддерживает кровь. Обходились и без железа, и без угля, и без нефти – но без крови не обходились никогда. Основным фактором весёлой социалистической стройки было, есть и будет: убийство. Вне убийства – марксизм немыслим.

Этих убийств было очень много. Если говорить об убийствах в самом прямом смысле этого слова – из нагана или винтовки – то их были миллионы. Если говорить о людях, убитых не пулей, а голодом, – то придётся говорить о десятках миллионов. Над этими десятками миллионов большевицких убийств каким-то страшным символическим рекордом, непревзойдённым по своей гнусности «высшим достижением» большевизма – маячит и будет маячить в веках убийство Государя Императора и Его Семьи.

Цареубийцы

Здесь нельзя говорить даже о расстреле – это казнь, а казнь предполагает суд. Людовик XVI предстал перед каким-то – пусть и неправомочным, но все-таки судом. Людовику были предъявлены какие-то – не совсем уж вымышленные – обвинения в сношениях с «иностранными интервентами» и в попытке отстоять свой престол штыками иностранных монархов. Николай Второй никаких «интервенций» не предпринимал. Ни в каких «заговорах против республики» – не участвовал. Никаких обвинений Ему предъявлено не было, и никаким судом он судим не был. Это было убийство – исключи-

чительное по своей жестокости и гнусности: убийство детей на глазах отца, и матери – на глазах детей. Это убийство лежит тяжёлым и кровавым пятном на совести русского народа и, в особенности, на совести тех, кто в своё время был близок к Государю. Не потому, что народ или эти круги участвовали в убийстве, а потому, что ничего не было предпринято для спасения человека, который так просто, так безропотно сложил с себя власть и вверил Свою судьбу и судьбу Своей семьи русскому народу. Народ – не сумел оправдать этого доверия. Народ виноват в этом меньше, чем его верхи.

Помню: обретаясь более или менее «в низах народа», я всё предполагал, что где-то, в ближайшем окружении Государя, есть некто толковый и преданный, кто не допустит дальнейшего издевательства над Государем и Его семьей. Кто нам, «низам», в нужный момент отдаст какой-то приказ, скажет, что нужно делать. Никого не оказалось. Никто ничего не сказал. То пресловутое «средостение», которое устами «августейших салонов» – выражаясь языком «Царского Вестника» - пускало гнуснейшие сплетни о Царской Семье, то «средостение», которое рукой Дмитрия Павловича бабахнуло первую пулю нашей «великой и безкровной» и остатки которого в эти дни с похоронными минами будут стоять на панихидах и делать вид, что молятся за упокой души Царственного Мученика, - это средостение вильнуло хвостом и исчезло в политическое небытие. Царь и Его Семья были предоставлены во власть озверелого совдепа. Ничто для Их спасения предпринято не было. В этом - и наша с вами, господа штабс-капитаны, вина.

О личности и о царствовании Николая Второго уже написаны десятки томов и, вероятно, будут написаны ещё десятки тысяч. Слишком трагична – и индивидуально, и исторически – судьба этого человека и связанная с ней судьба России. Слишком заманчив для романиста элемент «рока», элемент

иррациональности в этой судьбе – начиная с сабельного удара японского самурая, через Ходынку, болезнь Наследника, через Распутина, через «трусость и предательство», сплетни и «гнуснейшие инсинуации», неудачные войны, отречение и, наконец, до трагической гибели в екатеринбургском подвале. Я не собираюсь писать никаких мемуаров: покойного Государя я видел всего два раза в жизни – и видел Его, так сказать, с низов. Но может быть, эти отрывочные воспоминания представляют некоторый интерес... хотя бы для будущего романиста.

Первый раз – это было в дни Трёхсотлетия Дома Романовых на Невском проспекте. Я был, так сказать, «в составе толпы», сквозь которую – без всякой охраны, но с большим трудом – пробивалась коляска Государя. Со мною рядом стояли два моих товарища по университету: один – левый эс-эр, другой – член польской социалистической партии. Над Невским гремело непрерывное «ура» – и оба моих товарища кричали тоже «ура» во всю силу своих молодых лёгких: обаяние Русского Царя перевесило партийные программы. Я не кричал «ура» – кажется, никогда не кричал в своей жизни. Я всматривался в лицо Этого Человека, на плечи которого «случайность рождения» возложила такую страшную ответственность за судьбу гигантской Империи. В Его жестах было что-то ощупывающее и осторожное: как будто Он боялся – привык уже бояться – что малейшая неосторожность может иметь необозримые последствия для судьбы ста восьмидесяти миллионов людей... Вероятно, было и ещё что-то – чего я толка не заметил: мысль о том, что из-за сплошной стены этих восторженных лиц может протянуться рука, вооружённая браунингом или бомбой.

Коляска протиснулась дальше. Крики толпы передвинулись по направлению к Адмиралтейству. Мой пэпэсовский приятель несколько конфузливо, как бы оправдываясь перед моей невысказанной иронией, сказал:

- А симпатичный всё-таки бурш.

Почему он сказал «бурш» – я этого не знаю. Вероятно, не знает и он сам – нужно же было что-то сказать. Двадцать один год спустя этот товарищ – поляк, и сейчас не так чтобы очень социалист – переслал мне, заведомому и неизлечимому монархисту, из Польши в Гельсингфорс – почти тотчас же после нашего побега – свою финансовую помощь. Без этой помощи мы бы голодали, как в концлагере... Но это к теме не относится...

Второй раз – это было в начале войны в Минске, через который Государь проезжал, направляясь в Ставку. Я в те времена не был совсем уже «в низах». Издавал газету «Северо-Западная Жизнь» и получил билет в собор, где в присутствии Государя служилась обедня. Обедня прошла не столь молитвенно, сколько торжественно, и после неё Государь прикладывался к иконам. Перед одной из них Он стал на колени – и на подмётке Его сапога я увидел крупную и совершенно ясно заметную заплату.

Заплата – совсем не вязалась с представлением о Русском Царе. Проходили годы, и она, оставаясь для меня неким символом, стала всё-таки казаться плодом моего воображения. Только в прошлом году, в Софии, я в разговоре с о. Г. Шавельским, который хорошо знал Царскую семью, вопросительно упомянул об этой заплате: были ли она возможна? Она оказалась возможной. О. Георгий рассказал мне несколько немного смешных и очень трогательных анекдотов о том, например, как Наследник донашивал платья своих старших сестер.

Эта заплата стала неким символом – символом большой личной скромности. И с другой стороны – большой личной трагедии. Царская семья жила дружно и скромно: по терминологии тогдашних сумасшедших огарочно-санинских времен – это называлось мещанством. Та группа («первая группа» – по терминологии «Царского Вестника»), которая уже по социальному своему происхождению стояла выше всякого «мещанства», пускала слухи о распутинских оргиях

в Царском Дворце – вот та самая «первая группа», которая ныне официально простила первой советской партии убийство Царской Семьи и столь же официально возглавляет вторую советскую партию. Так, как будто обе советские партии только и было озабочены: первая – чтобы расчистить путь этой «группе» и вторая – чтобы привести её к власти... Что же касается Распутина – то его ещё нужно очистить и от великосветских сплетен, и от холливудского налёта. Тогда, кроме кутежей и женолюбия, ничего предосудительного и не останется. Но это – его частное дело. «Первая группа» тоже не отличалась ни трезвостью, ни целомудрием. Петр Первый не лез в трезвенники, а Екатерина Вторая не жила по уставам институтов благородных девиц. Что обоим не помешало заслужить имя «великих». Частная жизнь. Кому какое дело?

Но в данном случае «частная жизнь» была не только вывернута наизнанку, не только заляпана грязью, «инсинуациями самого грязного свойства», но и в этом виде «доведена до сознания народных масс». Можно сказать, что Её Величество Сплетня одолела Его Величество Царя. Царь – заплатил своей жизнью. Россия заплатила двадцатью годами тягчайших страданий – но сплетня продолжает своё победное шествие. По крайней мере – по нашему зарубежью... Меняются объекты и приёмы, но сама она остаётся вечно девственной и юной.

В подсоветской России сплетня как-то повывелась. Может быть, потому, что не до неё. Страданиями двадцати лет выжжена сплетня и о Царской Семье. В сознании подсоветских масс – в особенности, крестьянства – образ Николая Второго сконструировался совсем не в том аспекте, которого ожидали убийцы. Не Николай Кровавый, не Николай Последний, а Царь-Мученик. Заплативший жизнь за свою верность России, за верность тому слову, которое Он дал от имени России, и проданный своим «средостением». О жизни и о гибели Государя ходят масса слухов – в большинстве случаев совершенно апокрифических, создаются легенды, путей которых никто проследить не в состоянии. И именем Государя как бы

возглавляется тот многомиллионный синодик мучеников за землю русскую, к которому каждый день сталинской власти вписывает новые имена. Для монархической идеи нет оружия более сильного, чем легенды и мученический венец. Призрак Царя Мученика бродит по России, и он тем более страшен для власть имущих - что его ни в какой подвал не заташишь.

Самоубийцы

...А убийства идут своим чередом. Когда я, три года тому назад, с величайшей озлобленностью и безтактностью доказывал, что всякие разговоры об эволюции большевизма – это вздор, платный или бесплатный, но всё равно – вздор, на меня вешали многих собак. Сейчас эта эволюция, эволюция убийства – налицо. В той скорпионской резне, которая не прекращалась ни на один день, достигнуты небывалые в истории человечества рекорды, и убийство постепенно начинает переходить в самоубийство. Один из главных палачей, товарищ Самойлович-Лушков, недавно бежавший в Манчжурию, приводит цифру тюремного населения СССР – миллион человек. О лагерях Лушков ничего не говорит. О расстрелах говорит смутно – и то преимущественно в применении к расстрелам партийцев и чекистов. Ничего нового ни Лушков, ни его предшественники вроде Раскольникова и Бутенко нам сказать не могут. И ничего принципиально нового в этих побегах нет. Просто – судорожная борьба за клочки жизни и власти, паника на горящем корабле, когда в зверином страхе за власть и, следовательно, за жизнь – скорпионы топчут, режут и давят друг друга. Более удачливым удалось удрать – безо всяких шансов когда бы то ни было вернуться в Россию: их расстреляет сегодняшняя власть и их повесит завтрашняя. Всё это – самоубийство в рассрочку. Оно требует всё-таки меньше мужества и решимости, чем просто пуля в свой собственный марксистский лоб.

(«Голос России», 19 июля 1938 г., № 108)

Иван Солоневич

МОНАРХИЯ И ШТАБС-КАПИТАНЫ

В пасхальном обращении Главы Российского Императорского Дома Великого Князя Владимира Кирилловича сказано: Нынешняя власть за двадцать два года страданий народных залила потоками крови Родину нашу, довела Её до небывалого обнищания и продолжает предавать интересы страны на пользу III интернационала. Безсмысленно верить в её перерождение во власть национальную, и нельзя её признать хранительницей государственных рубежей и защитницей интересов России. Эта анти-русская власть, учитывая опасность наростающего из недр народных спасительного национализма, силится направить здоровое устремление народа в русло своих отравляющих душу идей. Те, кто верит в достижения нынешней власти и готовы усматривать в ней как бы преемницу созидателей русского величия – в своём заблуждении не встретят сочувствия Моего. Интернациональная коммунистическая власть останется до конца своего врагом России и её народов. Не может быть примирения и соглашения с богооборческой лже-народной властью. Кто отождествляет с нею Русский народ, приносит ему и России только вред.

Эти слова ликвидируют то, самое тяжёлое и самое неправдоподобное, что было в истории русской эмиграции: попытки морально связать Династию с большевизмом, организовать международную поддержку большевизма путём спекуляции именем Династии, вести от имени Династии пропаганду советских достижений, советской эволюции и советского национализма.

Читатели «Нашей Газеты», вероятно, помнят, как я с первых шагов своей эмигрантской жизни восставал против этой чудовищной попытки. В течение долгого ряда лет эта линия,

неправдоподобная и противоестественная, ни разу не была дезавуирована. Это сделано сейчас. С моей, с подсоветской, точки зрения дело заключалось, собственно говоря, вовсе не в том, что существование второй советской партии создало непереходимое средоточие между Династией и монархическим зарубежьем. Дело заключалось в угрозе неизмеримо более реальной и неизмеримо более трагичной: в возможности полной дискредитации и полного срыва династической, а может быть, и монархической идеи в России.

С первых же шагов своей эмигрантской деятельности я объявил себя монархистом. Несколько раз повторял и повторю еще раз: мой монархизм имеет очень мало общего, а иногда и не имеет ничего общего, с теми эмоциональными факторами, которые определяют монархические убеждения большинства правых кругов эмиграции. Лично я с идеей российской монархии не связан ни привилегиями прошлого, ни вожделениями на будущее.

В моих убеждениях очень мало эмоционального. В основном – это чисто логическое знание, построенное на всей сумме моих знаний о России вообще. В частности и в особенности – о России подсоветской.

Я достаточно хорошо знаю трагическую историю российской монархии за последние полтора века, чтобы оперировать терминами церковного кликушества. Мадам де Стель определяла русскую монархию как абсолютизм, ограниченный цареубийством. Иоанн Антонович, Петр Третий, Павел Первый, Александр Второй и Николай Второй – пять Императоров Российских, погибших от руки убийц в течение около ста пятидесяти лет – по одному цареубийству на каждые тридцать лет. Конституция мадам де Стель действовала, можно сказать, полным ходом. Действие этой конституции не следовало бы объяснять Божественным Промыслом. Нет также никакого смысла повторять историю с реставрацией Бурбонов.

Говоря короче, в вопрос о судьбах русской монархии я хочу ввести величайшую трезвость. Я знаю: для наших кликуш всякая трезвость эквивалентна хамству. История для них не существует. Кровавые и тяжкие уроки истории их не научили и не научат ничему. Потомки цареубийц, потерявшие свои поместья, будут кощунственно молиться о «благочестивейшем и самодержавнейшем» и будут обвинять в атеизме тех людей, которые не все свои надежды возлагают на молебны.

То, что говорят наши монархические организации и органы, вот, вроде «Царского Вестника», - есть сплошное кликушество, позорное для лиц мужского пола, населяющих жилищную площадь міра, загаженного и взбудороженного мировой войной и коммунистической революцией. Да, мы можем забыть о цареубийствах прошлого. Гарантирует ли это Россию от цареубийств будущего? Да, мы можем забыть об ошибках Династии в эмиграции. Гарантирует ли это, что об этих ошибках нам не напомнят другие? Эти другие нам о них обязательно напомнят. Забвением мы не достигнем ровно ничего.

Мы живем в міре, наполненном жестокой борьбой наций, идей, самолюбий, религий, форм правления, экономических интересов, территориальных вожделений и прочего. Ничто в этом міре не делается само собой. Так называемая стихия – только псевдоним, под которым скрываются сознательные и обдуманные усилия людей, опирающихся на реальные или на воображаемые интересы наций. Октябрьская революция не наступила сама по себе: её долго и упорно готовили тысячи и десятки тысяч так называемых лучших умов человечества. Российская монархия, при всей её многовековой инерции, тоже держалась не сама собой, и уж, конечно, сама собой восстановлена быть не может. Для её восстановления нужны сознательные и продуманные усилия очень многих людей, опирающихся на жизненные и – для меня – неоспоримые ин-

тересы народных масс России. Восстановление российской монархии возможно только в результате борьбы, в результате сознательных и продуманных усилий русских людей по обе стороны рубежа. По эту сторону рубежа таких людей у нас очень мало. По ту сторону рубежа имеются великие потенциальные возможности, ещё неоформленные в яркий и ясный политический символ веры. По эту сторону рубежа преобладает кликучество во всех его видах. Для борьбы за русскую монархию это кликучество не даёт абсолютно никакого оружия. Оно является только грузом, правда, не очень тяжёлым, но чрезвычайно неудобным. Оно будет оружием в руках наших врагов. «Царский Вестник», союз дворян, вторая советская партия и прочее в этом роде уже позабочились о том, чтобы в руки врагов русской монархии дать очень сильное оружие. В нужный момент это оружие будет использовано, - тут не может быть никакого сомнения. Уровень политической и пропагандической деятельности наших врагов настолько выше нашего собственного уровня, что на этот счёт лучше будет не питать решительно никаких иллюзий. Так, наши враги несомненно используют союз дворян для своего обращения к крестьянской массе: «вот, видите, монархия опять хочет посадить на вашу шею дворян и помещиков». Было бы величайшей наивностью предполагать, что этот довод не будет использован. Он обязательно будет использован, и к этому доводу мы должны быть готовы. И ко многим другим в этом же стиле.

* * *

В этой статье я не буду говорить о монархии вообще. Я исхожу из того предположения, что наши штабс-капитаны – монархисты, независимо от того, какими стимулами продиктованы их монархические убеждения. Я только попробую проанализировать: а) наши исходные стратегические позиции и б) наш будущий театр военных действий за монархию. И начну со второго.

Само собой разумеется, что у меня нет никаких статистических данных, касающихся монархических настроений в России. Здесь я только передам выводы из моих наблюдений, - по мере моей возможности, освобожденные от всяких моих личных симпатий и антипатий. В эти наблюдения люди могут верить или не верить и, не веря, могут поставить перед собой вопрос: в какой именно степени оказались неверными мои остальные наблюдения, касающиеся СССР? Ежели они признают, что остальные наблюдения оказались верными, то, принимая во внимание и моё социальное происхождение, и ту чрезвычайную резкость, с которой я выступал против некоторых представителей Династии, - у этих людей едва ли будет основание предполагать во мне какое бы то ни было личное освещение.

Итак, я утверждаю, что подавляющее большинство русского крестьянства настроено монархически. Я едва ли ошибусь, если скажу, что взрослое крестьянство, и великорусское, и белорусское, и малорусское, настроено монархически целиком, на все сто процентов. По моим наблюдениям, в которых я, впрочем, не очень уверен, монархически настроено и грузинское крестьянство. Как известно, до революции Грузия была самой социал-демократической страной в мире. Каким образом политическая идея сверхпролетаризированных мировых центров угнездилась на виноградниках Грузии, - принадлежит к числу великих исторических тайн, ещё более глубоких, чем пресловутая железная маска. После реализации пролетарских догматов на практике, после коллективизации, раскулачивания, подавления грузинского мятежа, грузинское крестьянство шарахнулось вправо. У него не было даже того слабого утешения, которое сваливает советские грехи на совесть русского империализма. Джугавили, Енукидзе, Орджоникидзе, Микоян, теперь ещё и Берия – причем здесь русский империализм? У одного из иностранных писателей я прочёл фразу о том, что сталинское раскула-

чивание вызвано кочевым духом, угнездившимся в психологии древнего кочевника Сталина. Грузинский мужик лучше, чем иностранный профессор, знает, что на памяти истории ни Сталин, ни его предки никогда не кочевали, а сидели по горным долинам. Во всяком случае, лично я в 1931 и 1932 году в Гергебиле, в Кутаисе, в Местии, Джвари кое-как разговаривал с грузинскими мужиками, которые после соответствующего излияния неизменно ставили вопрос: «когда же, наконец, придёт царь?». Это делалось без всякой агитации с моей стороны.

Для всего российского крестьянства царское время – это есть потерянный по неразумию рай. Иногда идея монархии облекается в религиозно-мистические формы, и призрак царя-мученика как-то сливается с великой тенью Христа. Иногда идея монархии формулируется чрезвычайно ясно и чётко как экономическая и политическая необходимость для крестьянства. Иногда мужицкие формулировки подымаются над интересами «своей землицы» и ставят вопрос об общегосударственных интересах: «без царя чи поделят, чи подохнем», - разговор с мужиком в Малине Киевской губернии.

Призрак бродит по России. Этот призрак находится абсолютно вне всякого сомнения. В этом призраке, может быть, больше силы, чем во всех других политических движени-ях России. Этот призрак находится в скрытом, так сказать, латентном состоянии. Проявления его бывают причудливы и парадоксальны. Осеню 1932 года на станции Берикей, к северу от Дербента, я угощал махоркой какого-то безпризорника лет этак четырнадцати. Безпризорник был грязен, голоден, бос и рван. Вшивое тряпье «не достигало половой зрелости». Сквозь дыры этого тряпья просвечивало грязное, посинелое от холода и, видимо, много и жестоко битое тело. Я ему посоветовал пойти в детскую колонию – «а то ведь так подохнешь с голоду». Безпризорник скривил свою грязную рожу и ответил: «ну, и хрен с ним, до царя всё одно не дожи-

ву». – «А что тебе царь?» – Безпризорник выругался. «Ишь ты, очкастый, а не знаешь»...

Я, конечно, знал. Но я весьма сильно сомневаюсь в том, чтобы Великий Князь Владимир Кириллович знал бы о тех надеждах, которые, совершенно независимо от его желания или нежелания, возлагают на него даже и советские безпризорники. О советском мужике я уже не говорю. На юные плечи Великого Князя история возложила поистине чудовищную ответственность.

О монархических настроениях русского крестьянства упоминает и немец, бывший коммунист, Карл Альбрехт, и корреспондент «Социалистического Вестника», и изредка даже и «Последние Новости». Но при этом говорится, что пролетариат весь настроен против монархии.

Это отчасти верно, но только отчасти. Действительно, кондовой и наследственный пролетариат, по преимуществу петербургский, настроен, я бы сказал, республикански. Но здесь нужно сделать несколько оговорок. Во-первых, тот же пролетариат, попадая в концлагерь, перековывается в два счёта. Мои пролетарии из кабинки монтёров («Россия в концлагере») оказались стопроцентными монархистами. Во-вторых, - а сколько его осталось – вот этого кондового пролетариата, не попавшего в концлагеря? Советская статистика оперирует двадцатью миллионами. Не меньше восемнадцати миллионов из них – это недавние выходцы из деревни, и причём не какие-нибудь, а по преимуществу кулацкие. Это те – в порядке хронологическом – кулаки, подкулачники, середняки, которые один за другим бежали из деревни в город, скрывали под профсоюзной книжкой свое непролетарское происхождение, вот те, которые сыплют битое стекло в подшипники, всовывают стальные болты в каландровые машины и, вообще, стараются гадить советской власти, где и как только это возможно. Они развили в себе потрясающую способность к мимикрии, и из них не вытащишь ни одного лиш-

него слова: это каменные люди. Это основные кадры грядущей всероссийской резни: эти будут резать без никаких. Их пятнадцать-восемнадцать миллионов, они сидят в городах и жилкоопах, один из них говорил мне:

— А у нас, товарищ Солоневич, всё, как на ладошке. Вот, скажем, наш жилкооп. А в ём, скажем, у товарища Гиткиса дополнительная жилплощадь. А почему у его эта жилплощадь? — в чеке работает. Справку в жилкооп принес. Вот мы всё и знаем, — никуды не спрячется.

Так что не только генералы, но даже и пролетарии бывают разные.

* * *

Интеллигенция, как общее правило, настроена технократически. Это будет приблизительно та идея служилого слоя, которую я проповедую здесь в эмиграции, но с оттенком, я бы сказал, республиканско-корпоративным. Старшие слои этой интеллигенции, т. е. по преимуществу довоенный слой, вполне приемлют конституционную монархию при том условии, что всё еврейство будет поголовно или выселено или вырезано, — для ближайшего времени несколько утопическая предпосылка. Новая советская интеллигенция никаких монархических настроений не имеет. При хорошо поставленной пропаганде этому слою не так трудно будет доказать чисто техническое преимущество монархии перед всеми другими существовавшими и существующими формами организации верховной власти. Но ни с какими религиозными идеями к этому слою подойти нельзя. Во многих отношениях это решающий слой, но он абсолютно безрелигиозен.

С его настроениями соприкасаются и настроения командного состава армии. Но тут я должен оговориться. Это та область, о которой я информирован хуже всего. И это тот слой, с которым труднее всего «поговорить». Хотя бы уже по одному тому, что потребление спиртных напитков в среде красного офицерства сведено до какого-то невероятного

минимума. Мы как-то всей нашей семьёй ещё в Гельсингфорсе вспоминали, случалось ли нам хотя бы раз видеть на улице пьяного или подвыпившего красного офицера, - нет, не случалось никогда. Совсем неплохой пример для наших традиционных банкетистов. Настроение у командного состава чрезвычайно патриотическое, скрыто-антисемитское, но о монархическом я не слыхал ничего.

Такова объективная и не от нас зависящая картина. Из неё можно сделать только такой общий вывод. Русское крестьянство, то есть подавляющее большинство населения России, является почти единственной и единственной надёжной опорой монархии, - как это, впрочем, было всегда. Но крестьянство, как это было всегда, элемент политически пассивный. На поверхность истории оно выступает активно только в катастрофические периоды национальной жизни. Крестьянство выступит активно в период российской контр-революции, но не нужно строить себе иллюзий. Если оно не успеет организоваться – а у него на это очень мало данных – то стада вдвадцатимиллионная крестьянская масса сейчас же кинется к своей земле. Я раньше думал, что эта земля, ныне колхозная, будет делиться по преимуществу оглоблями. Но книга М. З. Никонова-Смородина меня переубедила, - по-видимому, дело обойдётся без оглоблей. Во всяком случае, мужик при первой же возможности плотно вгрызётся в свою землю, и если ему никто мешать не будет, то от этой земли его уже не оторвать. Как активная политическая величина он надолго сойдёт с национальной арены, - во всяком случае, до тех пор, пока ему не удастся оформить себя идеально и организационно. Однако, мужик твёрдо убежден в следующем: пока не будет царя, ему, мужику, работать спокойно не дадут. Монархия в его глазах является, в частности, лучшей гарантией его земли, его труда, его спокойствия. Но, повторяю, период непосредственного, активного и, вероятно, очень бурного участия крестьян в политической стройке новой России будет

коротким периодом. Неотвратимые экономические потребности, тяга к земле и страх перед голодом притянут мужика к его будущим столыпинским отрубам.

Таким образом, ту мысль, которая благоразумно представляет российской монархии какую-то роль только «после всего этого», я считаю мыслью в корне ошибочной. В корне ошибочна и мысль, что будущей национальной власти придется заняться кровавой чисткой большевицкого наследия. Повторяю ещё раз: кровавая чистка произойдёт и без нас, и до нас. Никакая национальная власть ещё и сконструироваться не успеет, когда всё будет кончено. Вот эти самые дяди, которые сидят по жилкоопам и мотают себе на ус всех других дядей, имеющих дополнительную жилплощадь, партийные билеты или удостоверения о том, что какой-то Гиткис состоит на такой-то и такой-то работе и поэтому имеет такие-то и такие-то права и преимущества, - эти дяди никакой национальной власти ждать не будут. Они «всё это» сделают в два счёта. Так что старушка Европа даже не успеет как следует возмутиться. Словом, вы услышите по радио сообщение о падении режима и туманные намеки на то, что где-то идут какие-то там беспорядки. И лишь на много позже мы узнаем, что два дня таких беспорядков дали цифровой итог, превышающий итоги міровой войны.

Никакой национальной власти заняться этим не придётся. Самое реальное, на что можно рассчитывать, это вот что. Первым словом национальной власти должно быть следующее: «кончено». Первая задача – это борьба с анархией и самосудами. И, для удовлетворения народной совести, коронные суды для тех немногих, кому удастся избежать народного суда... Согласитесь сами, что вот это слово «кончено» в устах монархии будет звучать неизмеримо более убедительно, чем в чьих бы то ни было иных. Ибо, если это слово скажет товарищ Сидорчук, то ни один русский человек, помнящий сталинский опыт железного единства ленинской партии, - ни

в какие «кончено» не поверит. У Сидорчука, если даже он будет один, неизбежно появятся свои собственные Троцкие, Тухачевские и прочие Ягоды и ягодки, из которых каждый будет рассуждать: а чем я хуже Сидорчука? Сидорчуку ничего, кроме резни, не останется, - какими благородными намерениями он бы ни был исполнен.

Нельзя брать пример с Германии Адольфа Гитлера. Адольф Гитлер в течение долгого ряда лет имел возможность вести свою пропаганду, вербовать своих сторонников, проповедывать свою идею и стать человеком, известным не только всей Германии. А кто будет знать Сидорчука?

И вообще, во всех расчётах на будущего Сидорчука нужно иметь в виду следующее: этого Сидорчука сейчас не знает никто и знать не может. Все те люди, которые известны подсоветской печати, уже в очень сильной степени дискредитированы вот этой самой известностью. Умозаключение советских масс чрезвычайно просто. Ежели большевики рекламируют Иванова, то, значит, этот Иванов сволочь, и больше ничего. Следовательно, никакой Сидорчук никаких масс за собой иметь не сможет. Следовательно, тому же Сидорчуку монархия, по выражению «Возрождения», будет нужна, как воздух. Ему нужно будет опереться на нечто, по мере возможности бесспорное, чтобы устоять перед другими Сидорчуками, Тухачевскими и прочими. Короче говоря, для того, чтобы его не зарезали. Возможность российского повторения биографии Муссолини и Гитлера исключается почти полностью. Я уже не говорю о том незначительном факте, что фашизм и национал-социализм появились до революции и остановили её. У нас всё это будет после революции. Конечно, итальянская и германская формулировки говорят о фашистской и национал-социалистической революции. Но с нашей точки зрения, какая это, прости Господи, революция? Ни резни, ни расстрелов, ни голода, ни грабежа... Нет, определение термина «революция» лучше предоставить нам. Уж мы-то её, родимую, знаем.

* * *

Монархия выступает вне всякой личной конкуренции. Но, конечно, ей придётся столкнуться с очень серьёзной и очень жестокой идейной конкуренцией. Как сложится эта конкуренция, сейчас трудно сказать в точности. Но основные линии борьбы могут быть намечены уже и сейчас. Будет очень сильное республиканское течение в рядах потомственного пролетариата, который силён тем, что он сконцентрирован в одном месте и что свои политические симпатии и антипатии он может проводить в жизнь, так сказать, без отрыва от производства: высунулся на улицу и строй баррикады. Мужику для постройки контр-баррикады необходимо бросить свой посев, трепать тридцать верст до уездного города и, прибыв в уездный город, убедиться в том, что уездных площадях никакие вопросы не решаются. Подавляющее большинство новой советской интеллигенции – вероятно, процентов под девяносто – будет охвачено жаждой создания нового государства, на совершенно новых технократических идеях. О том, что это за идеи и что на них можно построить, эта интеллигенция и сама не имеет никакого представления. Командный состав красной армии, по всей вероятности, попробует поддержать какую-нибудь военную диктатуру по линии, так сказать, российского бонапартизма. Вопрос только в том, что кандидатов в Бонапарты не видать совсем. Якобинская армия была почти всех. Большевицкую армию били почти все. Победителей в ней нет никаких. Даже самые скромные кандидаты в победители и в Бонапарты – все ликвидированы в подвалах ОГПУ.

Я всё-таки не думаю, что идея русской монархии, подпираемая снизу «рабоче-крестьянскими штыками», встретила бы со стороны командного состава очень заметное сопротивление.

Вопрос о русском еврействе в эти дни не будет играть ровно никакой роли. Еврейство, то, которое останется, и носа на

улицу не высунет. Но вопрос о мировом еврействе несколько более сложен. Очень недавно, когда Династия была связана со второй советской партией, дальневосточные и американские евреи стали сколачивать еврейско-монархический фронт. Я ещё не знаю, в какой именно степени пасхальное обращение Великого Князя отбило у них монархические симпатии. Но это – особая тема, тесно связанная с общим международным положением.

Наши монархические круги, которые вообще, по складу своего характера, гораздо более склонны к словам, чем к работе, к знамёнам, чем к танкам, или, по Куропаткину, к молебнам, чем к пулемётам, хотят видеть в монархии по преимуществу знамя. Я вижу в ней по преимуществу орудие, - самое мощное, каким мы только располагаем в борьбе за возрождение России. Люди, которые хотят поставить это орудие в почётный угол, оказывают очень плохую услугу и России, и монархии. Сейчас для каких бы то ни было почётных углов у нас нет времени, как нет времени для лукавого царедворства, для высокоторжественной лжи и для того кликушества, которое рядится и в ризы православия, и в знамя монархии. Все будет проверено сурою и беспощадной реальностью. Всякая наша ошибка будет раздута в сто раз и использована до мельчайших деталей. Если мы вспомним о том, как в предреволюционное время, даже из августейших салонов и даже по признанию кликуш из «Царского Вестника», шла та борьба против Государя Императора, которая окончилась цареубийством, то у нас не останется ни малейшего права закрывать глаза на борьбу, нам предстоящую. В этой борьбе обнаружится всякая неправда и всякая ложь. Оружие против этих ошибок и против этой лжи мы должны выковывать заранее. Больше двадцати лет уже пропущено. Давайте поставим перед собой ясно, трезво и честно вопрос о том, что мы можем и что мы должны сделать для вооружения и восстановления основного стержня Империи Российской – её монархии.

2.

Я резюмирую основные положения моей предыдущей статьи. Исходя из бесспорного для меня объективного положения в подсоветской России, я считаю, что лозунг монархии нужно бросить в русские массы немедленно, через пять минут после переворота. Никаких «знамён» и никаких «почётных углов». Иначе мы выпустим из своих рук самое могучее орудие успокоения и упорядочения страны. За всеми попытками отложить вопрос о монархии, отодвинуть его в какое-то туманное будущее, когда всё придет в порядок уже и без монархии, скрывается просто-напросто лицемерие. Это лицемерие имеет, по-видимому, только одно объяснение: люди, которые «признают» Династию, совсем не уверены в том, что это признание разделяет и русский народ. Они боятся, что лозунг монархии дискредитирует их самих в глазах подсоветских масс. Они хотят оставить за собой белоснежные ризы, каковые ризы в подходящий момент можно будет перекрасить в любой подходящий к моменту цвет; да, мы, собственно говоря, были монархистами; да, мы, собственно говоря, и против монархии ничего не имеем; но мы, собственно говоря, в лучшем виде можем обойтись и без монархии.

Одна такая ошибка уже была сделана. Я говорю о Белой армии. Не буду сейчас разбирать вопроса, кто в этой ошибке виноват. Может быть, вожди Белого движения, которые, как и наши нынешние «собственно говоря, монархисты», ничего не знали в настроении народа и не пожелали дать монархии даже и почётного угла, в какой угол её нынче предлагаёт поставить ген. Деникин. Может быть, Династия, в среде которой не нашлось достаточной воли к власти. Во всяком случае, это было ошибкой чудовищной, колоссальной и, помоему, непростительной.

Большевики грешны многим. Но настроение масс, особенно в первые годы революции, когда ещё не было аппарата власти, они старались учитывать с возможной степенью

точности. Ленин непрерывно принимал всяких ходоков от крестьян и рабочих и беседовал с ними с глазу на глаз. Ежели бы наши историки и политики поменьше лазили бы по книжным полкам, а побольше – по деревням и заводам, их политические знания были бы неизмеримо более ценными. Какая-нибудь мужицкая фраза, выкованная из чугунного мужицкого языка, дает для понимания событий гораздо больше, чем толстые томы. Она выражает опасения или стремления, отталкивания и притяжения миллионных масс, решающих переломные моменты истории. Большевики и ловили, и сами конструировали эти фразы. И именно большевицкий главковерх, Лейба Троцкий, впоследствии, уже после разгрома Белой армии, злорадствовал над политической бездарностью её вождей. Он утверждал, что если бы эти вожди догадались выдвинуть лозунг «кулацкого царя», то с большевицкой революцией было бы покончено. Но они не догадались. Думаю, что настроения народных масс я знаю не хуже Троцкого. И если мы сейчас снова не догадаемся – история России рискует пойти по всякого рода ухабам.

Поэтому давайте бросим книжные полки. Кстати, перелистывая сейчас всевозможные истории русской революции и Белого движения, я нигде не нашёл ни одного слова об отношении солдатских и крестьянских масс к ген. Деникину. Я знаю это отношение по моим разговорам с солдатами ещё во время войны. Оно формулировалось словом «кровосос» – термин, рождённый страшными потерями «железной дивизии». Этот термин в значительной степени определил отношение крестьянства к ген. Деникину, а, следовательно, и судьбы Белой армии. На книжных полках этого термина не видать. Книжные полки, даже самые добросовестные, неизбежно отстают от жизни на несколько лет. Поэтому Павел Милюков, один из крупнейших эрудитов современности, оказался так бессилен политически. Оттого Бенито Муссолини и Адольф Гитлер, которые «изучали политику» не по

книжным полкам, а в общении с фронтовыми низами, ставят и выигрывают свои безошибочные ставки.

Всё это я говорю к тому, что в попытках определить нашу политическую линию мы должны отказаться от всяких книжных конструкций. Мужицкие словечки неизмеримо более ценные милюковских томов: историю будут решать не милюковы, а мужики. Мужицкие чаяния все сходятся на монархии. И если мы снова струсим, если мы снова отодвинем монархию в почётный и пыльный угол, мы задержим восстановление России, может быть, на многие десятки лет.

Следовательно, монархия для нас не только то знамя, которое когда-то, в каком-то туманном, в каком-то неуловимо далёком будущем украсит кем-то другим построенное здание Империи Российской. Если это здание построит кто-то другой (если построит), то этот строитель, по всей вероятности, предпочтёт обойтись каким-то собственным украшением. Для нас, как и для подавляющего большинства русского народа, монархия – это не только вывеска или приманка, а самый могучий двигатель в устройении и построении Империи Российской.

Теперь перейдём к другому вопросу: для нашей монархической деятельности – какие есть у нас орудия в руках и какие камни в печени. Один из самых тяжёлых булыжников – младороссская партия, пасхальным обращением В. К. Владимира Кирилловича как политическое течение ликвидировано начисто. Казем-Бек неоднократно утверждал, что Династия – за него, и что без Династии младороссы – ни-что. Сейчас основные положения младороссской партии дезавуированы начисто. Как политическое течение младороссская партия убита. Конечно, товарищ Казем-Бек ещё постарается как-то извернуться и за локоть себя укусить. Может быть, не только себя самого. Есть локти более жирные и питательные. «Новое Русское Слово» от 11-го марта сообщает, что «А. Ф. Керенский весьма удовлетворён моральными и мате-

риальными результатами своей поездки по Америке, которые обеспечивают дальнейшее существование его журнала». Дальше газета сообщает о пресловутых политических обедах на бульваре Экзельманс, которые «возникли по инициативе младороссского лидера Казем-Бека и на которых участвуют люди разных политических направлений, от младороссов до социалистов-революционеров». Компания не великая, но очень тёплая. Чрезвычайно возможно, что Керенский поделится с Казем-Беком не только вывезенными из Америки крохами политической мудрости, но и предметами более существенными. Локти бывают разные. От некоторых локтей можно откусить очень жирный кусок. Хватит на всех – и на Керенского, и на Казем-Бека, и на эсеров. Над столом рыцарей круглой чепухи витают тени наследников Якова Шифа, – как известно, из этих локтей наши сеятели «разумного, доброго, вечного» высосали не мало долларов.

Конечно, Казем-Бек будет изворачиваться. Конечно, вместе с ним будет изворачиваться и В. К. Дмитрий Павлович. Но это дело, по-видимому, конченное. Люди, которые неоднократно, отчасти искренно, но большей частью неискренно, упрекали меня в разложении эмиграции и в «травле» Династии, в недопустимых приёмах полемики, может быть, нынче, после обращения Великого Князя, согласятся с тем, что всё это делалось не совсем зря. Вторую советскую партию нужно было подрывать всеми способами, какие только имеются в нашем распоряжении. Почтительностью этого никак нельзя достигнуть.

* * *

Если мы собираемся оперировать идеей монархии не как знаменем, а как орудием, – перед нами встаёт другая и очень важная задача. Нужно очистить эту идею от всякого реакционного вожделения тех людей, которые совсем всерьёз думают, что благодарное послесоветское население с поклонами принесёт им ключи от их латифундий, от их титулов, чинов,

привилегий и прочего в этом роде. Что вот настанет день, и снова будут и «Яр», и «Стрельна», и беззаботная жизнь хорошо откормленных животных из повествований Юрия Галича, и безответные солдатики, и сусальные мужички, и вообще то прянично-квасное бытие, о котором так сладострастно шамкают люди, это бытие проворонившие навсегда. Ничего этого не будет. Будет труд, упорный до жестокости, будет великая оценка всякой способности, всякого умения и всякого таланта. Будет труд огромный, созидательный и радостный, но на старых привилегиях нужно поставить крест. Нужно поставить крест на всем том вяземском, избыном и лубочном стиле, которым ещё питается национальная часть нашей эмиграции. Этот стиль умер безвозвратно, как умерли маркизы галантного века или феодальные замки немецких *Raubritter*'ов – рыцарей разбойников. Сейчас в этих замках общежития для отдыхающей немецкой молодёжи, которая летом лазит по горам, а зимою ходит на лыжах. Французские маркизы и немецкие рыцари были, вероятно, очень поэтическими явлениями истории. В особенности, издали. Вблизи они были менее поэтичны. Они не вернутся, как не вернётся довоенный русский стиль. Из деревянного, лубочного века Россия будет стремительными шагами переходить к железобетонному. Те, у кого в душе нет этого железобетона, – России не будут нужны. Может быть, потом, в дали веков, опять появятся какие-нибудь по-новому утончённые и по-новому вырождающиеся голубые маркизы, но до этого мы не доживём и для этого жить не стоит. Будет работа, и будет безмерно много работы.

* * *

Полное изменение всего стиля русской жизни является совершенной неизбежностью. Это изменение вызывается целым рядом факторов, которые уже и сейчас определились с полной и безусловной очевидностью.

Совершенно исчез помещичье-дворянский слой, который определял собою тональность русской культуры и русской государственности. Этот слой уже не вернётся.

Исчез влиятельный и мощный торгово-промышленный слой, который возродится очень не скоро, а в первые послереволюционные годы будет представлен чем-то вроде нэпманов советского периода.

Исчез служилый слой, веками воспитывавшийся в определенном стиле государственности.

В страшной степени ослаблена церковь.

Таким образом, над неоформленным глубочайшим крестьянским морем, пропитавшим собою и значительную часть пролетариата, нет никакой социальной надстройки, которая разделяла бы его монархические взгляды, нет никакого «приводного ремня». Советская интеллигенция, взятая в целом, поддержит монархию или под давлением народных масс, или в результате грядущих разочарований. Но всякое разочарование обойдется дорого.

В эмиграции активных монархических кадров нет вовсе.

Отсутствие монархической интеллигенции и по ту, и по эту сторону рубежа есть самая слабая сторона монархического движения и самая сильная угроза будущему российской монархии. Было бы преступлением закрывать глаза на тот факт, что этот участок монархического фронта оголен вовсе. Именно на этом участке следует ждать прорыва вражеских сил.

Тот факт, что девяносто процентов русского зарубежья настроены монархически, не доказывает ровно ничего и ровно ничего не гарантирует. Усилиями целого ряда лет, целого ряда лиц, партий и организаций монархическое зарубежье оставлено совершенно без руля и без ветрил. Вот тут-то и скажутся ошибки и эмиграции, и Династии. Они скажутся безусловно и неотвратимо.

Средний русский зарубежный офицер, который говорит, что он монархист, совершенно не готов к какой бы то ни было идейной защите монархии. Когда он будет на посту земского начальника, педагога, коменданта города или полицмейсте-

ра, он, вероятно, не плохо выполнит свой долг и по адресу империи, и по адресу монархии. Но для того, чтобы он, монархист, попал на этот пост, нужно наличие монархического правительства, - иначе на ответственные посты монархистов не пустят. Значит, первым шагом монархического движения, как и всякого вообще массового движения, должно будет явиться «овладение массой». То есть, неоформленные стремления крестьянского моря нужно будет оформить и организовать, нужно будет продавить, отодвинуть или смягчить сопротивление тех групп, которые после советского эксперимента захотят проделать ещё какой-нибудь и которые будут находиться в центрах страны. Значит, нужны чёткие лозунги, ясная идея, агитационные доводы и организационные принципы. Ничего этого нет.

Зарубежный офицер не сможет отстаивать монархию вооружённым путём, даже если бы ему это приказал ген. Абрамов, по той простой причине, что вооружённые возможности зарубежья равны нулю. Идеино же этот офицер безоружен. Эмиграция эти двадцать лет – говорю о национальной эмиграции – воспитывалась в совершенно искусственной атмосфере, по крайней мере, лет на пятьдесят отставшей от современности. А если мы примем во внимание бешеные темпы этой современности, то это отставание трудно будет измерить каким-нибудь количественным коэффициентом. Техническая разница между русско-японской войной и той войной, к которой нынче готовится человечество, будет неизмеримо больше, чем разница между русско-японской войной и войнами Петра Великого. За эти тридцать лет появились технические факторы совершенно нового качественного типа: танки, авиация, газы. То есть те факторы, каких не знала, кроме мировой, да и то в зачатке, - ни одна война прошлого.

Так же стремительны и психологические сдвиги. Поэтому та фразеология, которую оперирует большинство наших монархических течений – устарела безнадёжно и окончательно.

Люди, которые говорят о монархии, почти неизбежно возвращаются к идеям, к образу мышления и к формулировкам середины прошлого века. Они просто не умеют говорить современным языком. Современный язык – для них это язык улицы, блатной жаргон, в лучшем случае литературная безграмотность. Современные идеи – для них только демагогия. Ясность и чёткость мысли и языка – только грубость. Они не сморкаются. Они облегчают себе нос посредством носового платка. Тот факт, что на поверхность общественной жизни всех народов поднялись многомиллионные массы, что всеобщая грамотность, кино и радио бросили в эти массы цепкие водопады новых идей, нового миоощущения, нового сознания своей, этих масс, ценности и самодовления, - всё это прошло мимо эмигрантских салонов и кабаков. Всё ещё предполагается, что соответствующее возлияние за столом круглым или прямоугольным создаст в міре какой-то новый политический факт. Всё ещё предполагается, что к этим массам, в особенности к русским массам, можно подойти с генеральскими «не рассуждать», что эти массы станут «смирно» и загогочут «здравглавашпрсво». Всё это, конечно, вздор.

* * *

Национальная эмиграция не только не научилась языку и мышлению современности, она отстала даже от того уровня, который был современным в 1913 году. Идейного «приводного ремня» от монархии к массам ни по ту, ни по эту сторону рубежа у нас не имеется.

За рубежом была сделана только одна такая попытка – это младороссская партия. Нужно отдать справедливость, это единственная из монархических группировок, которая говорила современным языком, оперировала понятиями современности и не была исполнена плотоядных вожделений реставрации. В ней было плохо одно, только одно. Основная идея этой партии заключалась в том, чтобы оттолкнуть массы от монархии. В эмиграции младороссам почти уда-

лось достичь этого. Остальные монархические организации совершенно нечленораздельны. Монархизм «Царского Вестника» может вызвать даже у искренних монархистов и изумление, и отвращение в одно и тоже время, как это, после мировой войны, после февральской и октябрьской революций, после фашизма, после национал-социализма, после катастрофы мирового экономического кризиса, версальского договора, тридцатимиллионной безработицы, мозгового треста, в век радио и самолётов, теории относительности и условных рефлексов, мог ещё сохраниться такой захолустно провинциальный стиль царёво-кокшайского церковного старости? Однако – сохранился. В Париже заседает Высший Монархический Совет, составленный исключительно из крупнейших помещиков довоенной России. Эти помещики, взятые в отдельности, могут быть приемлемы и могут быть неприемлемы. Но взятые в качестве совета, да ещё и высшего, да ещё и монархического, они накладывают на идею монархии густую тень помещичьих вожделений. Организации фашистского типа (РНСУВ, РНСД, новопоколенцы, фашисты), всячески отдавая должное исторической роли монархии, – о её будущей роли предпочитали или молчать, или говорить в очень туманных и уклончивых формулировках. Это есть результаты деятельности и Казем-Бека, и тех членов Династии, которые связали своё имя со второй советской партией. Конечно, нельзя же было садиться за один стол не только с Казем-Беком, но и с В. К. Дмитрием Павловичем – всё-таки неудобно.

Итак, иждивением ГПУ, иждивением генералов, в ГПУ состоящих и в ГПУ не состоящих, вожделением всех лиц, чающих возвращения поместий, и усилиями прочего такого, весьма почтенного, полупочтенного и вовсе непочтенного люда, мы нынче остались абсолютно без всяких монархических кадров, сколько-либо пригодных для борьбы за монархию внутри России: внутри России на банкетах далеко не

уедешь. Людей, которые могли бы разговаривать с послесоветским мужиком и рабочим, у нас вовсе нет. Людей, которые могли бы мало-мальски успешно выдержать, так сказать, агитационную конкуренцию с социал-революционными, социал-демократическими, технократическими и прочими агитаторами, - у нас совсем нет. Нет никакой мало-мальски толковой идеи об организации будущей, несловной, народной, железобетонной России. Ни умильная манная кашка «Царского Вестника», ни вожделения высшего монархического совета для России непригодны абсолютно. В этом не может быть сомнений даже на одну тысячную часть процента – здесь я оперирую абсолютной точностью.

Таким образом, фронт возрождения монархии может быть прорван вот на этом участке. С этой точки зрения новопоколенская установка имеет свои сильные стороны. В № 79 газеты Союза Нового Поколения «За Родину» помещен весьма просторный «ответ по существу» – ответ на мою статью по поводу непредрешенчества. К моему крайнему изумлению, этот ответ дан, действительно, по существу. Если исключить некоторые обходные движения по моему личному адресу и попытки приписать мне вещи, которые я никогда не говорил, - то это очень серьёзный ответ. Я к нему вернусь. Пока только скажу, что, ежели бы и создалось положение, при котором немедленное восстановление монархии оказалось бы явственно невозможным (такое положение вовсе не исключается, как не исключается и ряд других катастроф), то это никак не освобождало бы нас от обязанности формулировать нашу монархическую идею и готовить объективные предпосылки для восстановления монархии. История России не исчерпается даже и ближайшими десятилетиями.

Я, как читатели, вероятно, уже заметили, лишён дара елейного славословия. И нынешнее положение Главы Императорского Дома я хочу оценить без всякой еленистости. В очень схематическом изложении оно сводится к следующему:

му: опереться не на кого. Ни одной действительно активной, действительно монархической организации у нас нет. На парижских банкетах – люди выпьют, разойдутся и будут считать свой долг перед Россией исполненным до дна. До последней капли. Если не крови, то, по крайней мере, вина.

Фашистские группировки ещё не перестроились и, по крайней мере, в Европе, они очень слабы. Я не буду орать ура даже по адресу своих сотоварищей по национальному фронту. Денег нет. Перебиваются с хлеба на квас. Ничьей правительственной поддержки нет – все разговорчики об этом – ерунда. Наше штабс-капитанское движение наиболее обеспечено материально – штабс-капитанский фонд и мои гонорары, – но в масштабе политической работы это совершеннейшие гроши. Но и это движение находится ещё в процессе организации. И на него опереться ещё нельзя. Новопоколенцы, наиболее организованные, – занимают уклончивую позицию. Нужно сказать честно, что для текущей политической работы у них для этой уклончивости есть достаточное основание: опыт второй советской партии ещё слишком свеж.

Словом, дело обстоит плохо. Я знаю: констатация такого рода портит пищеварение, способствует разлитию желчи и распространению слухов о «подрыве». Конечно, сколь приятнее, сколь утешительнее и кольми покойнее твердить: всё обстоит благополучно, давайте спать. И насколько хуже и неприятнее констатировать совершенно очевидный, но весьма беспокойный факт: дело обстоит совсем дрянь, и для сна ни за столами, ни тем паче под столами, время сейчас совсем неподходящее. Можно, конечно, сказать: всё обстоит совершенно замечательно, давайте ещё годик соснём. Но можно сказать и другое: дело очень плохо, и нужно работать с предельным напряжением сил. Предельное напряжение сил никому не нравится. Отсюда и «подрыв».

* * *

Наше штабс-капитанское движение мы и дальше будем вести, как движение, стремящееся к созданию идеи и ко-

стяка будущего служилого слоя Императорской России. Будут по дороге и другие задачи – они существуют и сейчас, но они не предназначены для печати. Не будем связывать Главу Императорского Дома нашими организационными претензиями. Мы живём в такое путаное время, в котором буквально каждый день скрывает всяческие неожиданности и сюрпризы. Мы можем рисковать неожиданностями. Глава Императорского Дома рисковать не может. Ежели лидер штабс-капитанов сорвётся на каком-нибудь неудачном политическом зигзаге – это полбеды. Если сорвётся Глава Императорского Дома – это может быть уже катастрофой. Будем делать своё дело и постараемся вложить в это дело все наши силы и все наши мозги. За двадцать лет спячки нам всё равно придется отвечать России, как она уже отвечает и сейчас за ошибки старого правящего слоя. Всякий слой, который в какой-то степени хочет быть правящим, должен прежде всего сознавать свою ответственность перед Родиной и прежде всего свою собственную ответственность. Будем упорны. Если ход истории подарит нас приятными неожиданностями – то и слава Богу. Если на нашем пути он накидает всяческого бурелома – займёмся расчисткой. И сквозь всё, что нам предстоит пережить, будем иметь в виду нашу путеводную звезду – воссоздание Императорской России, великой и свободной, но не лубочной и лубяной, а стальной и бетонной.

(«Наша Газета», №№ 27 и 31, 1939 г.)

Вместо Послесловия

В публикуемых выше трёх статьях И.Л.Солоневича от 1938-39 гг. много говорится о том, как Династию некоторые, скажем так, ея представители и «монархисты» определённого сорта усердно мазали «совецкой грязью». Вел. Кн. Владимир Кириллович о ту пору став Главою Династии, как в силу того, «что сын за отца не отвечает», так и в силу того, что Князь был молод и не успел «замараться» в том, в чём «преуспе-

ли» возрастные члены Династии, как неоднократно отмечал Солоневич, «начал хорошо». Мы бы сказали, на «четвёрку-с-плюсом»... В послевоенный период (при всех «но») Владимир Кириллович в общем и целом «держал марку» Престолонаследника, правда уже где-то на «тройку-с-плюсом». Но «закончил» Вл. К. весьма плохо. Он замарался таки совецким дерьмом основательно... И только скорая кончина, видимо уберегла его от много худшего, что произошло с его «наследничками»: недо-царицкой Машей и недо-царьком Гогой – коги погрузились в большевицкое гавно «с головой» и уже «не отмоются» вовек... А «сиреной», соблазнявшей от имени совецкой Родины-Мачехи Великого Князя привелось стать гр-ну Ридигеру («патриарху» Совецкой церкви), точнее же – его тогдашнему «спичрайтеру» гр-ну Кураеву, «диакону всея Руси». Безо всякого зазрения своей «сожжённой совести» онный «дьяк» недавно с похвальбою поведал о том, как «соблазнял» Великого Князя в своём ЖЖ. Что ж, сработано оно, согласимся, было мастерово... Приведём сие красноречивое свидетельство:

Письмо патр. Алексия

Великому Князю Владимиру Кирилловичу

Ваше Высочество!

Благодарю Вас за радость, доставленную мне Вашим письмом.

Мне чрезвычайно дорого это свидетельство того, что при всей разности путей русского рассеяния и во Отечестве оставшихся, Православие и Россия единят всех нас, и даже более того - настоятельно требуют преодоления всех и всяческих временных разделений.

Россия более не является коммунистической. День Преображения Господня 1991 года оказался днём преображения России (вопреки замыслам коммунистических заговорщиков). Они начали своё правление с анафемы, возглашённой им святым патриархом Тихоном и завершили подтвержде-

нием своего отлучения от Святой Церкви от нас 21 августа сего года.

Россия свободна. Гражданская война окончена. Тем более неотложно соборное обсуждение будущего общественного и церковного устройства российской жизни. При этом надо иметь трезвость сказать, что на смену коммунистическим идеям идёт уже иная идеология – гуманистическая идеология «прав человека», по ряду своих положений также весьма далекая от Православного видения человека, его места в мире и обществе. И уже сейчас слышны настойчивые голоса о «недопустимости в демократическом обществе» возрождения симфонии Государства и Церкви.

Что ж, как бы ни было неясно будущее Православной Церкви, нам следовало бы войти в него едиными, не радуя наших противников нашими внутренними распрями.

Мы были рады тому, что за границей мог звучать независимый голос Православной Церкви. Мы признаём Зарубежную Церковь частью поместной Русской Православной Церкви.

Мы не ставим условия Зарубежной Церкви для воссоединения. Напротив, мы полагаем, что установления хотя бы евхаристического общения между нами означало бы автоматическое признание всех канонизаций, совершенных в Зарубежье (так, как это бывает при установлении отношений Поместными Церквами).

После этого уже можно было бы нормально, без упрёков и обвинений обсуждать возможность канонического «организационного» воссоединения.

Думаю, что мы могли бы предложить зарубежным епископам – при их желании – взять на себя управление епархиями в самой России. У них есть свой опыт жизни в условиях, которые, сейчас, похоже, будут и в России. У них нет внутренней «запуганности», что позволяет надеяться на их большое – несоразмерное, быть может, с их относительной

немногочисленностью - участие в общецерковной жизни.

Надеюсь также, что создадутся условия для приезда Вашего Высочества в Россию, если посчитаете возможным – в качестве гостя Русской Православной Церкви и Патриарха.

Заверяю Вас с своих молитвах и надеюсь на личную встречу в возрождённой России.

Это конец августа 1991 года. Письмо, кажется, никогда не публиковалось.

В моём архиве только черновик этого письма Великому князю Владимиру Кирилловичу. Причём черновик рукописный (что означает, что писал я его не дома, а в патриархии и потом надиктовывал машинистке). Но патриарх идею воспринял с радостью, и подписал его. Так что само письмо следовало бы поискать и в архивах патриархии, и в архиве адресата.

Доверенным лицом великого князя Владимира Кирилловича в Москве тогда был князь Зураб Михайлович Чавчавадзе.

И хотя «Архиерейский Синод Русской Православной Церкви Заграницей направил в Париж целую делегацию во главе с Архиепископом Лос-Анжелосским Антонием, которая должна была отговорить Великого Князя от поездки» — в ноябре 1991 года его приезд состоялся (https://vk.com/@house_romanovs-kogda-ya-umru-pohoroni-menya-zdes-v-rodnoi-zemle).

В память об этом у меня есть альбом с автографами Владимира Кирилловича и Леониды Георгиевны.

(<https://diak-kuraev.livejournal.com/4610391.html>)

ДОПОЛНЕНИЕ К СОЛОНЕВИЧУ

«Россия в концлагере» – несомненно, одно из самых значимых, а пожалуй, и самое значимое произведение, вышедшее из-под пера замечательного русского публициста, теоретика русской монархической мысли, Ивана Лукьяновича Солоневича. Без преувеличения, эта книга обязательна к прочтению для всякого русского человека правых взглядов, и вообще для всех, кто хочет понять историю России XX века. Среди множества других эмигрантских воспоминаний этот труд И.Л. Солоневича выделяется тем, что он не просто описывает происходившие в СССР ужасы, но объясняет их. Ясным и образным языком на его страницах изображаются основные движущие силы большевицкой системы, её внутренняя механика и структура, а также пути её возможной «эволюции». К сожалению, очень многое из этой советской технологии власти остается актуальным по сей день. И именно поэтому всем, кто с ней ещё не знаком, настоятельно рекомендуется ознакомиться. Напрашивается сопоставление с А.Солженицыным, чей «Архипелаг ГУЛАГ» занимает место «на вершине» лагерной литературы. Место заслуженное, но незаслуженно труд Солоневича не разделяет сие «вершинное» пребывание. В годы «холодной войны» при общей антикоммунистической установке пропаганды Запада, ряд моментов, чётко обозначенных у Солоневича, превратились в «фигуры умолчания». Если уж «Архипелаг...» и его Автор не избегли обвинений в «антисемитизме», то что и говорить про «Россию в Концлагере». В последние годы, однако, ситуация меняется. Связано сие прежде всего с тем, что Солоневича стали активно «читать на Родине»... Не претендуя на сколь-нибудь полное сопоставление «трудов и дней» означенных крупнейших летописцев ГУЛАГа, даём небольшую подборку «дополнений», в качестве «предварительных материалов» для возможного исследования... .

Анатолий Копейкин

ПОЛУЗАБЫТАЯ КНИГА ИВАНА СОЛОНЕВИЧА НАКОНЕЦ ПЕРЕИЗДАНА

«Россия в концлагере» Ивана Солоневича - одно из довольно многочисленных свидетельств о советском ГУЛАГе, вышедших задолго до появления Солженицынского труда.

Про существование этой книги многим известно, но её на удивление мало кто читал, в том числе в Самиздате - не в пример «Колымским рассказам», «Архипелагу ГУЛАГ» (автор которого, кстати, Солоневича упоминает) или мемуарам Евгении Гинзбург «Крутой маршрут». А между тем труд Солоневича вполне сопоставим с последней книгой - и по подходу, и по степени проникновения в советскую действительность, да наконец и по своим стилистическим достоинствам.

Иван Солоневич - один из немногих, кому удалось в 30-е годы сбежать из Советского Союза и рассказать о своём опыте. Задолго до Авторханова и Солженицына он отметил некоторые коренные условия функционирования советского режима; подкреплённые горами фактов, эти положения стали аксиомами после «Технологии власти» и «Архипелага ГУЛАГ»; описал такие ситуации и положения, которые не дублируются в позднейших источниках.

Книга «Россия в концлагере» была издана в Софии в 1936 году, переведена на десяток языков и вышла общим тиражом примерно в полмиллиона экземпляров. Пропагандистский эффект на западное общество, к сожалению, был снижен тем, что эту книгу активно использовали в нацистской Германии для антибольшевистской пропаганды.

В начале 50-х годов книгу переиздали в Буэнос-Айресе - кустарным образом, каким-нибудь «гектографом», с гранок, напечатанных на «Ундервуде». С тех пор целиком книга почему-то не перепечатывалась. (В 90-е годы были переиз-

даны потерявшие, по-моему, всякую актуальность историо-софические сочинения Солоневича - например, «Народная монархия»).

Солоневич был почти забыт. Почти все словари, в том числе касающиеся эмиграции, его игнорируют. Иван Лукьянович Солоневич (1891-1953) в 1916 г. окончил юридический факультет Петроградского университета. Участник Белого движения. В 1929-1930 гг. - заместитель председателя всесоюзного бюро по физкультуре. В 1933 году арестован - вместе с братом, публицистом Борисом Солоневичем, и сыном Юрием (при попытке бегства в Финляндию. В августе 1934 года - новая попытка, на этот раз удачная. Сперва он работал грузчиком в Гельсингфорсском порту, а потом, после известного успеха книги, обретя финансовую независимость, поселился в Софии, где издавал газету монархического толка «Голос России».

НКВД по-своему «оценило» книгу: 3 февраля 1938 года в редакцию пришла посылка с вложенной в неё взрывчаткой; Солоневич в это время, говорят, случайно отсутствовал; при вскрытии посылки погибла его жена.

В 1938 году он переехал жить в Берлин - очевидно, по соображениям безопасности. Осенью 1941 года арестован, сослан в провинцию под надзор гестапо. После войны - в английской оккупационной зоне. С 1947 года - в Буэнос-Айресе, где с 1948 г. издавал газету "Наша страна". Печатался в «Современных записках», «Последних новостях», «Новом русском слове» и др.

Умный и внимательный аналитик, Солоневич не имел иллюзий насчёт целей коммунизма и повседневной человеконенавистнической его практики. Все свои «перегибы» власть время от времени объясняла излишним рвением, некомпетентностью среднего и низового звена управления.

«Объяснить всё это глупостью советского режима было бы наивно. Советский режим - что бы там ни говорили - ор-

ганизован не для нужд страны, а для мировой революции. Нужды страны ему по существу безразличны. Я не представляю себе, чтобы с какой бы то ни было другой точки зрения можно было логически объяснить (...) и эпопею с коллективизацией, и трагедию с лагерями. Но если вы встанете на эту точку зрения, то весь советский быт - и в мелочах, и в "гигантах" - получает логическое и исчерпывающее объяснение".

Так считал и считает всякий честный историк - от Авторханова и Солженицына до Суворова. Кто в те времена так же ясно понимал смысл и цели коммунизма?

Видимо, Солоневич первым употребляет термин "техника власти" - или по крайней мере первым выделяет как одно из ключевых понятий (в главе "Ставка на сволочь"). "Советская система как система власти во что бы то ни стало показала миру недосягаемый образец "техники власти" (...) ... В 1918 г. в германском Киеве мне как-то пришлось "по душам" разговаривать с Мануильским, нынешним генеральным секретарем Коминтерна (...). Я доказывал Мануильскому, что большевизм обречён, ибо сочувствие масс не на его стороне. (...)

- Послушайте, дорогой мой, - усмехнулся он весьма презрительно, - да на какого же нам чёрта сочувствие масс? Нам нужен аппарат власти. И он у нас будет. А сочувствие масс? В конечном счёте наплевать нам на сочувствие масс".

И это говорил представитель так называемой "ленинской гвардии", которую через год-два после выхода книги Солоневича почти подчистую ликвидировали (Мануильского, кстати, нет - он был своим у сталинской гвардии). Солоневич уверенно замечает: "Да, совершенно ясно, что ленинская старая гвардия доживает свои последние дни".

У Солоневича не было иллюзий: власть сознательно поставила на сволочь; присутствие сволочи в аппарате власти было не исключением (как твердили большевики), а правилом. Аппарат власти, "сколоченный из сволочи, оказался не преоборимым, ибо для сволочи нет ни сомнения, ни мысли, ни сожаления, ни сострадания".

Хорошо организованной бандой насили они на страну, терроризируя всех остальных. При этом “”большевистская спаянность” действует только по адресу остального населения страны. Внутри ячеек все друг под друга подкапывают-ся, подсаживают, высаживают”.

Обозначив принципиальную схему, Иван Солоневич идёт дальше: “Не нужно схематизировать этих будней. Нельзя представлять себе дело так, что с одной стороны существуют беспощадные палачи, а с другой - безответные агнцы. Палачи - тоже рабы. [Начальник ББК] Успенский раб перед Ягодой, Ягода - перед Сталиным. (...) Нет бога, кроме міровой революции, и Сталин пророк её. Нет права, а есть революционная целесообразность, и Сталин единственный толкователь её. Нет человеческих личностей, а есть безличные единицы “массы”, приносимой в жертву міровому пожару...”

Отсюда уже два шага до знаменитого сталинского обрата насчёт “машины и винтиков”. Да что два? Ни одного; давая характеристику одному большевику, Солоневич произносит: “К галерее жертв коммунистической мясорубки прибавился ещё один экспонат; товарищ Чекалин, стёршийся и проржавевший от крови винтик этой безпримерной в истории машины”. Сталин, который скорее всего книгу Солоневича читал (он подписывался, между прочим, на всю эмигрантскую прессу), не привёл ли девять лет спустя “скрытую цитату” из “России в концлагере”?

А что же нормальные люди? Они все по очереди оказались жертвами этой сволочи, сжавшейся в один разящий кулак: крестьяне, интеллигенция, рабочие:

“Не знаю, как кто, но лично я всегда считал теорию разрыва интеллигенции с народом кабинетной выдумкой (...) Все эти мистические кабинетные теории (...) раздробили единый народ на противостоящие друг другу группы. Отбросы классов были представлены как характерные представители их. (...) Русская революция (...) дала мне блестящую возмож-

ность проверить свои и чужие точки зрения на некоторые вопросы. Должен сказать откровенно, что за такую проверку годом концентрационного лагеря заплатить стоило. (...) для некоторой части эмиграции год концлагеря был бы великолепным средством для протирания глаз и приведения в порядок мозгов. Очень вероятно, что некоторая группа новых возвращенцев этим средством принуждена будет воспользоваться”.

Справедливость последней фразы могли бы подтвердить тысячи послевоенных репатриантов.

Сволочь, люмпены были во всех классах - но классы, понятно, состояли не исключительно из них.

“Кто же был типичен для рабочего класса? (...) Донбассовские рабочие, которые шли против добровольцев, подпираемые сзади латышско-китайско-венгерскими пулеметами, или ижевские рабочие, сформировавшиеся в ударные колчаковские полки?”

Общение с рабочими и крестьянами убедило Солоневича: ярые антибольшевистские настроения доминировали среди тех, кто ещё сохранил способность мыслить.

Один крестьянин спросил его: “А что, не будет ли войны? “ - “Пока не предвидится”. - “Господи, ниоткуда спасения нет”. Что он был прав, свидетельствует лето 1941 года: оказавшись предоставленными сами себе, русские крестьяне и рабочие, одетые в солдатские шинели, массами сдавались в плен - больше 3 миллионов только в 1941 году.

И “Большую чистку” 1937 года Stalin осуществил, конечно, не от чего делать (см. об этом в книге Виктора Суворова “Очищение”).

В Беломорско-Балтийском комбинате (лагерь, сокращенно ББК) Солоневич оказался уже после окончания строительства канала. Будучи причастным к составлению разных бумаг, он приводит цифру жертв: “Старики-беломорстроевцы говорят: двести тысяч. Более компетентные люди из управления ББК

говорили: “двести не двести, а несколько больше ста тысяч людей здесь уложено”... Имена же их Ты, Господи, веси”.

В начале 30-х годов жизнь в лагере иногда была лучше, чем на воле, особенно жизнь (если это была жизнь) в коллективизированной деревне. Солоневич передаёт фразу одного вольнонаёмного мужика: “А вот люди сказывают, что в лагере теперь лучше, чем на воле: хлеб дают, кашу дают...”

Солоневич согласен: он видел, как некоторые заключённые посыпали сухари своим семьям. Но это, правда, в некоторых привилегированных лагерях; в остальных люди дохли как мухи.

Ощутить фактуру времени, почуять его запахи, понять стремления, надежды и т.д. невозможно по обобщающим историческим трудам - только по рассказам современников. Вот один из рассказов Солоневича (из жизни Беломорско-Балтийского комбината):

“...перед нашими палатками маячили десятки оборванных крестьянских ребятишек, выпрашивавших всякие съедобные отбросы. (...) ...свои полтора фунта хлеба мы получали каждый день, а крестьяне и этих полутора фунтов не имели. (...) У нас была огромная, литров на десять, алюминиевая кастрюля (...). В эту кастрюлю Юра собирал то, что оставалось от лагерных щей во всей нашей палатке. (...) Немногие из лагерников отваживались есть эти щи.... (...) ...однажды (...) я обнаружил, что моя кастрюля, стоявшая под нарами, была полна до краев и содержимое её превратилось в глыбу сплошного льда. (...) Я взял кастрюлю и вышел из палатки. Была почти уже ночь... (...) Вдруг (...) застуженный детский голос пропищал:

- Дяденька, дяденька, может, что осталось, дяденька, дай! ..
- Это была девочка, лет, вероятно, одиннадцати. (...)
- А тут только лёд.
- От щей, дяденька?
- От щей. (...)

Девочка почти вырвала кастрюлю из моих рук... Потом она распахнула рваный зипушишко (...) прижала кастрюлю к своему голому тельцу (...), запахнула зипушишко и села на снег. (...) ...я сообразил, что эта девочка собирается теплом изголодавшегося своего тела растопить эту полупудовую глыбу замерзшей, отвратительной, свиной - но всё же пищи. (...)

Я схватил её вместе с кастрюлей и потащил в палатку. (...) Нашел чьи-то обедки, полпайка Юриного хлеба и что-то ещё. (...) Я стоял перед нею пришибленный и растерянный, полный великого отвращения ко всему в мире, в том числе и к себе самому. Как это мы, взрослые люди России, тридцать миллионов взрослых мужчин, могли допустить до этого детей нашей страны? Как это мы не додрались до конца? (...) Как это все мы, все поголовно, не взялись за винтовки? (...)

Многое вещей видел я на советских просторах - вещей намного хуже той девочки с кастрюлей льда. И многое как-то уже забывается. А девочка не забудется никогда. Она для меня стала каким-то символом - символом того, что сделалось с Россией".

Добавим, что книга написана увлекательно - почти по законам приключенческого жанра.

*Русская мысль. Париж. 1999. 25 ноября – 1 декабря.
(№ 4294). С. 15.)*

СОЛЖЕНИЦЫН СВЯЗАН С ФАШИСТСКИМИ И БЕЛОЭМИГРАНТСКИМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ

Писатель Александр Солженицын был связан с фашистскими и белоэмигрантскими организациями, рассказал Галкин Дмитрий в своем докладе «Связи Солженицына с белоэмигрантскими коллаборационистскими организациями» 11 декабря <2018> на конференции «Столетие Солженицына. Портрет знаковой фигуры XX века», передаёт корреспондент ИА Красная Весна. В докладе были проанализированы

как идеиное содержание текстов Солженицына, продвигающих в общественное сознание идеи реабилитации нацизма, так и связи Солженицына с различными структурами, прямо или косвенно связанными с фашистской Германией и распространением её идеологии. В частности, Галкин обратил внимание аудитории, что труды Солженицына издавали, в том числе на эксклюзивных правах, организации и издательства, связанные с коллаборационистскими и фашистскими структурами, такие как Young Men's Christian Association — «Юношеская христианская ассоциация» (YMCA, ИМКА), «Русское студенческое христианское движение» (РСХД), «Народно-Трудовой Союз российских солидаристов» (НТС) и издательство «Посев». Докладчик сообщил, что огромную роль в популяризации идей Солженицына и распространении его сочинений сыграло издательство «Посев», являющееся подразделением «Народно-трудового союза российских солидаристов», сокращённо НТС. Во время войны НТС-овцы сотрудничали не только с вставшим на сторону Гитлера генералом Власовым, но и с Альфредом Розенбергом, одним из руководителей нацистской Германии, автором плана уничтожения и разделения народов России. Галкин напомнил, что в журнале «Посев» власовского НТС печатался и профессор-советолог Курганов (Кошкин), который перешёл на сторону Гитлера в 1942 году и у которого Солженицын взял клеветнические цифры репрессий в СССР. В подтверждение своих слов была приведена одна из цитат, содержащихся в произведении Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ»: «И во сколько же обошлось нам это „сравнительно лёгкое“ внутреннее подавление от начала Октябрьской революции? По подсчётом эмигрировавшего профессора статистики И. А. Курганова, от 1917 до 1959 года без военных потерь, только от террористического уничтожения, подавлений, голода, повышенной смертности в лагерях и включая дефицит от пониженной рождаемости, — оно обошлось нам в... 66,7 мил-

лионов человек....». Докладчик подчеркнул, что и сегодня на защиту Солженицынства встал современный власовский НТС, в публичном информационном пространстве выступивший в защиту писателя и диссиденты. Кроме того, Галкиным была отмечена связь Солженицына с организацией ИМКА, уполномоченной нацистами работать в концлагерях для военнопленных во время Второй мировой войны. Он обратил внимание аудитории, что уже с 20-х годов XX века в книгах и журналах издательства ИМКА-пресс настойчиво, из номера в номер, начинает внедряться так называемый концепт коммуно-фашизма. Эта искусственная идеологическая конструкция утверждает, что коммунизм и фашизм — есть явления одного свойства и характера, объединённые диктатурой, подавлением личности и отсутствием свобод. Позже отсюда вырастет современная концепция тоталитаризма, которая призвана под одним «зонтиком» лживо объединить коммунизм и фашизм. Учениками и последователями этой организации себя называет чета Солженицыных. В доказательство своих слов докладчик привёл цитату с официального сайта издательства: «Наталья Дмитриевна Солженицына, поздравив издательство с юбилеем, рассказала о большой части жизненного пути, которая была пройдена семьей Солженицыных вместе с «YMCA-Press»: именно здесь впервые был опубликован «Архипелаг ГУЛАГ»... Особо она отметила журнал «Вестник РСХД», который стал «строительным материалом для наших душ и мировоззрения». Подводя итоги выступления, докладчик заявил, что совокупность идей, продвигаемых Солженицыным, содержит попытки фашизации общественного сознания народа России, пересмотра итогов Второй мировой войны, оправдания фашистских пособников власовцев и бандеровцев, насаждения комплекса исторической неполноценности русского народа и т. д. Представленные доказательства наглядно и убедительно демонстрируют связь писателя с фашистскими и коллаборационистскими организациями. Напомним, 11 декабря <2018> российские

власти с размахом отпраздновали столетие со дня рождения А. И. Солженицына. По всей России были проведены памятные мероприятия в честь писателя и диссidenta, которые получили широчайшее освещение в центральных СМИ. В то же время на протяжении всего года гражданские активисты в России, в том числе представители движения «Суть времени», проводили акции протesta против продвижения идей Солженицына в общественное сознание россиян.

**(См. материал целиком по ссылке:
<https://rossaprimavera.ru/news/2772a965>)**

Джон Уэр

АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН: В СОВРЕМЕННОЙ АМЕРИКЕ ЕГО БЫ БОЙКОТИРОВАЛИ

Александр Исаевич Солженицын (1918-2008) был одним из крупнейших литературных и политических деятелей двадцатого века. Первые 25 лет своей жизни Солженицын был горячим сторонником советской революции Владимира Ленина. К 1938 году энтузиазм Солженицына по отношению к коммунизму дошел до настоящей одержимости. В юности Солженицын даже заявил: «Я бы с радостью отдал жизнь за Ленина». [1]

В этой статье документируется, как Солженицын в конечном итоге стал открытым критиком советского коммунизма, а также рассматривается его вывод о том, что евреи несут основную ответственность за большевистскую революцию.

Ранние годы

Александр Солженицын родился в обстановке хаоса и страданий. Эта обстановка не уступала всему тому, что он

испытал в своей дальнейшей жизни. Его молодой отец умер за шесть месяцев до его рождения от мучительно болезненных ран, полученных им в результате несчастного случая на охоте. Его убитая горем мать воссоединилась со своей семьёй на близлежащем летнем курорте только для того, чтобы оказаться в эпицентре ожесточённой борьбы между красными и белыми во время Гражданской войны в России. Ленин и его банда большевиков яростно сражались за укрепление своей власти, и вся Россия была залита кровью. [2]

Юность Солженицына была периодом невзгод, лишений и бедности. Первые 23 года своей жизни у Солженицына не было настоящего дома; он жил в избах без водопровода. Эти избы постоянно промерзали, и ему всегда не хватало дров, чтобы согреться. Дефицит пищи был обычным явлением, и после голода 1930-х годов просто нехватка продуктов питания была лишь незначительной проблемой. Солженицын считал все эти невзгоды нормальным явлением, поскольку нищета и голод, которые он пережил в юности, были широко распространены в Советском Союзе. [3]

В возрасте 12 лет Солженицын вступил в пионеры, детскую организацию комсомола, молодежного движения Коммунистической партии. Как и большинство его друзей, Солженицын автоматически перешёл из пионеров в комсомол в десятом, последнем классе школы. Серьёзный и страстный по натуре человек, Солженицын изучал марксизм-ленинизм с энтузиазмом и энергией, типичными для его пылкого духа. Позже он писал о своем интересе к учению Коммунистической партии: «Я был искренне увлечён им в течение нескольких лет». Солженицын стал марксистом, ленинцем и коммунистом. [4]

Несмотря на интерес к литературе, Солженицын решил изучать физику и математику, когда поступил в Ростовский государственный университет. Его тайным желанием было поехать в Москву и изучать литературу. Однако забота о ма-

тери, которая болела туберкулёзом и у которой было очень слабое здоровье, сдерживала его. Солженицын отлично учился в университете, получая самые высокие оценки на всех экзаменах. В последний год обучения в университете ему была присуждена одна из недавно учреждённых сталинских стипендий за выдающиеся достижения в учёбе. Эта стипендия в два с половиной раза превышала обычную студенческую стипендию. [5]

Казалось, Солженицын стоит на пороге блестящей карьеры. Будучи выдающимся студентом физико-математического факультета, он мог рассчитывать на выбор лучших доступных вакансий. Однако он выбрал скромную должность деревенского школьного учителя, отказавшись от более высокооплачиваемой работы и блестящих перспектив, которые были ему доступны. Полный энтузиазма и, прежде всего, обладая большим литературным талантом, Солженицын был готов осуществить свою мечту стать писателем. [6]

На войне

Вскоре после вторжения Германии в Советский Союз 22 июня 1941 года Солженицын попытался добровольно вступить в советскую армию. Тем не менее, по результатам медосмотра его признали «ограниченно годным» из-за нарушения здоровья в брюшной полости, возникшего в результате незамеченного заболевания паха в младенчестве. В то время как его друзья уходили на войну, Солженицына отправили в казачий городок Морозовск работать учителем в школе. [7]

В середине октября 1941 года Москве угрожала серьёзная опасность, и казалось, что немецкое наступление уже не удастся остановить. В этой ужасной ситуации все классификации пригодности к военной службе были отброшены, и Солженицын был призван в Советскую Армию. Солженицын полгода прослужил обычным солдатом-ездовым, прежде чем его приняли в офицерское училище. Обучение в учили-

ще ему не понравилось. Он говорил, что «они тренировали нас, как молодых зверей, чтобы довести нас до такой ярости, что позже мы захотели бы наброситься на любого». Однако Солженицын закончил учебный курс и в октябре 1942 года получил звание лейтенанта. В июне 1944 года он дослужился до капитана. [8]

Свой первый бой Солженицын пережил летом 1943 года в боях под Курском и Орлом. За участие в боях под Орлом он был награждён орденом Отечественной войны второй степени. В 1944 году Солженицын оказался в центре самых кровопролитных сражений на восточном фронте Германии. Советская армия неукротимо наступала, пока триумфально не пересекла польскую границу. Солженицын был потрясён зверствами, которые Советская армия совершила против взятых в плен советских граждан, сражавшихся на стороне немцев. Этот опыт постепенно заставлял Солженицына засомневаться в советской коммунистической системе, которую он с таким энтузиазмом принял в юности. [9]

Солженицын также ненавидел насилие и зверства, совершенные Советской Армией, когда она ворвалась в Германию. В наполненном ненавистью обращении Сталин приказал советским войскам отомстить немцам за все страдания, понесённые Россией во время войны. Сталин потворствовал изнасилованиям, грабежам и мародёрству. Испытывая неприязнь к подстрекательству Сталина к жадности и жестокости, Солженицын наставлял своих солдат, что им необходимо проявлять умеренность и сдержанность. Однако слова Солженицына остались без внимания. Когда Советская армия вошла в Германию, мечты Сталина стали реальностью. [10]

Солженицын так описал вступление своего полка в Восточную Пруссию в январе 1945 года: «Три недели уже война шла в Германии, и все мы хорошо знали: окажись девушки немки – их можно было изнасиловать, следом расстрелять, и это было бы почти боевое отличие». [11]

Солженицын был убеждённым противником таких злодеяний и открыто выступал против изнасилования немок. Судьба Солженицына приняла катастрофический оборот, когда 9 февраля 1945 года ему позвонили из штаба бригады. Ему было приказано немедленно явиться к командиру бригады. Солженицын был арестован и отправлен в тюрьму за уничижительные комментарии о Сталине в переписке с другом. Позже он говорил, что его арест был определяющим моментом в его жизни, который имел решающее значение, «потому что он позволил мне понять советскую действительность во всей её полноте, а не только тот односторонний взгляд, который был у меня на неё до ареста». [12] После заключения в советский ГУЛАГ Солженицын стал ярым противником марксизма. [13]

Тюремное заключение

Солженицын был приговорён к восьми годам лишения свободы и в августе 1945 года отправлен в Бутырскую тюрьму в Москве. Вскоре его перевели в пересыльную тюрьму на Красной Пресне в Москве, которая находилась в центре советской тюремной системы. 14 августа 1945 года Солженицын и ещё 60 политических заключённых были переведены в Новый Иерусалим в тридцати милях к западу от Москвы. Именно в Новом Иерусалиме Солженицын впервые ощущил горький вкус физически изнурительного и тяжёлого режима каторжного труда в советских лагерях. [14]

Солженицына перевели из Нового Иерусалима, когда тот стал лагерем для немецких военнопленных. Следующие десять месяцев он провел на принудительных работах у Калужских ворот в Москве, а затем был переведён обратно в Бутырскую тюрьму на два месяца. Диплом Солженицына как математика и физика, полученный им в Ростовском университете, на некоторое время спас его от лишений и тяжёлой работы трудовых лагерей. Его перевели в категорию «заклю-

ченных особого назначения» и отправили в несколько специальных тюремных институтов, известных как «шарашки», для научных исследований. [15]

Относительный комфорт заключённого особого назначения закончился 19 мая 1950 года, когда Солженицын перевели обратно в Бутырскую тюрьму. Затем Солженицын отправился в долгое и мучительное двухмесячное путешествие через Советский Союз в исправительно-трудовой лагерь Экибастуз, расположенный в глубине засушливых степей Казахстана. В Экибастузе он испытал голод, жестокость и издевательства, тяжёлый физический труд среди ледяных ветров, хлеставших по степи. В дополнение к этим невероятным страданиям 30 января 1952 года у Солженицына был диагностирован рак, и он был помещён в лагерный лазарет. [16]

В конце концов, после операции по удалению раковой опухоли Солженицын полностью выздоровел. То, что он близко столкнулся с возможной смертью от рака, в сочетании с опытом фронтовой службы и последующим тюремным заключением помогло Солженицыну познать Бога. Позже Солженицын сказал: «Когда в конце тюремного заключения, помимо всего прочего, у меня обнаружили рак, тогда я полностью очистился и вернулся к глубокому осознанию Бога и глубокому пониманию жизни». Солженицын также решил рассказать всю правду о жизни в сталинских лагерях. [17]

Солженицын был освобождён из тюрьмы 13 февраля 1953 года, через четыре дня после официального окончания срока его наказания. В апреле 1953 года его взяли на работу учителем математики и естественных наук в местной школе. Солженицын пережил рецидив рака и был объявлен политически реабилитированным после заседания Военной коллегии Верховного Суда СССР 6 февраля 1956 года. Душевно и физически окрепнув за время своего тюремного заключения и борьбы с раком, Солженицын был готов заявить о себе в ничего не подозревающем литературном міре. [18]

Литературный успех

Солженицын написал небольшой роман «Один день из жизни Ивана Денисовича», в котором описал кое-что из пережитого им в лагерях. Он рискнул показать этот роман издателям только после второй антисталинской речи Никиты Хрущёва осенью 1961 года. Хрущёв, который очевидно только поверхностно ознакомился с его книгой, одобрил роман Солженицына, посчитав, что он может быть использован как оружие против его противников-сталинистов. Книга Солженицына стала международным бестселлером, когда она была опубликована в ноябре 1962 года. Многие русские читатели плакали над её страницами, в то время как иностранцы были шокированы её острыми разоблачениями. [19]

Два рассказа Солженицыну удалось опубликовать сразу после успеха с «Иваном Денисовичем». Однако Хрущёв был свергнут в октябре 1964 года в результате дворцового переворота, который поставил Леонида Брежнева во главе Коммунистической партии Советского Союза. Брежнев начал отменять хрущёвские реформы, и многие из рукописей Солженицына были конфискованы у писателя службами госбезопасности. [20]

Солженицыну удалось тайно переправить на Запад оба тома своего нового романа «Раковый корпус», а также некоторые другие книги. Он заработал международную репутацию величайшего из живых писателей России. К сожалению, новый глава КГБ Юрий Андропов счёл Солженицына подрывным элементом. Андропов разработал постановление Политбюро о лишении Солженицына советского гражданства и о высылке его из Советского Союза. Поэтому, когда Солженицын получил Нобелевскую премию по литературе 1970 года, Солженицын решил не ехать в Стокгольм, чтобы получить там свою премию, потому что боялся, что ему не разрешат вернуться в Советский Союз. [21]

Солженицын продолжал добиваться литературных успехов и стал всемирно известным живым символом борьбы за

права человека перед лицом государственной цензуры. Его исторический роман «Август Четырнадцатого», опубликованный на Западе 11 июня 1971 года, осуждал весь марксизм как зло. Произведение Солженицына было переведено на 35 языков в течение 1972 года. Когда советские власти обнаружили экземпляр книги Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ», Солженицын решил как можно скорее опубликовать книгу на Западе. Советские власти пришли в ярость, когда в декабре 1973 года в Париже был опубликован первый том «Архипелага ГУЛАГ». Солженицын стал в глазах советских вождей предателем. [22]

Изгнание

13 февраля 1974 года Солженицыну было предъявлено официальное обвинение в государственной измене, и он был выслан из Советского Союза. Соединённые Штаты, Великобритания и многие другие страны сказали Солженицыну, что они будет приветствовать его в своих странах, если он пожелает. Первым местом жительства Солженицын выбрал Цюрих в Швейцарии. Из Цюриха Солженицын отправился в Стокгольм в декабре 1974 года, чтобы, наконец, получить Нобелевскую премию по литературе. [23]

Два года спустя, летом 1976 года, Солженицын переехал в Соединённые Штаты. Он прибыл в Америку в то время, когда американцы с трудом пытались найти адекватный ответ на предполагаемую советскую угрозу. Как нобелевский лауреат и диссидент, буквально поставивший на кон свою жизнь в завораживающей дуэли с советскими властями, Солженицын неизбежно привлёк к себе интерес влиятельных американцев. Многие видные члены Конгресса, лидеры профсоюзов и представители западных средств массовой информации просили его прокомментировать демократию и американскую политическую жизнь [24].

В двух отдельных выступлениях на банкетах американского профсоюзного объединения AFL-CIO (Американская

федерация труда – Конгресс промышленных профсоюзов) Солженицын предупреждал свою аудиторию о нарастающей коммунистической угрозе. Солженицын подчеркивал ненаучность и лживость марксизма-ленинизма, а также его кровожадный и агрессивный характер. Он предупреждал, что только твёрдость позволяет противостоять атакам коммунистического тоталитаризма. [25]

Солженицын проживал в южно-центральном Вермонте на протяжении 1977 и первой половины 1978 года, работая над многотомным историческим романом. Его неожиданно попросили произнести напутственную речь на церемонии вручения дипломов в Гарвардском университете 8 июня 1978 года. Солженицын принял приглашение Гарварда и в телебращении перед 15-20 тысячами гостей он сделал несколько чрезвычайно откровенных и критических комментариев о состоянии Запада. Среди прочего Солженицын подверг критике западные СМИ, которые «неправильно воспитывают» общественное мнение и не дают глубокого анализа, в котором нуждается общество. [26]

Солженицын в своём выступлении в Гарварде также упомянул о поразительном падении мужества на Западе. Он сказал, что это падение мужества было особенно заметно среди правящей и интеллектуальной элиты, что произвело впечатление потери мужества всего общества. Солженицын сказал, что, хотя в западном обществе было много индивидуально-мужественных людей, они не имели определяющего влияния на общественную жизнь. Солженицын отметил, что падение мужества в той или иной цивилизации издревле считалось первым признаком её конца. [27]

Отвергая социализм как альтернативу западному обществу, Солженицын также отвергал Запад как модель для Советского Союза. Солженицын говорил, что благодаря глубоким страданиям его народ достиг такого уровня духовного развития, что западная система в её нынешнем состоянии

не выглядела привлекательной. Незаметное и коварное разложение отвратительной коммерческой рекламы, одурение телевидения, непереносимая музыка и бездуховность на Западе не были бы привлекательны для граждан Советского Союза. [28] Солженицын разочаровался в том, что он считал духовным вакуумом материалистического Запада.

Солженицын питал глубокое пренебрежение к западным СМИ, о чем он рассказал в интервью телепрограмме «Шестьдесят минут» (“Sixty Minutes”). Когда его попросили ответить одному американскому комментатору, который заклеймил его «уродом, монархистом, антисемитом, психом, человеком, утратившим былую популярность, а не героем», Солженицын ответил: «Западная пресса работает так: мои книги не читают. Никто никогда не приводил ни одной цитаты из моих книг в качестве основания для этих обвинений. Но каждый новый журналист читает эти мнения других журналистов. Они были так же злобны ко мне в американской прессе, как и раньше в советской прессе». [29]

Возвращение домой

Хотя Солженицына выслали из России, он всегда любил Россию и хотел вернуться на родину. 16 августа 1990 года Солженицыну возвратили российское гражданство, почти через 17 лет после того, как его отняли. Солженицын вернулся в Россию 27 мая 1994 года, впервые за более чем двадцать лет. [30]

Россия, в которую вернулся Солженицын, трансформировалась из коммунизма в условиях всё более обостряющейся бедности. В страну приходили западная культура и транснациональные корпорации, и западные рестораны, такие как McDonalds, появлялись повсюду в российских городах. Солженицын выразил тревогу по поводу упадка культуры в России в речи, которую он произнёс в Саратовском университете в 1995 году. Солженицын сказал: «Мы всё ещё держимся

вместе как единая страна, но наше культурное пространство разорвано в ключья». Позже Солженицын сказал, что воздержится от голосования как за Ельцина, так и за его оппонента-коммуниста, поскольку ни один из кандидатов не достоин быть избранным. [31]

После обширных исследований Солженицын понял, что русская революция была в основном совершена евреями, большинство из которых приехали в Россию из других стран. Он сказал в 2002 году: «Вы должны понять, что ведущие большевики, которые захватили Россию, не были русскими. Они ненавидели русских. Они ненавидели христиан. Движимые этнической ненавистью, они без малейших угрызений совести пытали и убивали миллионы русских. Октябрьская революция не была тем, что вы в Америке называете «русской революцией». Это было нашествие и завоевание русского народа. Больше моих соотечественников пострадали от ужасных преступлений от их окровавленных рук, чем любой народ или нация когда-либо пострадали за всю историю человечества. Это невозможно переоценить. Большевизм совершил величайшую человеческую резню всех времён. Тот факт, что большая часть мира не осведомлена и равнодушна к этому огромному преступлению, является доказательством того, что глобальные средства массовой информации находятся в руках преступников». [32]

Солженицын написал двухтомный документальный труд под названием «Двести лет вместе». Первый том, опубликованный в 2001 году, назывался «Русско-еврейская история 1795-1916» и насчитывал 512 страниц. Второй том, опубликованный в 2002 году, представлял собой 600-страничное расследование под названием «Евреи в Советском Союзе». [33] Этот второй том раскрыл преимущественно еврейский характер большевистской революции. Английский перевод этой работы не был издан, и единственная её версия, предлагаемая на Amazon, — это оригинал на русском языке по цене 978 долларов США по состоянию на май 2021 года.

Последние годы жизни Солженицын провёл в России. 5 июня 2007 года президент России Владимир Путин подписал указ о присвоении Солженицыну Государственной премии Российской Федерации за его гуманитарную деятельность. Путин, который лично посетил писателя в его доме, чтобы вручить ему награду, сказал о Солженицыне: «Его деятельность как писателя и общественного деятеля, весь его долгий и тернистый жизненный путь останется для нас образцом истинной преданности, беззаветного служения народу, Родине, идеалам свободы, справедливости и гуманизма».

Солженицын умер 3 августа 2008 года под Москвой в возрасте 89 лет. [34]

Заключение

Солженицын очень серьёзно относился к своей миссии в литературной работе. Он считал своим моральным долгом публично разоблачать шокирующую и кровавую систему советского ГУЛАГа. Одной из особенностей литературного гения Солженицына была его всепоглощающая сила воли. Французский писатель русского происхождения Никита Струве писал:

Но судьба, жизнь и творчество Солженицына прежде всего характеризуются волей. Пережить четыре года на фронте, пережить советские концлагеря, преодолеть тяжёлую болезнь, бороться за то, чтобы стать писателем, завоевать мировую репутацию вопреки нечеловеческим трудностям и, наконец, неуклонно идти своим путём — все это чудо редкой силы воли. [35]

Широко признано, что Солженицын оказал большое влияние на современный мір. Многие согласны с тем, что никакая другая книга не внесла более непосредственный и более решающий вклад в распад Советского Союза, чем его книга «Архипелаг ГУЛАГ». [36]

Страдания и литературный гений Солженицына позволили ему разоблачить пороки советского коммунизма. Доктор

Дэвид Дюк пишет о Солженицыне: «Он был жертвой большевизма и своим литературным гением разоблачил самую ужасную машину убийства во всей мировой истории». [37]

(Версия этой статьи была первоначально опубликована в номере журнала “Barnes Review” за март/апрель 2021 года)

Ссылки

- [1] Thomas, D.M., Alexander Solzhenitsyn: A Century in His Life, New York: St. Martin’s Press, 1998, стр. 13, 59, 75.
- [2] Scammell, Michael, Solzhenitsyn: A Biography, New York: W. W. Norton & Company, 1984, стр. 25.
- [3] Там же, стр. 73-74.
- [4] Там же, стр. 64, 87, 92.
- [5] Там же, стр. 85-87, 106.
- [6] Там же, стр. 107-108.
- [7] Pearce, Joseph, Solzhenitsyn: A Soul in Exile, Grand Rapids, Mich.: Baker Books, 2001, стр. 48-49.
- [8] Там же, стр. 52-53.
- [9] Там же, стр. 56-60.
- [10] Там же, стр. 61.
- [11] Solzhenitsyn, Aleksandr I., The Gulag Archipelago, 1918-1956: An Experiment in Literary Investigation (Vol. 1), New York: Harper & Row, Publishers, 1974, стр. 21.
- [12] Pearce, Joseph, Solzhenitsyn: A Soul in Exile, Grand Rapids, Mich.: Baker Books, 2001, стр. 68-70.
- [13] Feuer, Kathryn (editor), Solzhenitsyn: A Collection of Critical Essays, Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, Inc., 1976, стр. 110.
- [14] Pearce, Joseph, Solzhenitsyn: A Soul in Exile, Grand Rapids, Mich.: Baker Books, 2001, стр. 83-84, 87, 90.
- [15] Там же, 91-95.
- [16] Там же, стр. 109-110, 112-113.
- [17] Там же, стр. 105, 113, 118.
- [18] Там же, стр. 124-131, 133-134.

[19] Scammel, Michael, *The Solzhenitsyn Files: Secret Soviet Documents Reveal One Man's Fight against the Monolith*, Carol Stream, Ill.: 1995, стр. xx.

[20] Там же, стр. xx-xxii.

[21] Там же, стр. xxv-xxvii.

[22] Pearce, Joseph, *Solzhenitsyn: A Soul in Exile*, Grand Rapids, Mich.: Baker Books, 2001, стр. 190, 194, 197, 202-203, 214.

[23] Dunlop, John B., Hough, Richard S., Nicholson, Michael (editors), *Solzhenitsyn in Exile: Critical Essays and Documentary Materials*, Stanford, Cal.: Hoover Institute Press, 1985, стр. 24-25.

[24] Там же, стр. 25-26.

[25] Там же, стр. 30-32.

[26] Там же, стр. 37-38.

[27] Solzhenitsyn, Aleksandr I., *A World Split Apart: Commencement Address Delivered at Harvard University, New York*: Harper & Row, 1978, стр. 9-11.

[28] Там же, стр. 33-37.

[29] Pearce, Joseph, *Solzhenitsyn: A Soul in Exile*, Grand Rapids, Mich.: Baker Books, 2001, стр. 280.

[30] Там же, стр. 228, 265, 281.

[31] Там же, стр. 279, 284, 286-287.

[32] Duke, David, *The Secret behind Communism*, Mandeville, La.: Free Speech Press, 2013, стр. 11.

[33] Walendy, Udo, "Nobel Prize Winner's Writings Still Banned," *The Barnes Review*, Vol. XIV, No. 5, Sept./Oct. 2008, стр. 4.

[34] Там же, стр. 47.

[35] Feuer, Kathryn (editor), *Solzhenitsyn: A Collection of Critical Essays*, Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, Inc., 1976, стр. 82.

[36] Ericson, Edward E., *Solzhenitsyn and the Modern World*, Washington, D.C.: Regnery Gateway, 1993, стр. 332.

[37] Duke, David, *The Secret behind Communism*, Mandeville, La.: Free Speech Press, 2013, стр. 259.

(Оригинал: John Wear. Aleksandr Solzhenitsyn:

He Would Be Canceled in Today's America //

Источник: <http://inconvenienthistory.com/12/2/7788>

Роджер Девлин

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА: 11 ДЕКАБРЯ 1918 Г. – 3 АВГУСТА 2008 Г.

В память о писателе, историке, лауреате Нобелевской премии и правом деятеле Александре Солженицыне мы перепечатываем некролог Ф. Роджера Девлина из «The Occidental Quarterly», том 8, № 1 (2008), а также список других работ о Солженицыне на сайте <https://counter-currents.com/>. – Грег Джонсон.

Вся цель революции состояла в том, чтобы сделать такого человека, как он, невозможным. Они выковывали из податливого материала человеческой природы новое существо, которое органично вписывалось бы в безклассовое общество будущего. Именно это было причиной цензуры, пропаганды, маскирующейся под образование, принудительного подчинения, запрета на выезд, лагерей. Говорят, что в свой медовый месяц Солженицын прочитал «Капитал». Но восемь лет принудительных работ, которые дали молодому капитану Красной Армии за некоторые необдуманные замечания о Сталине, кажется, только очистили его видение от всех идеологических извращений, от всех мелких и чисто личных забот. В более поздние годы он говорил, что больше не чувствовал, что его жизнь полностью принадлежит ему, что ему была дана миссия рассказать правду для тех миллионов, которым заткнули рот во имя лжи.

В Америке, всегда склонной путать хорошего человека с хорошим парнем, такая честность иногда встречала не-понимание. Когда Джеральд Форд отказался разговаривать с ним в 1975 году, помощник Белого дома объяснил, что автор стремился к встрече с американским президентом предположительно для увеличения продаж своих книг. Его журналистское признание как звезды Холодной войны испарилось за одну ночь после выступления в Гарвардском университете. Он рассказал пригласившим его устроителям мероприятия, что американское общество – ослабленное процветанием, неспособное на жертвы, чрезмерно полагающееся на позитивный закон и не имеющее опоры в трансцендентном – не является привлекательной моделью для русских, давно обученных страданиям. Его последующая непопулярность была вызвана отказом пойти на компромисс со своим призванием говорить правду настолько, насколько ему было дано её видеть.

Ибо он понимал, что это должно быть задачей даже художника. Отвергая романтический взгляд на писателя как на создателя вымышленных міров, он сослался в своей Нобелевской лекции на прежнее видение писателя как ученика Бога, пытающегося запечатлеть в ярких образах порядок, созданный не им самим. Реализм, с этой точки зрения, и особенно моральный реализм, является высшим достижением человеческого искусства. Подлинное произведение литературного искусства, говорил Солженицын, не может быть построено на ошибке или лжи, потому что искусственные и навязанные понятия не выдерживают испытания образами. Возможно, он имел в виду берсмысленные советские «производственные романы», в которых рослые тупицы завоёвывают любовь самой красивой девушки на заводе, перевыполняя план. Его собственный рассказ в «Одном дне Ивана Денисовича», простого крестьянина, отбывающего десятилетний срок в сибирском лагере, произвел эффект разорвавшейся бомбы при

публикации в лживой атмосфере хрущёвского ССР именно из-за своей незатейливой правдивости.

Этот первый небольшой роман я бы порекомендовал как лучшее знакомство с автором, желательно в переводе Уиллэтта. Затем можно заглянуть в *The Solzhenitsyn Reader*, антологию, изданную в 2006 году (см. мою рецензию в *The Occidental Quarterly*, том 6, № 3).

Вопреки распространённому мнению, Солженицын никогда не называл себя националистом; и он явно дистанцировался от любой формы национализма, который «возвысил бы чью-либо национальность выше смиренной позиции перед Небом». Он просто считал естественным и приличным любить свою родину и свой народ.

Он также предупреждал своих соотечественников, что «многонациональная страна в трудные моменты своей истории должна полагаться на поддержку всех своих граждан». Русские в раннесоветский период были «раскулаченным большинством», демонизировались как угнетатели всеми другими национальностями бывшей империи и систематически приучались стыдиться своей нации и своего прошлого. По поводу этой темы позвольте мне процитировать Нобелевскую лекцию Солженицына:

И даже больше, гораздо больше того: и страны, и целые континенты повторяют ошибки друг друга с опозданием, бывает, и на века, когда, кажется, так все наглядно видно! а нет: то, что одними народами уже пережито, обдумано и отвергнуто, вдруг обнаруживается другими как самое новейшее слово. И здесь тоже: единственный заменитель не пережитого нами опыта – искусство, литература. Дана им чудесная способность: через различия языков, обычаев, общественного уклада переносить жизненный опыт от целой нации к целой нации – никогда не пережитый этою второю трудный многодесятiletний национальный опыт, в счастливом случае оберегая целую нацию от избыточного, или ошибочного,

или даже губительного пути, тем сокращая извилины человеческой истории.

В 2001 году Солженицын удивил всех, опубликовав на восемьдесят третьем году жизни новый тысячестраничный труд по истории евреев в России: «Двести лет вместе». Он не утратил способности вызывать скандал. Издатель «Международной еврейской газеты» в России серьёзно заверял американского интервьюера, что истинным мотивом автора этого грандиозного проекта было «привлечь к себе внимание». Произведение вызвало большой интерес на Западе, но англоязычным читателям, возможно, ещё какое-то время не позволяют составить о нём собственное мнение. Издательство Йельского университета, как известно, проявило интерес к этой работе еще в 2001 году, только чтобы отказаться от неё без объяснения причин на фоне слухов о том, что яростные протесты влиятельных еврейских деятелей сорвали проект.

Но издательство «Харпер Коллинз» объявило, что они выпустят новый, не прошедший цензуру перевод «В круге первом» в 2009 году – всего через сорок пять лет после его завершения. Так что возможно всё что угодно.

Чувствуя, что ни одна рецензия, опубликованная до сих пор, не дала читателям должного представления о цели и характере «Двухсот лет вместе», я сделал отчёт об этом для следующего номера этого журнала.

Я только что сделал последние штрихи, когда на меня возложили печальную обязанность предварить её некрологом.

Меня не особенно тревожат самодовольные сообщения в прессе о том, что он уже забыт или что молодые русские сейчас больше интересуются рок-звёздами. Природа журналистского ума состоит в том, чтобы относиться к публичности как к более важному, чем к реальности. Солженицын непопулярен среди таких людей именно по тем причинам, которые обезпечивают его непреходящее значение.

Нам, людям Запада, следовало бы хорошо запомнить его, потому что мы можем никогда больше не увидеть ему подоб-

ных. Когда «Архипелаг ГУЛАГ» был выпущен для публикации в 1974 году, официальная советская пресса была вынуждена сообщать своим пленённым читателям, что эти три тома ужасающих разоблачений были панегириком Гитлеру. Во Франции это событие изменило ход истории. Целое поколение только что выросло, думая, что коммунизм – это круто, потому что он пугал их родителей. Внезапно они увидели партийных представителей, которые, столкнувшись с отрывками из Солженицына по телевидению, беспомощно бормотали о «рекордном советском урожае прошлого года». Он сделал могучих коммунистов достойными презрения. Именно в этот момент мудрые наблюдатели больше, чем в любой другой момент Холодной войны, знали, что игра проиграна – Советский Союз жил в долг. Если наши дети не оценят его значения, вина будет на нас, а не на Солженицыне.

Покойся с миром.

Список статей на сайте counter-currents.com, посвящённых Солженицыну и его творчеству или связанных с ним.

F. Roger Devlin, “The Importance of Solzhenitsyn: Tom Sunić Interviews F. Roger Devlin.” (podcast)

F. Roger Devlin, “Solzhenitsyn for Today’s World,” a review of Spencer J. Quinn’s Solzhenitsyn and the Right.

F. Roger Devlin, “Solzhenitsyn on the Jews and Soviet Russia.” (Two Hundred Years Together)

F. Roger Devlin, “Solzhenitsyn on the Jews and Tsarist Russia.” (Two Hundred Years Together)

Spencer J. Quinn, “Aleksandr Solzhenitsyn: The Rise of a Prophet.” Spencer J. Quinn, “Aleksandr Solzhenitsyn’s Lenin in Zurich.”

Spencer J. Quinn, “Looking Backwards, Looking Forwards: Revisiting Solzhenitsyn’s 1978 Harvard Address.”

Spencer J. Quinn, “March 1917 in June 2020.”

Spencer J. Quinn, “‘Matryona’s House’: Solzhenitsyn’s Love Letter to the Russian People.”

Spencer J. Quinn, “The Memoirs of Aleksandr Solzhenitsyn.”

Spencer J. Quinn, “On Aleksandr Solzhenityn’s Warning to the West.” Spencer J. Quinn, “The Prison Plays of Aleksandr Solzhenitsyn.” Spencer J. Quinn, “Solzhenitsyn from Under the Rubble.”

Spencer J. Quinn, “Solzhenitsyn’s Two Hundred Years Together,” Part 1, Part 2, Part 3, Part 4, Part 5, Part 6, Audio version read by Gaddius Maximus

Spencer J. Quinn, “Stolypin vs. Bogrov: Themes of Ethnonationalism in Solzhenitsyn’s August 1914.” (Czech version here)

Jonathan Bowden, “The Soviet Gulag.”

Spencer J. Quinn, “A Beginner’s Guide to the Jewish Question.” Spencer J. Quinn, “Benjamin Ginsburg’s How the Jews Defeated Hitler.” Spencer J. Quinn, “Letter to the Z Man.”

Dominique Venner, “The Rebel: An Interview with Dominique Venner.” (Portuguese translation here) Interview with Leo Yankevich

(F. Roger Devlin. Remembering Aleksandr Solzhenitsyn: December 11, 1918– August 3, 2008

Источник: <https://counter-currents.com/2022/12/remembering-aleksandr-solzhenitsyn-1/>

Отметить следует, что и Солоневич, и Солженицын имели некий свой **«личный счёт» к Сталину**, можно сказать, вели «индивидуальный джихад» против Усатого Пахана. Отличие в том, что Сталин о Солоневиче знал, и наносил свои, «ответные» удары... В сей «личной войне» и Солоневич и Солженицын по-своему познали благосклонность Судьбы. Солоневичу удалось пережить Сталина на несколько дней; последний текст, написанный Иваном Лукьяновичем – это как раз отклик на смерть Усатого... А Солженицыну даровано было нанести своим **«Архипелагом»** по сталинскому детищу

удар сокрушительной силы. А в 90-х увидеть частичное разрушение Совка

В Сети обретается любопытный очерк, за подписью «Кифа» о поединке Солоневич-Сталин:

ОТЕЦ ПО НАСЛЕДСТВУ

Парадоксально, и всё же - эти два человека противостояли друг другу.

Это не была война двух держав, но это было противостояние человека и системы, порождённой вторым человеком.

И сила духа первого человека... Нет - Человека. Потрясает даже теперь.

Иван Солоневич бросил вызов Джугашвили - и свою личную войну на выживание выиграл: остался жив и он сам и его сын. Война эта не обошлась без потерь. Жена Ивана и жена его брата - погибли. Причём на то, чтобы достать первую коммунистическое государство расщедрилось на спецоперацию, целью которой был Иван Лукьянович. Такого удостаивались только очень крупные враги советской власти: Кутепов, Миллер - и это вторая составляющая победы этого Человека. Потому что он не только выжил сам, не только продолжил свой род. Ещё он нанёс самый мощный изо всех возможных ударов - идеологический. Он отвратил от советчины, от «возвращения на родину» в родительские объятия НКВД тысячи молодых людей и миллионам рассказал о ублюдочной ряже советчины. Это было чрезвычайно важно в те годы, когда информация не пронизывала всю цивилизацию насквозь как сегодня.

И до сих пор сила, которую вложил в свой апперкот Солоневич сохраняется, отвращая новых и новых людей от красивого людоедства. Это прежде всего автобиографическая повесть «Россия в концлагере». Пронзающий, жестокий в pragmatичности, понимания человеческой психологии взгляд этого богатыря или «терминатора», как сегодня называли бы этого силача тяжелоатлета, вскрыл как консервную банку

внутреннюю жизнь советчины. Прекрасным дополнением к этой книге стали «Диктатура импотентов» и «Диктатура сволочи», вышедшие уже и после Второй Мировой войны, в которых Иван сравнивал уже не только советский социализм, но и национал-социализм, который ему не повезло пережить на своей шкуре.

Но про Солоневича нельзя сказать, что он был “певцом негатива”, “марателем, не предлагающим конструктива”. Он был певцом Империи и сочетал это с самой горячей любовью к России и народу, добиваясь того, что одно не вытесняло у него другого. Это мало кому удавалось, но он - смог и написал это: «Народная Монархия». Этот труд, написанный живою деятельною любовью к Отечеству, подобен острому ножу как для тех, кто ненавидит Империю, так и для тех, кто жаждет лишить народа любой крохи власти над собой, передав её чиновникам, милиции, спецслужбам, партии - кому угодно, кроме него самого.

Миллионные тиражи ещё в тридцатых годах подбрасили дров в пожар этой мелкой до того для совдепа войны - и она заполыхала с новой силой. Не переставала идти они до самого конца.

Завершающим аккордом этой схватки была смерть. Смерть обоих. Солоневич пережил Джугашвили всего на несколько недель - но пережил. И я очень рад за него. Не только потому, что возможность посмотреть на могилу своего врага подвела черту, стала своеобразным девятым мая для Ивана Лукьяновича, но и потому, что теперь он умирал спокойно, потому что он знал - его сыну и его внучке ничто более не угрожает.

Потому что Сталин - умер. И значит войны - не будет!

Иван Солоневич ОТЕЦ ПО НАСЛЕДСТВУ

За эту статью мне следует принести извинения. В последнее время я несколько выбился из колеи. Сейчас я шестой

день лежу в итальянском госпитале в Монтевидео, хороший госпиталь, и тут меня совсем извели: никакой пищи, очень мало питья и две папиросы в день. Операция состоится дня через три-четыре, и врачи обещают полное выздоровление. Но в данный момент очень плохо, а смерть Сталина и воцарение маленковской «телеги на пяти колёсах» заставляет меня поделиться с читателями некоторыми соображениями по этому поводу.

Б. Николаевский на нью-йоркском митинге заявил: «Маленков — это война» — и прибавил ещё и некоторую персональную информацию, которой у Б. Николаевского просто-напросто быть не может. Иностранный печать предвидит некую «передышку», и я считаю, что тут права она, а не Б. Николаевский: смерть Сталина означает оттяжку войны.

О «роли личности в истории» спорили долго, научно и совершенно бесплодно. Но, как бы ни оценивать «личности» и «массы», совершенно очевидно, что горькая наша судьба подарила коммунистической революции две «личности» поистине чудовищного калибра: Ленина и Сталина. Так же очевидно, что та же горькая судьба не подарила нам никого. Ленин и Сталин шли во главе блестяще организованного, но количественно ничтожного меньшинства России и мира, и до смерти Сталина было очень много оснований опасаться, что коммунизм захватит весь мир. Теперь таких оснований стало гораздо меньше.

В хорошо воспитанных кругах эмиграции принято объяснять деятельность Ленина его сифилисом, а Сталина изображать в качестве «кавказского ишака». Ленин к данной теме не относится. Stalin же из всех людей человечества, вероятно, ближе всего стоял к престолу сатаны. В возрасте семнадцати лет он уверовал в марксизм, сидел за него, рисковал виселицей — и никогда с этой стези не сходил. Он сразу же пошёл за Лениным и, пока дело шло о более или менее теоретических построениях, оставался где-то на третьем плане. Но когда дело дошло до практики, а верховного судии, Ленина,

уже не было, тогда Сталин сразу подавил, смял и потом уничтожил всех своих конкурентов и противников.

Это объясняется честолюбием. Может быть. Наполеон был, конечно, честолюбив, но он объективно выполнял “социальный заказ” третьего сословия, которое и вознесло его на шаткий, но всё-таки императорский престол. Сталин, конечно, крупнее Наполеона, но, конечно, какое-то честолюбие было и у него. Одним “честолюбием”, однако, ничего объяснить нельзя: не из-за честолюбия же семнадцатилетний Иосыка Джугашвили пошел в большевистскую партию.

Самое простое объяснение сводится к тому, что Сталин был фанатиком той идеи, которую в Европе сформулировал Платон: “Общность имущества, жён и детей создаёт для всех невыразимое блаженство. Если “общность имущества” и даже жён кое-как понятна, то “общность детей” непонятна даже и технически. Но по советам Платона действовал очень длинный ряд и теоретиков, и практиков обобществления, Сталин был завершением этого ряда. И Сталин стал практически во главе первого в истории человечества государства, да ещё и великого государства, где “общность имущества” в момент смерти Ленина охватила всю промышленность и где ему, Сталину, оставалось закончить “общность” колхозами деревни.

Расправы Сталина с его конкурентами можно объяснить “кровожадностью” — объяснение дешёвое. Совершенно очевидно, что при победе Троцкого, Рыкова, Бухарина, Томского колхозов деревни не была бы проведена, и советам только и оставалось бы, что отступление в рамки “мелкобуржуазной”, меньшевистской хозяйственной системы. А от неё — “назад к капитализму”; стоило ли марксизм городить? Я предполагаю самое простое: сталинская кровожадность есть социалистическая кровожадность вообще. Сталин убивал не из любви к убийствам, а потому, что не убивать было нельзя.

В лице Сталина ушёл, кажется, последний, настоящий социалист, твёрдо веровавший в “общность” и ВЧК. Ушёл,

по Есенину, “чёрный, чёрный, чёрный человек”, но человек чудовищного калибра. Наследников у него нет. Есть только преемники. Как бы ни оценивать личность Сталина, нельзя отрицать одного: авторитет страха он создал себе небывалый в истории человечества. У Маленкова такого авторитета во-все нет. Сталинский реальный политический гений был раздут сознательной и целеустремлённой рекламой, развившейся на весь мир. Трудно себе представить, чтобы готтентоты или парижане носили бы портрет Маленкова. Трудно предположить, чтобы “партийные массы” приняли Маленкова как нечто само собой разумеющееся: Сталину для этого потребовалось двадцать лет и двадцать тысяч казней и убийств, я здесь говорю только о партии и армии. Сталин сумел всё это сделать. А вот сумеют ли Маленков и Ко?

Диктатура страха и крови была сконцентрирована в лице Сталина, и “центр” был на высоте положения. Теперь центра нет. Из власти вынута её основная ось, и власть ослабела. Кого, собственно, бояться сейчас — Маленкова, Берию, Молотова, Кагановича? И как предвидеть, кто из них зарежет остальных? На кого ориентироваться или как вести войну?

Власть ослабела. Её кристаллизационный пункт, её символ ушёл с исторической арены. Вся та реклама, которая делала из Сталина полубога, теперь оказалась вредной рекламой: она автоматически вызывает сравнение: был Сталин, остался Маленков. Маленкову же ни с какой стороны никакой “гениальности” приkleить нельзя. Поэтому “Правда” пишет вздор о недопустимости того, чтобы один человек управлял партией. Нужна-де коллегиальность. Но в единой партии невозможна никакая коллегиальность, ибо никакая оппозиция не может создать никакой второй партии. Оппозиции остаётся или вообще прекратить своё политическое бытие, или уйти в подполье. Отрезая всякую оппозицию; единая партия автоматически приходит к единонаучалию. Но кто же будет этим единственным начальником? И где, в “президиуме” или в подвале, решится этот вопрос? Сейчас никто этого не знает, даже и

Маленков. По всем разумным соображениям можно утверждать, что без очередной резни тут не обойдётся. Члены “президиума” едва ли питают какие бы то ни было иллюзии на этот счёт.

Все “уступки” новой власти диктуются ощущением неуверенности и слабости. Нужна новая передышка. Внутренние “уступки”, которые ничего не стоят, дадут измученному населению иллюзорную надежду на “полегчание”. В эмиграции они вызовут рецидив теории эволюции. Среди “свободных народов” все эти “уступки” вызвали некий вздох облегчения: авось пронесёт...

В нашей критике демократической политики мы склонны забывать о том, что эта политика в самых основных чертах определяется мещанством. Эллинская поговорка говорила: “Платон — мой друг, но истина мне дороже”. Сегодняшняя интерпретация этой поговорки звучит приблизительно так: “Великие идеи очень хороши, но чековая книжка всё-таки дороже”. Мы к этому не привыкли, а приходится привыкать. Нужно бы вспомнить и о том, что политика “свободного міра” по адресу советов с очень большой степенью точности повторяет его же политику по адресу Гитлера. Возмущаться этим не стоит: это в порядке вещей. Но это нужно иметь в виду. Момента слабости советской власти “свободный мір” не использует, как в своё время не использовал моментов слабости Гитлера. Демократическая политика есть всегда лоскунная политика, робкая, противоречивая и недальновидная. Это нужно принять как факт.

Смерть Сталина означает оттяжку войны. Но она же может означать иное: внутрипартийную резню, в которую может вмешаться и армия. Здесь мы вступаем в область кофейной гущи: никто не знает ни взаимоотношений членов правящей пятерки, ни их опорных точек, ни их планов. Одно можно сказать с уверенностью: резня будет.

(<https://kipha.livejournal.com/61102.html>).

Димитрий Пилипчук

КОНЦЕПЦИЯ ИВАНА ИЛЬИНА
О СОПРОТИВЛЕНИИ ЗЛУ СИЛОЙ
И РУССКАЯ ХРИСТИАНСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ
ТРАДИЦИЯ

Вопрос о правомерности насилия и о ненасилии в русской религиозной философии имеет свою отдельную историю, отличающуюся от его развития в философии западной. Истоки тому лежат не только в своеобразии русской философии, но в исторических реалиях становления русской государственности. «Вся история человечества состоит в том, что в разные эпохи и в разных общинах лучшие люди гибли, насилие худшими, причем это продолжалось до тех пор, пока лучшие не решались дать худшим планомерный и организованный отпор» [1, а 402], -писал И. Ильин в своей книге «О сопротивлении злу силой». Тем не менее, становление государственности в различных странах происходило по-разному, и нельзя не учитывать национально-культурных особенностей, присущих той или иной исторической общности. Фольклорные источники, как зеркальное отражение бытия народа, не дают оснований для того, чтобы считать славян воинственными и готовыми к кровопролитию и насилию. Именно в народной среде была придумана поговорка, как нельзя лучше выражая идею толерантности и ненасилия: «Худой мир лучше добнойссоры». История Древней Руси, как и многих государств Европы, свидетельствует, что войны велись с целью обеспечения наиболее оптимальных условий существования в последующем мирном времени. «Древнерусские купцы -как, впрочем, и купцы всех прочих народов -первоначально были наполовину воинами, и только наполовину купцами. Так, результатом одной из побед рус-

ских над греками было заключение договора о беспошлинной торговле и о содержании торгового представительства Киевской Руси за счет Константинополя. И знаменитое прибивание щита к воротам Царьграда отнюдь не было знаком его покорения. Оно символизировало всего лишь успешное окончание переговоров о торговле на новых условиях» [2, с. 165]. При этом, свидетельствам о том, что принятие христианства на Руси, как и многие другие «новшества», такие, например, как введение в обиход картофеля, сопровождалось очевидным насилием со стороны государства и бунтами, нет оснований не верить. По мнению И. Ильина, Русь, и затем Россия, сформировались в русле «восточного христианства»: «нигде, кажется, это внутреннее сопротивление злу не разработано с такою глубиною и мудростью, как у аскетических учителей восточного православия» [1, с.415].

В Евангелиях тема насилия отражена двояко. С одной стороны, говорится о том, что ударившему нужно подставить другую щеку, и о том, что «блаженны миротворцы». С другой стороны, речь идет о том, что «взявшие меч мечом погибнут», что можно отвечать насилием и вооруженной борьбой, способной причинить смерть, в ответ на нападение. Вопрос о мече в христианстве был чрезвычайно важен, если учесть, какую роль в истории сыграли крестовые походы и войны за веру. Священное Писание трактовалось иногда сообразно запросам времени, тем более многие места его давали для этого весомые основания. После Тайной Вечери с учениками Христос сам завел речь о необходимости вооружаться, причем приобрести оружие следовало любой ценой: «Тогда Он сказал им: но теперь, кто имеет мешок, тот возьми его, также и суму; а у кого нет - продай одежду свою и купи меч. Они сказали: Господи! Вот здесь два меча. Он сказал им: довольно» (Мф. 26: 51-54) [3]. Один из этих мечей использовал Петр, чтобы защитить Учителя, когда Его пришли брать под стражу в Гефсиманском Саду: «Симон же Петр, имея меч, из-

влек его, и ударил первосвящен-нического раба, и отсек ему правое ухо. Имя рабу было Малх. Но Иисус сказал Петру: вложи меч в ножны; неужели Мне не пить чаши, которую дал Мне Отец. Тогда воины и тысяченачальник и служители Иудейские взяли Иисуса и связали Его» (Мф. 26: 51-54) [3]. Вооруженного отпора сам Христос оказывать не хотел. Тем не менее, защите заповедей христианства не препятствовал, в т. ч. и вооруженной, ибо существуют моральные и духовные ценности, во имя которых стоит умирать. Однако это понимание Господь недвусмысленно исключил одной фразой, сказанной Петру: «Возврати меч твой в его место, ибо все, взявшие меч, мечом погибнут...» (Мф. 26: 52) [3]. Эта же грозная мысль повторяется в Откр. 13: 10: «Кто ведет в плен, тот сам пойдет в плен; кто мечом убивает, тому самому надлежит быть убиту мечом. Здесь терпение и вера святых» [3]. Двоякому толкованию меча в Евангелиях посвящены в т. ч. работы религиоведов герменевтического направления, отраженные в культурно-историческом комментарии к Новому Завету [3]. Согласно этой точке зрения, ученики должны были вооружиться, чтобы у правителей появился еще один формальный повод арестовать Иисуса.

Упоминая о мече, Иисус не призывает к насилию, а к временному и символическому акту - двух мечей достаточно, чтобы Его можно было счесть мятежником и, следовательно, «причесть к злодеям» (в соответствии с Ис. 53: 12). Без верхней одежды ночью человек мог замерзнуть и простудиться, но Иисус говорит, что это лучше, чем если ученики окажутся невооруженными в предстоящем конфликте. Принцип аналогии веры и аналогии Писания настаивает на том, что повеление купить меч было сиюминутным, казуистическим, относящимся только к одному вечеру - вечеру ареста Христа [3].

«Вся дохристианская восточная аскетика имеет два уклона: отрицательный - побо-рающий и положительный - возво-

дящий», - пишет И. Ильин. - Это есть то самое «не во плоти воинствование» (стратейя), о котором разъясняет Коринфянам апостол Павел» [1, с. 412].

У христианских мыслителей восточной православной аскетики начала зла объективируются в образы невещественных демонов и дьявола. «Антоний Великий, Макарий Великий, Марк Подвижник, Ефрем Сирианин, Иоанн Лествичник и другие учат неутомимой внутренней «брани» с «непримечаемы-ми» и «ненасилующими» «приражениями злых помыслов», а Иоанн Кассиан прямо указывает на то, что «никто не может быть прельщен диаволом, кроме того, кто «сам восхощет дать ему своей воли согласие» [1, с. 213].

Один из наиболее почитаемых русских святых, Сергий Радонежский, несмотря на то, что не оставил после себя письменного наследия, известен активным участием в исторических перипетиях своего времени. «По словам одного современника, Сергий «тихими и кроткими словами» мог действовать на самые загрубелые и ожесточенные сердца; очень часто примирял враждующих между собой князей, уговаривая их подчиняться великому князю московскому (например, ростовского князя - в 1356 г., нижегородского - в 1365 г., рязанского Олега и др.), благодаря чему ко времени Куликовской битвы почти все русские князья признали главенство Дмитрия Иоанновича» [2, с. 202]. По версии жития, отправляясь на эту битву, последний в сопровождении князей, бояр и воевод поехал к Сергию, чтобы помолиться с ним и получить от него благословение. Благословляя его, Сергий предрек ему победу и спасение от смерти и, согласно «Сказанию о Мамаевом побоище», отправил с ним двух иноков княжеского рода, хорошо владеющих оружием, Пересвета и Ослябю. Хотя, по канонам Русской православной церкви, монахам и священнослужителям было запрещено участвовать в боевых действиях. Существует также версия (В.А. Кучкин), согласно которой рассказ жития о благословении Сергием Радонеж-

ским Дмитрия Донского на борьбу с Мамаем относится не к Куликовской битве, а к битве на реке Воже (1378 г.) и связан в более поздних текстах («Сказание о Мамаевом побоище») с Куликовской битвой как с более масштабным событием. «Приблизившись к Дону, Дмитрий Иоаннович колебался, переходить ли ему реку или нет, и только по получении от Сергия ободрительной грамоты, увещевавшей его как можно скорее напасть на татар, приступил к решительным действиям» [2, с. 209]. И. Ильин в последней главе своей книги «О сопротивлении злу силой» говорит о взаимосвязи между воином и священником, о том, каким образом осуществляется это взаимодействие, приводя в пример именно взаимоотношения Сергия Радонежского и Дмитрия Донского: «Воин как носитель меча и міроприемлющего компромисса нуждается в монахе как в духовнике, в источнике живой чистоты, религиозной умудренности, нравственной плеромы: здесь он приобщается благодати в таинстве и получает силу для подвига, здесь он укрепляет свою совесть, проверяет цель своего служения и очищает свою душу. И самый меч его становится огненною молитвою. Таков Дмитрий Донской у св. Сергия перед Куликовой битвой» [1, с. 573]. В книге И. Ильина монах как живой хранитель чистоты и праведности познает и «приобщается через воина бремени мира, его страданию и его героической неправедности; он уже не отрещается и не замыкается в своей праведности: он бережет и строит ее не для себя: он не отвертывается от зла и злых обстояний, а вступает в борьбу с ними, становясь соратником воину, разделяя его страдания, благословляя и осмысливая его подвиг, сохраняя для него чистоту и умудрение» [1, с. 569]. Одновременно философ утверждает, что священник выступает как бы ангелом-хранителем воина, и «самая молитва его уподобляется огненному мечу» [1, с. 569]. Таким, по мнению философа, является св. Сергий, благословляющий Дмитрия Донского и дающий ему в спутники двух вооруженных послушников.

Среди сторонников книги Ильина были и духовные лица. Архиепископ Анастасий написал философу несколько писем, где говорится: «Какой, по вашему мнению, меч благословлял Преподобный Сергий Радонежский и каким мечом сражались иноки Пересвет и Ослябя? Я беру самые понятные русскому сердцу примеры. Раскол около такой жгучей и острой темы, как Ваша, неизбежен» [4, с. 257].

В XIX в. проповедями о подчиненности интересов христиан государственной власти был известен Иоанн Кронштадтский, активно критиковавший учение о непротивлении злу силой Л. Толстого. Писатель порицается Иоанном Кронштадтским за подрыв страха перед Богом, на котором держится вся этика и, в конечном счете, все институции российского государства. Толстовство признается губительным для российской армии, для российской системы судопроизводства, для всей системы государственных учреждений. Взгляды И. Ильина на учение Л. Толстого не так линейно однозначны. «Нет сомнения, что граф Л.Н. Толстой и призывающие к нему моралисты совсем не призывают к такому полному несопротивлению, которое было бы равносильно добровольному нравственному саморазвращению. И неправ был бы тот, кто попытался бы понять их в этом смысле», - считает И. Ильин. - «Когда граф Л.Н. Толстой и его единомышленники призывают к внутреннему преодолению зла, к самосовершенствованию, к любви, когда они настаивают на необходимости строгого суда над собою, на необходимости различать «человека» и «зло в нем», на неправильности сведения всей борьбы со злом к одному внешнему принуждению, на духовном и нравственном преимуществе убеждения, - то они следуют в этом за священной традицией христианства; и они правы. Таинственный процесс расцвета добра и преображения зла осуществляется, конечно, любовью, а не принуждением, и противиться злу следует из любви, от любви и посредством любви» [1, с. 433].

Обоснования оправдания насилия, применяемого государством и высшей властью в своих целях, находятся не только в писаниях святых отцов, но и в области метафизики. «Философия должна быть воинствующей, - писал о роли философа в годы войны Данилевский в книге «Россия и Европа», - философы воюющих держав должны вести свою войну, стремясь подавить и победить оппонентов». В подобном контексте теория Ильина о сопротивлении злу силой выглядит органично и оправданно, особенно если учесть развитие исторической ситуации в России и Европе в начале XX в. Публицист Л. Добронравов в статье «Оправдание меча и убийства» подробно рассматривает идеи И.А. Ильина в сопряжении с христианской религией, отмечая, что «полемика о «православном мече» интересна потому, что касается вопросов очень больных для христианского сознания всех времен, а нашего в особенности [4]. «Ссылка профессора И. Ильина прямо на Апостольские Послания, минуя Евангелие, очень характерна не только для данного случая, но и для всего православно- utilitarного мировоззрения г. Ильина», - считает автор статьи. «Нам кажется, что для установления христианского взгляда на государственность следует обратиться к первоисточнику христианского учения, к Евангелию. Когда фарисеи задали Христу провокационный вопрос о том, платить ли подать Кесарю (т. е. подчиняться ли тогдашней римской власти), Христос ответил: «Воздайте Кесарево Кесарю, а Божие - Богу»... Говорится, «чтобы мы, делая добро, заграждали уста невежеству безумных людей». Чем? Апостол ясно говорит - «добром». Почему проф. И. Ильин и в данном случае поднимает меч за апостола, совершенно непонятно» [4, с. 595-596].

Категорическое повеление Божие было путеводным лу- чом в самые свирепые времена истории: все-таки вечная, высшая истина -«не убий»! Решая вопрос о смертной казни, Л. Добронравов замечает: «История уголовно-политических

учений от Платона до наших дней показывает, как текуче, изменчиво и непостоянно и содержание самого преступления, и точки зрения на него светской власти, которая сегодня не считает преступным деянием то, что вчера считала тягчайшим преступлением, как условно и зыбко то, что проф. И. Ильин считает «мерой необходимости» [4, с. 602].

Газета «Праведник» в дни публичных выступлений Ильина с лекциями в Праге, Париже, Берлине, пишет: «Мы читаем в книжке проф. Ильина объяснение и оправдание насилию, приравненному им к хирургической операции, жестокой, но необходимой, «кровавому разрезу» [4]. Столыпин тоже уверял, что смертная казнь - не месть, а кровавый хирургический разрез. Ленин держался приблизительно того же мнения. Но последний аргумент г. Ильина о духовной поддержке таких иерархов, как Митрополит Антоний, Архиепископ Анастасий Иерусалимский и Епископ Тихон Берлинский, дает ему уверенность в том, что он «не изобрел никакой новой ереси». Если так, то зачем же вилять и зачем вести фальшивые речи о братстве, амнистии и т. д. Ведь индульгенция дана?» [1, с. 186]. Равные по силе аргументы приводили и сторонники учения И. Ильина, не менее убедительно доказывая, что идеи его верны. Известно, что И. Ильин неоднократно и триумфально выступал перед военной аудиторией в Берлине, Париже и других городах Европы, встречая полную поддержку своей теории.

Есть основания считать, что вопрос о ненасилии актуален и в трудах деятелей современного христианства. Весьма почитаемый в России и за границей митрополит Антоний Сурожский, являющийся фактически нашим современником (умер в 2003 г.), книжное наследие которого невелико, был известен своими проповедническими выступлениями, которые широко расходились в аудиозаписях. Одно из них - беседа «О насилии», которая проведена Владыкой для слушателей Королевского военно-научного колледжа (Royal Military

College of Science) в Суиндоне 16 апреля 1986 г. Текст был воспроизведен по аудиозаписи, которую, вероятно, сделал сам Владыка с помощью своего кассетного диктофона. Митрополит Антоний Сурожский, взгляды которого перекликаются с идеями Ильина, говорил: «Насилие - это действие или ситуация, в которой намеренно (а порой и непреднамеренно) применяется сила в попытке посягнуть на независимость человека, группы людей или страны, в попытке разрушить цельность человека, принудить его стать не тем, кто он есть, или заставить поступать вопреки велениям совести, вопреки убеждениям, вопреки своей природе. Это - отрицательная сторона насилия, но при всем том в Евангелии есть место, в котором говорится, что «Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхишают его» [5, с. 151]. В данном случае, по мнению А. Сурожского, религиозный текст ясно говорит: если мы хотим войти в Царство Небесное, нам придется принудить себя, совершив насилие над собой, придется всеми силами сразиться ради того, чтобы сломить все преграды: мы должны заставить себя открыться действию Божию, позволить Ему одержать в нас победу. «Это совсем не то, что обычно понимается под фразой «Царство Небесное силою берется», которая приводит в недоумение тех, кто пользуется только одним переводом Евангелия и строит свое богословие на тексте одного переводчика или группы переводчиков» [5, с. 148]. Митрополит Антоний Сурожский полностью разделяет мнение И. Ильина о сложности, противоречивости современного мира: «Мне захотелось сказать об этой стороне насилия, потому что нам чрезвычайно важно сознавать: жизнь - не плавный переход от одного состояния к более высокому, от одной ситуации к другой. Мы живем в мире, который изуродован на всех уровнях, и это естественным образом порождает в нас конфликт, - конфликт между естественной, бодрой тоской по полноте, по избытку жизни, и всем тем, от чего жизнь мельчает, всем тем, что

препятствует нашему исполнению. Свободу можно обрести, лишь совершив над собой насилие, т. е. обратив все силы, всю свою позитивную энергию против того ложного, дурного, ущербного, что в нас есть, против всего, что мешает вырасти в полноту, которая составляет наше человеческое призвание» [5, с. 157]. А. Сурожский говорит, что человеческая природа не терпит пустоты: там, где нет добра, там неизбежно поселяется зло, и в душах людей борьба между злом и добром идет постоянно, как борьба между Богом и дьяволом за сами их души. Поэтому, говоря о насилии, по мнению А. Сурожского, неверно было бы безоговорочно отождествлять его со злом, причиняемым другим людям, или с проявлениями грубости, жестокости и подобными вещами в окружающем мире. Война, которую нам приходится вести, - внутри нас, и главнокомандующие в ней -Господь Иисус Христос и Дух Святой, дарованный нам. Им предстоит одержать в нас победу, а мы оказываемся либо союзниками, либо противниками Божьими в этой борьбе Бога за овладение всем нашим существом, что одновременно есть наше исполнение. Нам необходимо осознать, что в нас действует закон войны, и поэтому нам нужно учиться, как выбирать себе союзников и распознавать врагов, и как сражаться с тем, что в нас неладно. Об этой войне духовные наставники сказали бы: чтобы одержать победу в нашем внутреннем «я» и во всей нашей жизни, Богу нужна наша помощь. Антоний Сурожский опирается на мнение И. Ильина, что человек не является изначально праведником, и борьбу со злом он ведет не в качестве праведника и не среди праведников. «Сам тая в себе начало зла, и поборая его в себе, и далеко еще не поборов его до конца, он видит себя вынужденным помогать другим в их борьбе и пресекать деятельность тех, которые уже предались злу и ищут всеобщей погибели. Пресекающий сам стоит в болоте, но нога его уперлась в твердое место, и вот он уже помогает другим, засасываемым трясиною, выйти на твердое место,

стремясь оградить их и спасти, и понимая, что он сам уже не может выйти сухим из болота» [5, с. 153]. Поэтому Антоний Сурожский приводит слова апостола Павла о том, что мы все - сора-ботники Божии. «Мы - не пассивные предметы в руках Божиих, которыми Он распоряжается, над которыми вершит Свою волю. Бог предлагает нам Свою силу, но мы должны решиться воспользоваться ею. Он предлагает нам всего Себя, но нам решать, принять этот дар или отказаться, отвергнуть его. И в этом смысле мы столь же активны, как Бог активен. Я с этого начал, потому что намеревался как бы освободить слова «насилие» и «конфликт» от исключительно негативных ассоциаций, которые очевидны, просты. Если мы осознаем, что конфликт может стать созидающим, когда он коренится в любви, в самоотдаче, в любви крестной, жертвенной, то положение изменится. Если в таком духе подходить к конфликтам, то можно попытаться действовать творчески, и тогда конфликт, ненависть, агрессия потеряют свою разрушительную силу» [5, с. 156].

Злодейство требует от большинства людей непосильного порой героизма, конкретных решительных поступков; неспособность ответить злодею отравляет душу человека сознанием собственного предательства. Поэтому пресекающий внешнее зло помогает всем другим людям не подпасть под его влияние. Люди отличаются друг от друга степенью моральной и духовной зрелости. Есть, по Ильину, люди, не окрепшие в добре, но и не закоренелые злодеи - для них любое свободное злодейство будет соблазном. Есть люди слабые, которых можно подчинить посредством страха, принуждая поддерживать насилие. А. Сурожский смыкается с Ильиным, который говорил, что никто не может остаться в стороне: «Столкнувшись с насилием лицом к лицу, сказать, что агрессия - зло, все равно, что решить для себя: «Я - созерцатель, я - сторонний наблюдатель, я вмешиваться не собираюсь» [5, с. 148]. По мнению А. Сурожского, «легко отрицать насилие

вообще, но приходит момент, когда мы вынуждены поставить перед собой вопрос: то, что я собираюсь сделать, - насилие или отпор? Вправе ли я дать отпор насильнику ценой риска или правильнее позволить насилию безудержно распространяться? Допустимо ли предоставлять все права преступнику и отказывать в них жертве? Недостаточно решить для себя: «В своих действиях я дойду до такого-то предела и на этом остановлюсь», потому что заранее нельзя рассчитать, как далеко придется зайти.» [5, с. 148].

А. Сурожский высказывает важную сегодня мысль о том, что насилие, зачастую, чинится будто бы во имя ненасилия: это христианский или иной фанатизм: «Я упомянул христианский фанатизм потому, что это - наш грех, и нам следует заняться бревном в собственном глазу. Взять, к примеру, нашу всегдашнюю готовность кого-то осуждать; кого - найдется, у нас у всех есть излюбленная жертва. Кто-то из нас, быть может, готов примириться с тем или иным направлением христианства или гуманизма, или религии, или атеизма, но на что все вместе мы готовы - это на агрессию и на осуждение» [5, с. 150]. Рассуждения А. Сурожского близки мыслям И. Ильина о сложности нравственного выбора: «Нам все время приходится принимать решения, именно это делает жизнь такой трудной, и каждое решение, каждый выбор, в некотором смысле, вовлекает нас в сердцевину конфликта, другого не дано. Признаюсь, для меня это тоже проблема. Мне думается, выработать единое правило невозможно. Ситуацию необходимо сначала оценить, и только потом можно сказать: это - насилие, а это - нет. Можно приказать людям: «Найдите способ сосуществовать мирно», но что делать, если они откажутся? Поэтому, я думаю, в любой ситуации, в любой части света, при любом режиме мы упускаем из виду, что необходимо больше обращать внимание на агрессора, а не только на жертву» [5, с. 158]. «Когда речь идет о внутреннем или духовном сопротивлении злу, с его необходимостью со-

гласны все мыслители, философы, религиозные практики», - считает И. Ильин и, вслед за ним, Антоний Су-рожский. «Проблема возникает тогда, когда встает вопрос о внешней борьбе со злом, и именно физическом понуждении и пресечении», - пишет Ильин [1, с. 485]. «Именно здесь находится «сердцевина конфликта», - подобно И. Ильину, указывает Антоний Су-рожский. Если невесту на глазах жениха насилиуют негодяи, а он не в силах ее защитить, то от такого жениха любая девушка должна отказаться. Наглядным примером А. Сурож-ский убеждает слушателей в своей правоте. Вопрос о победе добра над злом существует для И. Ильина и Антония Сурожского не абстрактно, но конкретизирован до личной практической задачи.

И. Ильин, подытоживая многовековой христианский религиозный опыт, считает, что «самая идея о возможности «сопротивляться посредством непротивления» даруется человечеству и оказывается применимой тогда и постольку, когда и поскольку общий, родовой процесс обуздания зверя в человеке грозою и карою («Ветхий Завет») создает накопленный и осевший итог обузданности и воспитанности, как бы экзистенц-минимум правосознания и морали, открывающий сердца для царства любви и духа («Новый Завет») Однако новое учение отнюдь не порицает, не отменяет и не отвергает угрозу и кару; по-прежнему необходим и меч, и «Божий слуга» «в наказание делающему злое» (Римл. XIII: 4) [1, с. 402].

В наше время А. Кураев [6], выступая с речью о решении вопроса о ненасилии, проводит сопоставления между книгой И. Ильина и сочинением В. Соловьева «Три разговора». Приводя пример оправданного на войне насилия, и в т. ч. убийства, А. Кураев озвучивает мнение современного православия по этому поводу. Он говорит, во-первых, о признании допустимости войны, но не захватнической, а оборонительной. Во-вторых, он говорит о необходимости отлучения на

трехлетний срок от причастия воинов, поневоле совершивших убийство на войне, хотя и получивших перед уходом благословение священника [6]. Такова позиция современной русской православной церкви, имеющей в сонме святых лиц, имевших воинское звание - начиная от маршала-флотоводца Ф.Ф. Ушакова, заканчивая мучеником Евгением (солдатом первой русско-чеченской войны, замученным в ваххабитском плена, Е. Родионовым [7]), лики которых находятся не только во многих русских православных церквях, но и за границей. В мае 2011 г. Е. Родионов включен, например, как «новомученик Евгений Воин» в воинскую панихиду, рекомендованную православным капелланам армии Соединенных Штатов Америки для совершения поминовения погибших воинов в праздник Усекновения главы Иоанна Предтечи и Димитриевскую субботу [7].

«Всякий народ переживает во время войны такое духовное и нравственное напряжение, которое, в сущности говоря, всегда превышает его силы: от него требуется массовый героизм, тогда как героизм всегда исключителен, от него требуется массовое самопожертвование, тогда как самопожертвование есть проявление высокой добродетели, от него требуется сила характера, храбрость, победа духа над телом, беззаветная преданность духовным реальностям... И все это оказывается связанным с делом массового человекоубиения, с делом вражды и разрушения. Война предъявляет к человеку почти сверхчеловеческие требования: и если народ порывом поднимается на надлежащую высоту, то по окончании порыва, обыкновенно выдыхающегося задолго до окончания войны, уровень народной нравственности всегда оказывается павшим» [1, с. 544], - так пишет И. Ильин, и его мысль повторяется у А. Кураева: совершающее даже невольно зло растлевает человека, поэтому и церковь, по А. Кураеву, отлучает таких людей от причастия. Подобную ситуацию можно назвать трагической: И. Ильин, как и церковные мыслители

и иерархи всех времен, признавал, что убийство человека, ни с какой стороны, не может быть названо нравственным поступком.

Вопрос о добре и зле, о насилии и ненасилии И. Ильин разрешает, по его мнению, именно в рамках канонического христианского православного вероучения, замечая, что «всякая зрелая религия не только открывает природу «блага», но и научает борьбе со злом. Духовный опыт человечества свидетельствует о том, что несопротивляющийся злу не сопротивляется ему именно постольку, поскольку он сам уже зол, поскольку он внутренне принял его и стал им. И потому предложение, всплывающее иногда в периоды острого искушения, - «предаться злу, чтобы изжить его и обновиться им» - исходит всегда от тех слоев души или, соответственно, от тех людей, которые уже сдались и жаждут дальнейшего падения: это прикро-венный голос самого зла» [1, с. 546].

В христианстве православие рассматривает ненасилие как любовь к Богу: «не убий», «возлюби ближнего своего», «не противься злому». Через любовь к Богу христианин познает и смысл любви к ближнему, он строит свои отношения с ним на ненасилии. Пребывая в пространстве свободной воли, насилие и ненасилие раскрываются как убеждающий (ненасилие) и принуждающий (насилие и ненасилие) типы социального действия. В этой связи концепты «насилие» и «ненасилие» приобретают ярко выраженный оценочный смысл, потому что критерием дифференциации насильтвенной и ненасильственной разновидности принуждения выступает социально обусловленная оценка совершающего действия принуждаемым индивидом. По мнению исследователя философии ненасилия А.В. Перцева [8], дилемма «насилие - ненасилие», таким образом, является существенным критерием социальных, а не только нравственных оценок. Идеал ненасилия, сформулированный в Нагорной проповеди Иисуса Христа, обозначил резкий поворот в истории европейских народов.

Заповеди непротивления злу насилием, любви к врагам были настолько же ясными, насколько и парадоксальными; они часто противоречат здравому смыслу, инстинктам и социальным мотивам человека, это вершина, которой человеку трудно достичь. В современном христианском православном вероучении вопрос, таким образом, разрешается амбивалентно: в духе «православно-государственного» утилитаризма современной церкви, с одной стороны, и в качестве вечного христианского идеала - с другой. Философское мировоззрение И. Ильина отличалось цельностью и искренностью и опиралось на христианство Нового Завета. Мыслитель не видел противоречий в священных текстах, а напротив, находил в них подтверждение своих взглядов. В лекции 1940 г. «О национальном призвании России (ответ на книгу Шубарта)» Ильин говорил: «Да, наше своеобразие от нашей веры, от принятого нами и вскормившего нашу культуру греческого Православия, по-своему нами воспринятого, по-своему нами переработанного и по-особому нас самих переработавшего» [9, с. 470]. Концепция И. Ильина о сопротивлении злу силой, таким образом, не противоречит русской христианской православной традиции [10].

Литература:

1. Ильин И.А. О сопротивлении злу силою // Ильин И.А. Почему мы верим в Россию. М., 2007. С. 375-577.
2. Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в XXIV вв. М., 2006.
3. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета, канонические. М., 2011.
4. Ильин И.А. *Pro et contra. Личность и творчество Ивана Ильина в воспоминаниях, документах и оценках русских мыслителей и исследователей*. СПб., 2004.
5. Антоний, митрополит Сурожский. О насилии // Новый мир. 2013. № 5. С. 146-159.

6. Кураев А. Видеолекции и выступления. URL: http://predanie.ru/audio/lekcii/kuraev/index.php?bitrix_inlude_areas=N&d0=lekcii&d1=kuraev (дата обращения: 13.11.2013).
7. О Евгении Родионове. URL: <http://www.pravda.ru/faith/religions/orthodoxy/24-05-2006/85545-rodionov-0/> (дата обращения: 13.11.2013).
8. Перцев А.В. Философия ненасилия. Екатеринбург, 2007.
9. Ильин И.А. О национальном призвании России. М., 2008.
10. Бегичев П. Блог человекаобразного попа. Трудные тексты Библии. URL: <http://blog.begichev.info/2013/06/19/> (дата обращения: 13.11.2013).

**(Источник: Вестник Тамбовского университета.
Серия: Гуманитарные науки, 2014)**

Кирилл Монастырский

ЧЁРНЫЙ БАРОН БЕЛОЙ ИДЕИ

Рыцарь Белой Идеи – Чёрный Барон (как со смесью страха и ненависти прозвали его жидо-большевики) Пётр Николаевич Врангель происходил из старинного и родовитого датского рода Врангелей, перешедшего на службу России. Его предки отличились во время Отечественной Войны 1812 года. А дальний родственник, барон Александр Врангель, пленил имама Шамиля, того самого, за которым несколько десятилетий охотился огромный контингент Императорской Армии. Наш герой не изменит традиции, и тоже сослужит верную службу Российскому Государству. Родился он в 1878 году в Новоалександровске, в семье барона Николая Егоровича - военного предпринимателя и общественного деятеля. С детства показывал себя как умного, мужественного, честного и целеустремленного человека. Был также очень набожен, как и его отец. В 1896 году закончил реальное училище, а в 1901 году Горный Институт в Санкт-Петербурге. Был популярен в качестве дирижёра на балах. Отличался танцевальными и организаторскими способностями. Высокий, стройный конногвардеец пользовался большим вниманием в светской среде. Как вспоминал о нём генерал П. Н. Шатилов: «Это был любивший общество светский человек, прекраснейший танцор и дирижёр на балах и непременный участник офицерских товарищеских собраний. Уже в молодых годах он имел удивительную способность необычайно ярко, образно и кратко высказывать своё суждение по всевозможным вопросам. Это делало его чрезвычайно интересным собеседником.» Но когда началась Русско-Японская Война, Врангель решил посвятить свою жизнь Родине и пошёл в Забайкальское Казачье Войско. Там он успешно воевал с японца-

ми, был награждён рядом орденов, стал казачьим сотником. После войны был отправлен в Финляндию, а затем стал погонщиком в Лейб Гвардии Конном Полку. Учился военному делу в Николаевской Военной Академии и в Офицерской Кавалерийской Школе. Начало ПМВ встретил в чине лейб-гвардейского ротмистра. Барон прекрасно показал свои качества и умения во время Первой Мировой. Именно его часть решила исход Каушенского боя. Ротмистр Врангель, на своей тяжело раненной лошади, вскоре павшей, доскакал с 10-15 конногвардейцами до самых орудий. Спешившись, ротмистр барон Врангель, схватил винтовку и стал вместе с конногвардейцами отстреливаться из-за зарядного ящика. Раненные германские артиллеристы стреляли из револьверов, упорно защищаясь, но были зарублены. Получил Георгиевский Крест четвёртой степени и Георгиевское оружие. Примерно также он воевал и всю остальную часть войны... пока не пришла Революция, гибель Империи, Армии, Родины etc... И пока Господь не привёл его на Дон. Там он стал одним из основателей Добровольческой Армии и стал генерал-лейтенантом. Был противником ведения конными частями боёв по всему фронту, стремился собирать конницу в кулак и бросать её в прорыв. Стремительные атаки врангелевской конницы определили результат боёв с красными частями на Кубани и Северном Кавказе. Но, как говорится, в семье не без урода... так и в Добровольческой Армии завелась амбициозная, корыстная и властолюбивая крыса, которая была сторонником керенщины. Имя ей - Антон Иванович Деникин. Он находился в крайне натянутых с ген. Врангелем отношениях, и не без причины, как говорится... Врангель выступил против Деникина, за что он был уволен из Добровольческой Армии вместе с Шатиловым. Деникин провёл в Армии репрессии по отношению к прочим генералам националистам, уволив их из Армии, или отправив в резерв. Деникин был единственным из Белых вождей, у коего был реаль-

ный шанс освободить Москву, казакам Мамонтова оставалось совсем немного до Первопрестольной, но Деникин был куплен (?) и отдал приказ отступать. Затем он собрал всё своё состояние и уехал в оплот гидры мировой жидо-масонерии – Францию... В должность Верховного Правителя и Главнокомандующего ВСЮР вступил изгнанный, но вновь вернувшись в Россию Чёрный Барон Пётр Николаевич Врангель. Врангель твёрдо решился исправить губительную ситуацию, до которой довёл его предшественник. Он начал проводить реформы: аграрную и гос. устройства, установил новый курс дипломатический на сотрудничество народов России против жидобольшевизма, провёл армейскую реформу. Также был более жесток по отношению к коммунистам, нещадно сражаясь с ними и с их пособниками. Врангель провёл успешную операцию вблизи Перекопа, Дроздовский полк выбил оттуда красные карательные части, состоящие из интернационалистов латышей и эстонцев. Реформы Врангеля затрагивали и духовную сферу: «Во времена правительства Пётра Николаевича Врангеля, в период его пребывания в Крыму, самой большой акцией Церкви в 1920 г. были «дни покаяния» (12, 13, 14 сентября). В покаянном обращении в частности говорилось: «Многими тяжкими грехами осквернился народ наш в недобрую годину мятежного лихолетья и смуты: бунт и измена, пролитие крови и братоубийство, безбожие и осатанение, богохульство и кощунство, разбой и лихоимство, зависть и хищение, блуд и растление, празднолюбие и празднословие...». Послание осуждало безбожное учение и его лукавых лжеучителей, которые вместе обманули народ, чтобы затем поработить его, и призывало всех православных русских людей к покаянию и единению. А. Бурнакин в газете «Вечернее слово» (Севастополь) от 11 августа 1920 г. писал: «Это давно носилось в воздухе и назначенный «день покаяния» — ответ на религиозное настроение масс, на их острую потребность в религиозном подъёме и утешении. Тут и

стремление к нравственному очищению и просветлению русской жизни, и горение о Святой Руси, и борьба с красным сатанизмом и идея нового крестового похода к поруганной Москве и вера в спасительную силу Святого Креста. Над Россией, поверженной в прах злой волей антихристианских сил, опозоренной пятиугольной печатью антихриста, будет вознесён Крест Господень — это наше национальное утверждение, спасение и обрадование... да будут посрамлены убийцы России, её жестоко-выйные тираны. День 14 сентября должен явиться всенародной демонстрацией Святой Руси, праздником Православия, ответом и вызовом злым сатанинским силам, ныне царящим над Россией. Пусть все поймут, что не умрёт Россия, что близок час её воскресения». (Источник: Бурнакин А. День покаяния // Вечернее слово. 1920. № 185). Но и это, увы, не помогло. Деникин слишком хорошо выполнил работу по уничтожению Белой Армии, за которую ему хорошо заплатил интернациональный жид. Слишком слаба и мала была Армия. Слишком маленькой была база. Ведь это была не Сибирь, не Дон, но это был небольшой Таврический полуостров. Красные задавили Чёрного Барона мясом, и с колоссальными, тотальнейшими потерями они смогли штурмом взять Крым. Врангелевцы уплыли на кораблях в Европу. «Вот на белых ступенях Графской пристани появляется высокая фигура Главнокомандующего в серой офицерской шинели и фуражке Корниловского полка. За ним идут несколько лейб-казаков. Главком садится в катер, казаки становятся по бортам. В 2 часа 40 минут дня катер отваливает от пристани. Медленно обогнув с носа крейсер “Корнилов”, он приближается к правому борту. У Андреевского флага видна высокая фигура в серой шинели. Команда выстроена у борта. Главнокомандующий поднимается по трапу. Оркестр играет встречу. Рапорт. Генерал Врангель произносит речь, указывает на то, что русская армия принуждена оставить родную землю и выражает надежду на продолжение борьбы. Вспо-

минается солнечное утро 25-го марта. Первый парад в Крыму. Вспоминается другая речь, другое настроение. При взгляде на эту высокую фигуру, на осунувшиеся, похудевшее лицо, в памяти вдруг воскресает образ старого, железного рыцаря средневековой легенды» («Крымская эпопея». Журнал «Фашист», №63, 1941). Барон боролся до конца, до самой смерти он развивал РОВС, создавал боевые группы, помогал катакомбникам и партизанам, оказывал финансовую и моральную поддержку героям-крестоносцам, которые служили своему Отечеству верой и правдой, а в награду получили нищенское существование на чужбине. Врангель стал для них отцом, учителем. Врангель также был защитником своеобразного панславизма. Он, вместе с Шатиловым и Кутеповым, постоянно критиковали Деникина, например, за его политику по отношению к украинцам и беларусам. Пётр Николаевич был сторонником того, чтобы вольные славянские народы сами решали свою судьбу. Он воистину был героем-рыцарем чести и долга. И под итог можем сказать лишь одно: вечная память и слава Герою Белой и Божией Борьбы. Царство Небесное. А также не стоит забывать тот принцип, которым руководствовался Чёрный Барон: ХРИСТОС ВОСКРЕСНЕТ И РОССИЯ!

Фауст Патронов

ОТ ГЕГЕЛЕВЩИНЫ ДО БЕЛОГВАРДЕЙЩИНЫ

(Политика в Русском Общевоинском Союзе до- и после Ивана Ильина)

Иван Ильин среди всех Белых Вождей особливо выделял ген. П.Н.Врангеля. Надобно сказать, со стороны Главнокомандующего Русской Армии проф. Ильин также пользовался признанием в качестве аутентичного выразителя Белой Идеи. Когда 25 апреля 1928 г. в Брюсселе после тяжёлой болезни скончался генерал-лейтенант Петр Николаевич Врангель, потрясённый его смертью, Иван Ильин писал его вдове: «У меня нет слов, чтобы выразить то горе, то отчаяние, которым охвачена душа. Мы с Наталией Николаевной трепетно ждали известий каждый день и непоколебимо верили в выздоровление; мы и сейчас не можем поверить, что его нет. Это мысль просто невыносима для души. Что будет делать Россия без своего единственного, призванного Вождя?! Смотрю на людей, стекающихся на панихиды — ходят призраки и даже не понимают, что без него они исторический прах и политический мусор. Ушёл мой герой, мой рыцарь, мудрый и вдохновенный. Угас Божий луч. Не в кого верить, некому помочь. Страшно смотреть в надвигающуюся темноту. Страшно за Россию. Куда ведет её Господь? Зачем так страшно испытует?». С «детищем» ген. Врангеля — РОВСом у проф. Ильина были довольно тесные отношения, вплоть до того, что применительно в РОВСу образца 1945-50-х гг., после появления «Наших Задач», проф. Ильин выдвинулся в качестве главного Идеолога.

До того как в 1927 году Иван Ильин начал работу над своим идеологическим журналом «Русский Колокол», который

должен был стать лабораторией по выработке идеологии РОВС, в союзе существовали те кто был не согласен с идеей военного непредрешенчества. Русский национальный союз участников войны (РНСУВ) зародился как группа членов Русского общевоинского союза (РОВС), недовольных существовавшим в организации положением дел. Туркул критиковал высшее руководство РОВС за безынициативность и бездеятельность, призывал к решительным действиям по борьбе с большевизмом. Одним из факторов, побудивших к разрыву, являлся запрет на политическую активность членов РОВС, существовавший с 1923 года как следствие приказа № 82 тогдашнего главы РОВС, генерала П. Н. Врангеля. Открыто заявляя о своей политической позиции, Туркул фактически нарушил устав РОВС, и был исключён из союза.

В руководство новой организации вошли подполковник В. В. Чернощёков — председатель главного правления и корнет Г. П. Апанасенко — председатель политического бюро. Печатным органом РНСУВ была газета «Сигнал», редактором которой был полковник Н. В. Пятницкий. Газета выходила два раза в месяц с 1937 по 1940 год. Также организацией издавался журнал «Военный журналист», позже переименованный в «Всегда за Россию». У Туркула было немало единомышленников как среди военных, так и среди эмигрантов, критикующих РОВС. Свои симпатии к новой организации не скрывали «новопоколенцы» — члены Национального союза нового поколения (НСНП). В 1937 году в Париже была образована коалиция под названием «Национальный центр», включавшая в себя РНСУВ, НСНП и Имперский союз. За несколько лет отделы РНСУВ были созданы во Франции, Бельгии, Чехословакии, Югославии, Греции, Албании, Аргентине, Уругвае.

«[Речи Адольфа Гитлера] 4-ого и 20-ого февраля [1938 года] нашли среди русской эмиграции, проживающей в Германии, соответствующий отклик. В виду того, что наци-

нально мыслящие русские эмигранты видят в фюрере Германского Рейха ту личность, которая сыграет основную роль в освобождении России от большевиков, они относятся ко всем действиям Фюрера положительно и без всякой критики. Речь Фюрера 20-ого февраля была принята с восторгом, так как любой вызов, брошенный большевизму немецким правительством, усиливает надежды русской эмиграции на скорое военное столкновение с Советским Союзом» (Отрывок из отчёта Гестапо о политических движениях в Германии за 1938-ой год. Источник: ЦАМО РФ, ф.458, оп.9, д.118, арх стр. 54 – 55). В 1938 году, уже в Берлине, где был вынужден поселиться Туркул, высланный из Франции «за пронемецкую ориентацию», образовалась новая коалиция. По инициативе К. В. Роздаевского был создан «Российский национальный фронт», куда вошли РНСУВ, Российский фашистский союз (РФС), Российское национальное и социальное движение (РНСД), Русский национальный союз в Америке и кружки друзей «Голоса России» И. Л. Солоневича. Не вступали во фронт, но были солидарны с ним некоторые группы НСНП, казачьи организации, парижский кружок «Белая идея» В. А. Ларионова, группа газеты «Возрождение», «Российский имперский союз». Но уже в 1939 году «Российский национальный фронт» был формально распущен правительством Рейха в связи с пактом «Молотов-Риббентроп».

РНСУВ был основан на неприятии генералом Туркулом и его единомышленников непредрешенчества, считавшегося основой существования РОВС. РНСУВ стал организацией крайне-правой политической ориентации, националистического, монархического толка. Девизом союза стал лозунг «Бог — Нация — Социальная справедливость» (по другим источникам, «Бог, Отечество и социальная справедливость»). Основной целью организации было заявлено сопротивление большевизму, и, в дальнейшей перспективе, устройство в освобождённой от большевиков России нового русского на-

ционального правительства. В «Военном журналисте» публиковались программные тексты, в которых рассматривалось будущее государственное устройство в России: «Это должна быть социально ориентированная модель монархии, стоящая на принципах надклассовости, надсословности, самодержавия, гражданских прав и законности».

Ген. Туркул декларировал: «В основу нашего политического мышления мы взяли фашизм и национал-социализм, показавшие на деле свою жизнеспособность и победившие у себя на родине коммунизм. Но, конечно, доктрины эти мы преломляем в русской истории и применяем к русской жизни, к чаяниям и нуждам Российского народа... Наш идеал — фашисты всех стран и народов, в которых горит их национальная честь, в которых сильна их национальная правда и которые понимают и отдают должное и чужой чести, и чужой правде. Не использование и эксплуатацию, но взаимное уважение и добрососедский мир и союз — вот, что мы ждём и что мы видим от фашистской идеи. Наш идеал — фашистская монархия» («Сигнал», 1938, № 32).

Генерал Врангель старался минимально политизировать союз, полагая в тогдашней политической обстановке сие за наилучшее... Руководивший два года РОВС Александр Кутепов вёл активную военную и в какой-то степени политическую деятельность, будучи убеждённым монархистом. После его убийства спецслужбами коммунистов, руководство перешло к пассивному генералу Миллеру. Впрочем, «пассивным» ген. Миллера можно назвать лишь на фоне гиперактивного Кутепова. Миллер также был монархо-фашистом и непримиримым анткоммунистом: «За других отвечать не могу, но я знаю, почему я непримирим по отношению к большевикам, захватившим власть над русским народом и над Российской государством, и почему мы — русские эмигранты — должны быть непримиримы. Я не могу примириться с существующим положением в России потому, что в доме

моих родителей с детских лет я был воспитан как верующий христианин, в правилах уважения к человеческой личности, безразлично, был ли человек в социальном отношении выше или ниже; чувство справедливости во взаимоотношениях с людьми, явное понимание различия между Добром и Злом, искренностью и обманом, правдой и ложью, человеколюбием и звериной жестокостью, — вот те основы, которые внушались мне с детства. Мировой коммунизм питается и руководится из Москвы, поэтому победа над коммунизмом возможна только как последствие победы над красной Москвой, над коммунистическим штабом в Москве. Для всякой победы нужно устремление к одной цели максимум усилий. Для победы над советской властью русской эмиграции, такой, как я её выше определил, необходимо сознание, что ни один эмигрант не имеет права что бы то ни было делать или говорить, что могло бы послужить на пользу большевикам или во вред другому эмигранту, т. е тому, кто так или иначе борется с большевиками, и ни один эмигрант не имеет права не сделать того, что в его возможностях и что может так или иначе нанести ущерб коммунизму. С этой мыслью нужно утром вставать и вечером ложиться спать, с этой точки зрения нужно расценивать каждый свой шаг, каждое свое слово, принося в жертву главному и единственно важному всё личное, второстепенное, партийное. Никогда не делать того, что может порадовать общего врага. Все усилия против коммунизма, коммунистов и против коммунистической власти в Москве. Дисциплина и самоограничение ведут к победе».

Но РОВС при всём при том оставался одной из крупнейших эмигрантских организаций до его роспуска в 2000-м году. Организация, ныне безпardonно называющая себя «РОВС» и руководимая белосовками-запутинцами — ни на сие славное имя, ни на преемство (организационное и идеиное) от РОВСа Врангеля, Кутепова, Туркула и Ильина — не имеет ровным счётом **никаких прав**.

Революция застает Ильина за преподаванием в Московском университете, где он готовит диссертацию «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека». Философ успешно защищает свою работу в 1918 году и получает звание профессора. В грянувшей Гражданской войне Ильин, как и его учителя и коллеги Павел Новгородцев и Евгений Трубецкой, поддерживает Белую армию, за что неоднократно подвергается арестам. При взорении на его лицо на знаменитой картине М. Нестерова, приходит понимание того, что невыносимая усталость на сем лице — не от чтения Гегеля, а от того, что в момент написания портрета он твёрдо понимал, что либо убьют, либо заставят уехать. В 1922 году философский пароход с Ильиным на борту прибывает в Германию. Важно понимать, что пассажиры сходили по трапу не в вакуум. Люди, которые успели пожить в большевистской России, публиковали там книги, выступали с лекциями, оказались в диаспоре, состоявшей из офицеров и солдат русской армии, часть из них — монархисты, надеявшиеся на военный реванш и реставрацию монархии. Чтобы интегрироваться, новоприбывшим эмигрантам приходится учитывать сложившуюся разстановку сил. Ильин пытается продолжить академическую карьеру, для чего участвует в организации Русского научного института в Берлине. Однако основным направлением своей деятельности он выбирает идеологическое сопровождение Российского общевоинского союза (РОВС), основанного бароном Врангелем. Занятая философом позиция оказывается достаточно острой, чтобы сформировать вокруг себя как устойчивый фан-клуб, так и регулярный блок критиков, а также приносить достаточное количество ресурсов для жизни в эмиграции. Постепенно идеологическая работа перевешивает научные амбиции. В итоге почти на 15 лет Ильин выпадает из философии и становится одним из ведущих пропагандистов Белого движения. Главным его трудом этого периода становится работа «О со-

противлении злу силой», сопровождаемая многочисленными лекциями и статьями в периодике. Книгу «О сопротивлении злу силой», вышедшую в 1925 году в Берлине, Ильин посвящает Белому движению и лично Врангелю. Текст, продолжающий давнюю для русской мысли дискуссию о (не) допустимости насилия и роли государства в христианском обществе, у критиков спродуцировал аттестацию «военно-полевого богословия» (ежели вдуматься, то се – весьма положительная оценка).

Теперь, стоит затронуть тему о «фашизме» как И.Ильина, так и Русской военной эмиграции. В № 4044 за 1936 год русскоязычной газеты «Возрождение», издававшейся в Париже, можно было увидеть такую карикатуру: страшный осьминогообразный Сталин тянет в Европу длинные руки-щупальца, на них чёрные рукава, испещрённые серпом и молотом. Усатая фигура во френче и галифе браво отсекает одно из щупалец мечом. Подпись: «Гитлер понял, поймут и другие». Эта карикатура ёмко иллюстрирует причины поддержки фашизма в среде эмиграции. Конечно, существовал институциализированный русский фашизм, оформленный в партии под руководством Константина Родзяевского в Китае и под руководством Анастасия Вонсяцкого в США, однако их деятельность не имела существенного влияния на диаспору в Европе. В большинстве своем российские симпатизанты не были приверженцами чистой идеологии фашизма или национал-социализма и в отношении к Муссолини и Гитлеру руководствовались поиском антибольшевистского союзника; фашизм для них был прежде всего силой, способной противостоять большевизму. Когда в Берлине 1933-го на манифестации убили одного из штурмовиков и подозрение, конечно же, пало на коммунистов, на пышном траурном шествии с Гитлером и иже с ним русские фашисты вышли с венком «Ваши убийцы — палачи России». После прихода Гитлера к власти русские эмигранты

действительно предпринимали попытки наладить политические связи с немцами, поскольку многие увидели в этом событии чашу возможность Реванша. Интересно наблюдать колебания разных профашистских эмигрантских групп — от поддержки Гитлера в 1930-е до ярости после заключения пакта Молотова-Риббентропа, от ликования после нарушения этого пакта до почти всеобщего взрыва надежд на скорое Освобождение России от третьего Ига при начале военных действий на территории России, и так далее. Добавляло проблем и повальное стремление писать друг на друга доносы, их было такое количество, что, по свидетельству ген. Алексея фон Лампе, немецкая полиция в какой-то момент попросила россиян остановиться, так как обработать поток писем было невозможно. Ильин в 1933 году попытался остаться в руководстве Русского научного института в Берлине, но в итоге был снят национал-социалистами с должности. Как раз таки «по доносам» компатриотов... Его отношения с фашизмом отмечены тремя небольшими текстами — «О русском фашизме» (1928), «Национал-социализм» (1933) и «О фашизме» (1948). В первом тексте он призывает членов РОВС не вступать в немецкую партию, потому что Белое движение шире и глубже фашизма, а сам фашизм есть лишь подвид Белой идеи. Во втором тексте он проясняет, что национал-социализм сегодня — единственная внятная альтернатива коммунизму и большевизму. В третьем тексте он пишет, что, несмотря на то, что фашизм был хорошей альтернативой большевизму, в нём слишком много того, что не подходит русским правым, а именно: безрелигиозность, тоталитаризм и крайний национализм.

Следует, конечно, при анализе сих текстов принимать во внимание исторический контекст их появления (менявшись до чрезвычайности резко). Здесь же (в расчёте на «понимающего» читателя) приведём базовый текст проф. И.Ильина из «Русского Колокола»:

О РУССКОМЪ ФАШИЗМЪ

Въ мірѣ разверзлась бездна безбожія, безчестія и свирѣпой жадности. Современное человѣчество отзыается на это возрожденіемъ рыцарственаго начала. Могло ли быть иначе? Въ какую низину запуганности и рабства оно должно было окатиться для того, чтобы не вступить на этотъ путь? Въ какую религіозную и нравственную фальшь оно должно было выродить духъ христіанскаго ученія для того, чтобы отзваться на возстаніе дьявольскаго начала— не твёрдымъ намѣреніемъ «заградить уста невѣжеству безумныхъ людей» (І Петра гл. І. стихъ 15), а умиленнымъ непротивленіемъ? И развѣ мы не захлебнулись бы тогда отъ презрѣнія къ самимъ себѣ и къ человѣческому естеству въ нась?

Можно представить себѣ, что къ этому возрожденію рыцарственаго начала люди будутъ относиться двояко: съ сочувствіемъ и съ осужденіемъ. Но надо признать, что принципіальное осужденіе его, какими бы словами оно ни прикрывалось,—обличаетъ позицію осуждающаго: ибо тотъ, кто противъ рыцарственной, борьбы съ діаволомъ, тотъ за діавола. Онъ, можетъ быть, самъ не понялъ еще, что именно онъ дѣлаетъ и изъ какихъ душевныхъ источниковъ рождается его осужденіе. Но вѣдь зараза большевизма дѣйствуетъ не только соблазняюще и увлекающе, а еще разслабляюще и обезсиливающе, и тотъ, кто извлекаетъ изъ своей души навстрѣчу этой стихіи фальшивыя слова фальшиваго умиленія, тотъ уже находится въ орбите ея вліянія и власти... Это не означаетъ, конечно что въ этомъ рыцарственномъ движениі невозможны ошибки; что въ немъ не могутъ зарождаться опасные отг҃енки и уклоны, что оно свободно отъ всякихъ заблужденій и не подлежитъ критикѣ. Напротивъ мы должны все время бодрствовать, провѣрять себя и очищаться. Намъ безусловно необходима зоркая и честная самокритика; но не обезсиливающая, а ободряющая; не разрушительное глоданіе, а творческая ревизія. Мы должны учиться и чиститься на ходу.

Мы должны, не прерывая нашего служенія и не прекращая нашей борьбы, осмысливать нашу природу, формулировать наши принципы, закрѣплять наши грани и неустанно ковать и совершенствовать нашу организацію. Впереди у насъ труднѣйшія и отвѣтственнѣйшія задачи; а слово наше не можетъ, не должно и не смѣеть расходиться съ дѣломъ. Тотъ не съ нами, кто обижается на слова честной и творческой критики. Передъ лицомъ Россіи и ея трагедіи мы повинны другъ другу правдою, возраженіемъ, а если нужно, то и критикой. Мы уже достаточно цѣнимъ другъ друга и достаточно вѣримъ другъ другу для того, чтобы не только утвердить за собою это право, но и для того, чтобы превратить его во взаимную повинность.

Именно таковъ духовный смыслъ тѣхъ сомнѣній и опасеній, которыя я имѣю здѣсь высказать по вопросу о русскомъ фашизмѣ — За послѣдніе десять лѣтъ рыцарственное движение, которое во всемъ его міровомъ объемѣ слѣдуетъ обозначить, какъ бѣлое движение, завязывается, крѣпнетъ и развертывается въ самыхъ различныхъ странахъ и подъ различными наименованіями. Впервые оно началось у насъ въ Россіи (въ концѣ 1917 года), гдѣ оно по необходимости сразу получило военную организацію и вылилось въ форму междуусобной войны. Вслѣдъ затѣмъ оно зародилось въ Германіи, въ Венгріи и въ 1919 году — въ Италіи; здѣсь оно постѣ трехлѣтней организаціонной подготовки и нѣсколькихъ героическихъ столкновеній, овладѣло государственнымъ аппаратомъ и создало такъ называемый «фашистскій» режимъ. Этотъ политическій успѣхъ заставилъ нашихъ современниковъ говорить и думать о фашистскомъ «методѣ» (т. е. о вѣрномъ способѣ) борьбы съ большевицкой заразой, и вызвалъ организаціонныя подражанія въ другихъ странахъ (Франція, Англія, Чехословакія). И, какъ это нерѣдко бываетъ въ человѣческой дѣятельности, случилось то, что одна изъ формъ бѣлага движенія (именно національно - итальян-

ская), имѣвшая на мѣстѣ серьезный успѣхъ, заслонила собою другія драгоценныя и необходимыя формы и дала свое имя всему движенію въ цѣломъ. Я хочу этимъ сказать, что бѣлое движеніе въ цѣломъ—гораздо шире фашизма и но существу своему глубже фашизма. Или, если угодно: бѣлое движеніе есть родовое понятіе, а фашизмъ есть видовое понятіе; и поэтому мы не должны впадать въ ту распространенную ошибку, при которой человѣкъ упускаетъ изъ-за частнаго, единичнаго видоизмѣненія — общую, родовую и глубокую сущность. Эта ошибка ведетъ къ тому, что люди утрачиваютъ духовный смыслъ явленія, не видяще его исторической перспективы, упускаютъ изъ вида другія, новыя, творческія возможности и начинаютъ подражать ослѣпившему ихъ явленію, воспроизводя его, какъ своего рода спасительное средство. Бѣлое движеніе шире фашизма потому, что оно можетъ возникать и исторически возникало по совершенно другимъ поводамъ и протекало въ совершенно иныхъ формахъ, чѣмъ фашизмъ. Оно глубже фашизма потому, что именно въ фашизмѣ совсѣмъ не проявляется или недостаточно дѣйствуетъ глубочайшій, религіозный мотивъ движенія. Всюду, гдѣ въ общественной и государственной жизни люди объединяются на началахъ добровольнаго служенія, качественного отбора, безкорыстія, чести, долга, дисциплины и вѣрности и, движимые патріотизмомъ, начинаютъ на этихъ началахъ служить родинѣ—мы имѣемъ основаніе говорить о наличности бѣлаго движенія. Такое движеніе можетъ быть вызвано не только войною или революціею, но и другими опасностями—голодомъ, моромъ или наводненіемъ. Оно можетъ возникнуть и безъ всякой особой «опасности», напр., въ видѣ движенія за національную духовную культуру, за національное воспитаніе, за отмѣну рабства, или за облагороженіе національной политики. Отсюда уже ясно, что бѣлое движеніе можетъ и не имѣть военного характера (какъ было у нась), и совсѣмъ не связано непремѣнно съ захватомъ

власти или съ отверженiemъ парламентаризма (какъ было въ Италии); напротивъ, оно можетъ имѣть чисто штатскую и совершенно законную форму, и можетъ быть цѣликомъ направлено на поддержаніе и укрѣпленіе существующей власти и наличной формы правленія. Такъ, русское бѣлое движение возникло слишкомъ поздно и должно было принять гражданскую войну, начатую большевиками; но итальянское бѣлое движение сложилось своевременно и могло избавить свою страну отъ гражданской войны. Однако, бѣлымъ итальянцамъ (фашистамъ) пришлось все же рѣшиться на восстаніе и только благодаря исключительному такту Муссолини и Его Величества Короля это восстаніе не превратилось въ революцію, а стало высочайше узаконеннымъ переворотомъ; напротивъ, бѣлые англичане, во время угольной забастовки 1926 года, не начинали восстанія, но организованно поддерживали наличное парламентское, консервативное правительство. Изъ этого вытекаетъ, что бѣлое движение совсѣмъ не ведеть непремѣнно ни къ перевороту, ни къ гражданской войнѣ; оно можетъ, напр., сложиться на мирныхъ и законныхъ путяхъ, разлиться по всей странѣ, овладѣть сердцемъ и волею всего, что есть честнаго въ народѣ, и положить начало новому национальному воспитанію, новой творческой эпохѣ въ жизни страны. Нѣть единой формы бѣлаго движения, пригодной для всѣхъ временъ и у всѣхъ народовъ. Каждой странѣ нужно свое. Каждая эпоха предписываетъ другія формы. Нидерландское бѣлое движение, руководимое Вильгельмомъ Молчаливымъ имѣло иныхъ задачи, чѣмъ бѣлое движение Минина и Пожарскаго. Бѣлые германцы въ эпоху Фатера Яна и Фихта Старшаго не могли становиться на путь современныхъ фашистовъ. Бѣлые итальянцы нашихъ дней погубили бы Италию, если бы они, занявъ сѣверную половину страны, начали гражданскую войну съ южной половиной. Какъ и вся политическая жизнь, бѣлое движение есть творчество, примѣняющееся къ реальнымъ задачамъ и реальнымъ

возможностямъ страны и эпохи. И то, что спасительно въ одномъ случаѣ, можетъ оказаться вреднымъ въ другомъ. Здѣсь невозможно и не нужно слѣпое подражаніе: и въ то же время необходимо зоркое и внимательное изученіе тѣхъ условій и тѣхъ приемовъ, которые создавали и создали удачу въ другія эпохи и у другихъ народовъ.

Ещё одно. Если бѣлое движеніе совсѣмъ не есть непремѣнно фашизмъ, то съ другой стороны возможно, что появятся такие новые «фашизмы», въ которыхъ не будетъ ничего бѣлага. Сорганизоваться и сдѣлать политической переворотъ совсѣмъ еще не значить создать бѣлое движеніе, хотя бы при этомъ слово «фашизмъ» было написано на всѣхъ перекресткахъ. Тѣ перевороты, которыми изобилуетъ исторія императорскаго Рима, бывали обычно своекорыстными затѣями легіоновъ и полководцевъ; и бѣлага въ нихъ не было ничего. Таковы же военные перевороты въ современной Греціи; и мало кто согласится признать «бѣлымъ» — движеніе Гайды въ Чехословакіи. Здѣсь мало сказать, что такие-то переворотчики тянутъ «направо» и стоять «за порядокъ»; Сулла въ Римѣ стоялъ «за порядокъ» и тянулъ «направо», но о бѣлизнѣ его можно говорить только но недоразумѣнію. И именно съ этой точки зрѣнія было бы очень рискованно поставить наряду съ героическимъ и дѣйствительно бѣлымъ адмираломъ Хорти — проблематической или прямо порочная фигуры, тамъ и сямъ поднимающіяся надъ уровнемъ въ другихъ странахъ. — Именно такое пониманіе вскрываетъ первую опасность, съ которой намъ слѣдуетъ постоянно счи-таться. Эта опасность состоитъ въ томъ, что у насъ можетъ возникнуть не бѣлый «фашизмъ». По внѣшней видимости все будетъ обстоять, какъ «полагается»: «дисциплинированная» организація, «патріотическая» слова, отстаиваніе порядка, тяга направо, волевой активизмъ... А на самомъ дѣлѣ возникнетъ лишь новый расколъ и новая политическая партія, столь же партійная, какъ и другія, но только съ агрес-

сивными замашками, съ намѣреніемъ непремѣнно устроить переворотъ въ свою пользу, съ готовностью начать гражданскую войну противъ другихъ небольшевицкихъ партій и длить ее вплоть до своей партійной побѣды. Повидимому, это будетъ «фашизмъ»; но бѣлаго въ немъ не будетъ ничего. Можетъ быть это будетъ «розовый», «желтый» или «черный» фашизмъ, т. е. партійное дѣло ради партійныхъ цѣлей, прикрытыхъ патріотической словесностью. А можетъ быть и такъ, что такихъ «фашизмовъ» возникнетъ одновременно нѣсколько: каждая партія послѣ паденія большевиковъ будетъ готовить переворотъ въ свою пользу и вооружаться... пока не начнется общая гражданская война. Тогда (это можно сказать съ увѣренностью) найдутся враждебныя Россіи организаціи, которые начнутъ поддерживать эту гражданскую воину періодическими субсидіями, подогрѣвая и затягивай ее, и превращая Россію въ современный Китай... Эта опасная перспектива становится особенно вѣроятною, если принять во вниманіе: 1) нашъ русскій равнинный характеръ, всегда склонный къ несогласію, къ раздору, раздѣленію и упрямой неуступчивости; 2) революціонное время, развязавшее въ душахъ честолюбіе, склонность къ авантюризму и ко всевозможнымъ политическимъ «комбинаціямъ» (почти всегда съ негодными средствами); 3) огромные размѣры нашей страны въ обычное время, а нынѣ — нашу зарубежную разбросанность по всему миру, которая дѣлаетъ организаціонно невозможнымъ единство «фашистскаго» союза и требуетъ (для активной борьбы) множества параллельныхъ возглавленій. Пока большевицкая власть править Россіей — можетъ быть и окажется возможнымъ добиться того, чтобы политическая разногласія быти какъ-нибудь отодвинуты на второй планъ. Но надо заранѣе предвидѣть, что русскій «фашизмъ» изъ каждой страны разсѣянія, въ которой онъ складывается и растетъ — вынесетъ свои характерные уклоны, свою партійную закваску и даже свои

«ориентационныя» симпатіи, которыя въ дальнѣйшемъ выступять на первый планъ съ русскою неуступчиою страстью, съ послѣреволюціонною притязательностью и съ настоящею фанатистскою агрессивностью. А между тѣмъ, если что-нибудь можетъ погубить Россію, то это именно новая гражданская война между противо-большевицкими силами. За революцію Россія потеряла очень много, слишкомъ много для того, чтобы потерять еще что-нибудь безнаказанно. И мы, оставаясь за рубежомъ, обязаны постояннію обѣ этомъ помнить, и все время провѣрять свои замыслы и свои пути въ предвидѣніи ихъ будущихъ неизбѣжныхъ послѣдствій. — За послѣдніе годы мнѣ пришлось не разъ быть въ Италіи, видѣть фашизмъ въ реальной жизни, бесѣдовать съ фашистами и съ анти-фашистами, многое понять, провѣрить и продумать. И естественно, что я все время ставилъ передъ собою вопросъ: почему въ Италіи удалось то, что у насъ не удалось? Помимо чисто стратегическихъ причинъ (второстепенность итальянского фронта, его малые размѣры, его горный характеръ, позднее вступленіе въ войну, возможность подвоза амуниціи моремъ и т. д.), на которыхъ я не могу останавливаться, были еще политическая и духовная условия, которыхъ намъ нельзя упускать изъ вида. Среди нихъ отмѣчаю: отсутствіе сколько-нибудь серьёзного революціонного движения передъ войною; чувство «побѣды», съ которымъ Италія закончила войну; сравнительно очень небольшіе размѣры страны, облегчающіе всякую политическую организацію; своевременное (превентивное) основаніе бѣлага движения со стороны Муссолини; единство движения и единственность вождя; и многовѣковую культуру правосознанія въ народѣ. Всѣ эти условия несказанно облегчили борьбу итальянского фашизма. Но именно отсутствіе всѣхъ этихъ условій несказанно затрудняетъ дѣло русского фашизма и затуманиваетъ его перспективы. — Дѣло въ томъ, что фашизмъ есть спасительный эксцессъ патріотического произвола. И въ этомъ сразу заложено — и

его обоснованіе, и его опасности. Когда государству грозить гибель, особенно отъ морального и политического разложения массы; и когда наличная государственная власть оказывается безвольною, или бездарною, или съ своей стороны дезорганизованною и деморализованною — то спасеніе состоять именно въ томъ, чтобы патріотическое меньшинство въ странѣ, бѣлое по духу и волевое по характеру, сорганизовалось, взяло власть въ свои руки и осуществило бы все то, что необходимо для отрезвленія массы и для спасенія родины. Горе тому народу, который въ критический моментъ окажется неспособнымъ къ выполненію этого священнаго, почетнаго и въ высшей степени отвѣтственнаго, патріотического долга!.. Но этотъ спасительный актъ остается все же актомъ произвола. А судьба всякаго произвола состоять именно въ томъ, что онъ однімъ своимъ появлениемъ какъ бы взыываетъ къ новымъ актамъ отвѣтнаго произвола: онъ развязываетъ въ странѣ склонность къ политігіескимъ посягательствамъ; онъ самъ рискуетъ оказаться первымъ актомъ гражданской войны. И для того, чтобы это не состоялось, необходимо 1) чтобы движение было единымъ и единственнымъ въ странѣ; 2) чтобы въ народѣ имѣлось могучее и зрѣлое правосознаніе, съ которымъ движение должно быть тѣсно связано; 3) чтобы движение, какъ можно скорѣе само ввело себя въ рамки законности и подавило всякия новыя попытки переворота; 4) чтобы оно оправдало свое посягательство реальною государственною продуктивностью — водвореніемъ настоящаго правопорядка, хозяйственными, соціальными и культурными реформами.

Въ настоящее время намъ особенно важно учитывать первыя два условія. Русскій фашизмъ зарождается не внутри страны, а въ эмиграціі. Отсюда его разбросанность по всему міру, его неизбѣжная множественность, параллелизмъ и пестрота. Отсюда же основная трудность его развитія, ибо фашизмъ куется и крѣпнетъ въ непрестанной и напряженной

борьбѣ, ведущейся въ самой странѣ изо дня въ день; эмиграція же, представляя изъ себя несомнѣнную силу, — оторвана са-мымъ зарубежнымъ существованіемъ своимъ отъ точки для приложенія этой силы. Наконецъ, отсюда же оторванность русского фашизма отъ русской народной толщи, съ которой онъ не связанъ, къ которой онъ только еще долженъ прорваться и изъ которой онъ нынѣ не можетъ черпать живыхъ и почвенныхъ силъ для своего пополненія и развертыванія. Однако откуда нибудь онъ долженъ же ихъ все-таки брать ... Повидимому онъ можетъ ихъ брать только изъ другихъ, уже имѣющихъся въ эмиграціи бѣлыхъ и волевыхъ организаций, т. е. прежде всего и главнымъ образомъ изъ Русского Обще-Воинскаго Союза... Но здѣсь возникаетъ цѣлый рядъ новыхъ опасностей и затрудненій. — И Обще-Воинскій Союзъ, и фашистскія ячейки суть организаціи бѣлыхъ, волевыхъ и дѣйственныхъ. Въ чёмъ же ихъ отличіе? Почему русскому патріотически-мыслящему, активно-настроенному и дисциплинированному военному — лучше стать членомъ фашистской ячейки, чѣмъ хранить вѣрность своему военному кадру? Что новаго даетъ ему званіе фашиста? Право ли на активность? Но принадлежность къ Обще-Воинскому Союзу никогда не погашала этого священнаго права активной борьбы за родину ... Напротивъ. Но что же даетъ тогда фашизмъ? Повидимому два дара: политическую программу и новое возглавленіе. Но это означаетъ, что фашизмъ есть политическая партія (или, вѣрнѣе, цѣлый рядъ зачаточныхъ политическихъ партій) и что членъ Обще-Воинскаго Союза долженъ, вступая въ фашистскую ячейку, выйти, согласно Приказу 82, изъ этого союза, ибо членамъ его запрещено вхожденіе въ политическія партіи. Это запрещеніе установлено именно для того, чтобы оградить главную активную силу русской эмиграціи, армію — отъ политического распада и разброда, чреватаго въ будущемъ гражданскою воиною; чтобы удержать русскій военный кадръ въ томъ глубокомъ лонѣ

патріотическаго единенія, куда политическая партійность не проникаетъ, гдѣ нѣтъ мѣста политическимъ претензіямъ, треніямъ и неизбѣжнымъ интригамъ, гдѣ въ бѣлой ідеѣ, родины сливаются всѣ отг҃ѣнки политическихъ окрасокъ. Этимъ сберегается и ростится то, что нужнѣе всего и важнѣе всего для Россіи: патріотическій духъ и сверхпартійный военный кадръ — залогъ національного единства, якорь спасенія отъ гражданской войны. Правильно ли, необходимо ли извлекать русскихъ патріотовъ изъ этого духа и изъ этого кадра, и ставить ихъ на распутіе политическихъ программъ, политическихъ споровъ и политическихъ дѣленій? Не вѣрнѣе ли, не спасительнѣе ли создавать активныя ячейки въ предѣлахъ самого Обще-Воинскаго Союза? Увлекаетъ ли умы модное слово «фашизмъ» и нетерпѣливо желаніе ввести его у насъ? Но не пора ли намъ перестать предаваться этой торопливой подражательности? Когда мы поймемъ, что вообще нѣтъ спасенія въ заимствованіїХъ,—все равно, заимствуется демократизмъ или фашизмъ? Когда мы поймемъ, что въ частности русское бѣлое движеніе уже идетъ и должно и впредь идти путями самостоятельного творчества, и что наша бѣлая организація — это нашъ Обще-Воинскій Союзъ, который надо только тѣснѣе сплочивать и беречь? Или, быть можетъ, это есть нетерпѣніе — скорѣе перейти изъ вѣнополитической атмосферы военного служенія въ политическое партизанство, съ его многообразнымъ и разнообразнымъ возглавленномъ? Но, если желаніе подражать бѣлымъ итальянцамъ такъ сильно, то надо прежде всего понять, что въ Италіи фашизмъ отроился не снизу, не отъ партизанской ячейки, а сверху, отъ Муссолини и его ближайшихъ, строго подчинявшихся ему сотрудникамъ; что Италія спаслась именно своими небольшими размѣрами и безспорной единственностью вождя, въ которому соединились патріотическая идейность, замѣчательная политическая интуиція, властная воля, умѣніе выбирать людей и чувство мѣры и такта; что

именно это сдѣлало итальянскій фашизмъ не множествомъ безсильныхъ водоворотовъ, а единымъ могучимъ приливомъ, который поднялся но единой волѣ и вновь улегся по ея указу ...— Это было величавое историческое зрѣлище: — соединеніе инициативнаго произвола съ огромной дисциплиной; патріотическаго возстанія съ поддержаніемъ въ странѣ правопорядкомъ; это была армія, побѣдившая одною своею мобилизациею и распущенная по домамъ безъ генеральна-го сраженія. Напрасно было бы думать, что это «легко по-вторить» или что это «всѣ могутъ»... Нѣть; за этимъ скрываются тысячелѣтнєе правосознаніе, воспитанное римскимъ правомъ и римскою церковью, — огромная дисциплина, обратно пропорціональная размѣрамъ страны... Имѣется ли это въ Россіи, въ русскомъ характерѣ, въ русской на-родной массѣ? Можетъ ли найтись въ Россіи, да еще послѣ такой революціи, правосознаніе, которое не допустить до возникновенія множества разныхъ «фашизмовъ»; которое наполнить актъ патріотическаго произвола — политическою рыцарственностью, имущественной корректностью и дисци-плиной, прямо пропорціональной размѣрамъ нашей страны; которое сумѣеть найти необходимыя и вѣрныя границы для своего произвола и не превратится въ погромную партизан-щину? Или, еще короче: сумѣеть ли русскій политическій фашизмъ, ячейкамъ котораго уже нынѣ тѣсно и душно въ свободной формѣ Обще-Воинскаго Союза, сумѣеть ли онъ остататься бѣлымъ? Тяготясь военной дисциплиной (Приказъ 82!), сумѣеть ли онъ создать равносильную еи полувоенную или штатскую дисциплину? Не рискуеть ли онъ незамѣтно промѣнить патріотизмъ на партійность, растерять свою бѣлизну въ чисто политической борьбѣ и выродить свое служеніе въ исканіе личнаго успѣха? А если возникнетъ не бѣлый фашизмъ, то къ чemu приведеть онъ въ Россіи — къ возсоединенію и возрожденію, или къ новой формѣ граждан-ской войны? Бѣлый духъ есть не духъ части, а духъ цѣлаго;

онъ ищетъ не власти, какъ всякая политическая партія, а служенія родинѣ, какъ всякая вѣрная армія...—

Таковы тѣ сомнѣнія, которыя я считаю необходимымъ поставить передъ умственнымъ взоромъ русскаго зарубежнаго патріота и фашиста, и тѣ опасенія, которыя я хочу довести до свѣдѣнія его бѣлаго сердца. Не въ необходимости борьбы я сомнѣваюсь; а въ необходимости переходить къ формамъ политической организаціи. Наша борьба необходима и священна. Но она должна оставаться бѣлой борьбой. Останется ли она бѣлою, вступивъ на партійные пути — въ этомъ мое опасеніе... Я опасаюсь не активизма, направленнаго противъ врага: напротивъ. Но я опасаюсь эмигрантской «политики», которая такъ часто съ трудомъ собираетъ средства лишь для того, чтобы поддерживать нежизненные и раскалывающія организаціонныя формы... Духъ русскихъ фашистовъ — патріотической, волевой и активный; не для осужденія этого духа я взялся за перо. Но для того, чтобы сказать моимъ бѣлымъ братьямъ, фашистамъ: берегитесь беспочвенной, зарубежной «политики» ! Она таитъ въ себѣ опасность разложенія и утраты бѣлаго духа ...

prof. И. А. Ильинъ.

(Источникъ: «Русский Колоколъ». Журнал волевой идеи. Редактор И. А. Ильин. — Берлин, № 3 / С. 54—64)

Въ качестве «вишенки на торте», приводим небольшую заметочку из тг-канала небезызвѣстнаго из-следователя «Русской мысли» Модеста Колёрова: «Ильин и «Майн Кампф». Из моей новой книги. Читатели спросили у меня, с чего я взял, что Ильин читал этот манифест Гитлера. Я сказал, что есть тому свидѣтельство, но не было времени его искать. Вот оно. Шмелёвъ прямо апеллирует к нему в общении с Ильиным: «Конфидент Ильина писатель И. С. Шмелёв со знанием дела, вовсе не опасаясь обидеть своим сравнением собесед-

ника, хвалил книгу Ильина «Основы борьбы за национальную Россию» в письме от 8 декабря 1938 г., когда Ильин уже несколько месяцев как бежал из гитлеровской Германии, — сравнением её с книгой Гитлера. Он писал о труде Ильина: «Это книга великого покаяния нам и очищения. Эту книгу надо бы перевести для всех западных гордецов и “автократов”, это блестящая “Майн Кампф”, но сколь же светлая, человечная и гуманная — русским гуманизмом — исповедь откровение!» (Иван Ильин, Иван Шмелёв. Переписка двух Иванов (1927–1935) / Сост. Ю. Т. Лисица. М., 2000. С. 247)» (t.me/Modest_A_Kolerov/11109).

Алексий Ставровский

ЕВГЕНИЙ РОДИОНОВ

23 мая - день памяти святого русского воина-мученика Евгения Родионова.

Евгений Родионов был казнён в чеченском плену 23 мая 1996 года. В убийстве русского юноши признался Руслан Хайхороев, в присутствии иностранного представителя ОБСЕ он рассказал: «...У него был выбор, чтобы остаться в живых. Он мог бы веру сменить, но он не захотел с себя креста снимать. Бежать пытался...». 23 мая, в собственный 19-й день рождения, после 100 дней плена и жестоких пыток, Евгению Родионову и его сослуживцам было предложено снять нательный крест и принять ислам. Евгений Родионов отказался снять крест, за что был обезглавлен. Сегодня Евгений Родионов является местночтимым святым в православных церквях Сербии и США, в российской РПЦ - этот вопрос пока не решён. Тем не менее, в десятках храмах, стоящих на русской земле, есть иконы, изображающие Евгения Родионова. Сегодня разные белосовки и совпатриоты взяли на свои знамёна имя мученика Евгения Радионова и прикрываются им, как и многими другими святыми русскими именами, тем самым оскверняя их память и подвиг. Важно уяснить, что мученик Евгений Родионов пострадал и отдал жизнь за Истину, за Бога, пострадавши от иноверцев и инородцев, тех же самых, которые и сегодня являются «высшей кастой» в иерархии антирусского паханата под названием РФ, те же чеченцы, кадыровцы что замучили Евгения и многих ещё русских ребят, парней, они сегодня что-то говорят нам, строят из себя людей благочестивых и учат русских жить (существенно, возможно поэтому подсоветская РПЦ МП не канонизировала Евгения). Только вдумайтесь теперь в абсурд всего

этого белосоветского мифа, примирения советии и России, Бога и сатаны, Христа и антихриста, сегодня эти же нелюди, которые убивали русских в Чечне, они творят такое же с славянами, православными украинцами и самыми близкими из народов по крови к русским, с нашими братьями, одной Церкви и одной Руси, крещённой равноапостольным князем Владимиром. Попы-политруки из МП топят с амвонов за «русско-чеченское боевое братство» (А.Ткачёв). И с амвонов же (тот же Ткачёв) требуют кастрировать «бендеровцев» (у коих, кстати, у всех – кресты на груди). В следующей проповеди «батюшка»-политрук, видимо, потребует отрезать «бендеровские» бошки, в чём «боевые братья» преохотно подсобят... Целая плеяда «русских патриотических» балаболов пытается объяснить, что фактический приоритет чеченской версии шариата и адатов над законами РФ - это если и не хорошо, то нормально. Кричать «Ахмат сила!» и носить шеврон ичкерийских цветов - это сегодня называется «русским патриотизмом». Выступать против войны с Украиной - это сегодня русофobia. Где-нибудь в 2000-м году никто бы в такое не поверил. А сейчас - ничего, «пипл хавает». Братья китайцы, братья чеченцы, враги - украинцы... Какой-то извращённый кошмарный сон вместо реальности.

(<https://t.me/s/NashPut83>)

д-р Эдуард Юрченко

МЯТЕЖ-ВОЙНА И УКРАИНА

INTRO: Иван Ильин известен своим сотрудничеством с Русским Обще-Воинским Союзом, основанным ген. П.Врангелем. О контактах И.И. с «Суворовским Союзом» ген. Б.Хольмстон-Смысловского нам неизвестно (хотя сия военная Организация для 1950-х гг. была в плане дееспособности чем-то аналогична РОВС образцу 1920-х гг). Зато хорошо известно о соработничестве И.Л.Солоневича с ген. Смысловским и его «СС». И хотя И.С. «разорился» с «СС» и его главой – период их *Entente Cordiale* был довольно плототворен. Часто встречается суждение о чуждости русским белоэмигрантам какого-либо намёка на «расовое мышление». Но как минимум два эмигрантских военных теоретика времён «Холодной войны» обладали ярко выраженным расовым самосознанием – Б.А. Хольмстон-Смысловский и его подчинённый по Суворовскому союзу, автор концепции «мятеж-войны» Е.Э. Месснер. Корейская и Индокитайские войны интерпретировались ими как столкновение белой и жёлтой рас; оба осуждали процесс деколонизации, обеспечивали в русской публицистике чёткую линию на поддержку ЮАР и Родезии. Ниже – любопытный опыт применения концепции «Мятеж-Войны» к т.наз. СВО.

Концепция мятеж-войны была выдвинута военным теоретиком Евгением Эдуардовичем Месснером, бывшим офицером российской Императорской, а позже Белой армии. Её можно считать оригинальным взглядом на явление, которое в современной военной теории определяется как «война четвёртого поколения». Концепция Месснера интересна для нас вниманием, которое в ней уделяется именно социально-

философским аспектам современной (пост-современной) войны.

Мятеж-война - это, прежде всего, война, в которой побеждает иррегулярный подход, обуславливающий её основные черты: разрушение границы между войной и миром (в привычном понимании этого слова), радикальный рост роли добровольческих и партизанских формирований, решающее значение психологического фактора, нечёткая граница между гражданским населением и войском.

Разберём эти черты последовательно.

Разрушение границы между войной и миром тесно связано с явлением, которое Месснер, уже в 1960-е годы, определяет как агрессо-дипломатию. «Уже сейчас классическая дипломатия частично вытеснена агрессо-дипломатией с её переворотническими действиями. Уже сейчас происходят «половойны»: Греция воевала против Турции с помощью Греваса на Кипре, африканские государства формируют легионы для поддержки алжирского восстания, то есть для войны против Франции. В таких полувойнах воюют партизанами, «добровольцами», подпольщиками, террористами, диверсантами, массовыми вредителями, саботажниками, пропагандистами в стане врага и радио-пропагандистами [...] И теперь даже глупое правительство понимает необходимость иметь «пятые колонны» в земле враждебной и нейтральной, а видимо, – и в союзной. Поэтому, в эпоху великого смятения душ, война может легко получить форму мятежвойны...». Таким образом, видим, что ситуация «ни войны, ни мира», которая когда-то была большевистским «ноу-хау», превращается из исключения в правило. Интересно, что агрессия РФ против Украины может считаться выходом этой ситуации на качественно новый уровень.

Рост роли добровольческих и партизанских формирований - наверное, самый интересный аспект мятеж-войны. На историческую арену возвращаются те, кто прежде всего хо-

чет воевать. Воины по своему экзистенциальному типу. На первый взгляд, этот пункт можно связать с предыдущим и считать иррегулярные формирования более подходящими для ситуации «ни войны, ни мира». Но не всё так просто. Иррегулярные формирования играют активную, возможно, решающую роль в конфликте, который сейчас происходит на востоке Украины не только со стороны сепаратистов (которые, в принципе, официально не имеют регулярных сил), но и со стороны Украины. Высшая мотивация добровольцев сама по себе не объясняет этого явления. Регулярные силовые структуры достаточно мотивированы вести борьбу с врагом, и власть пока не оказалась в ситуации, когда добровольцы являются её последней надеждой. Вопрос в другом: мятеж-война имеет свою логику и свои законы. Иррегулярные украинские части не имеют высшей мотивации, чем регулярные «силовики», они воюют, потому что адаптированы к мятеж-войне самой своей сущностью. Формальные их различия, вроде высшей инициативности и гибкости являются следствием, а не причиной.

Решающим в мятеж-войне является значение психологического фактора. «В классических войнах психология была дополнением к оружию. В революционных войнах к психологии войска присоединяется психология народных движений. В мятеж-войне психология мятежных масс отодвигает на второй план оружие войска и его психологию и становится решающим фактором победы или поражения». К совершенно верному определению Месснером роли психологического фактора надо добавить один важный комментарий: «мятежная масса «является не субъектом мятеж-войны, а «питательным бульоном», в котором этот субъект зарождается. Война остается делом не просто немногих, а абсолютного меньшинства. Другое дело, что это меньшинство является порождением этой самой «мятежной массы» (хотя имеет уже и качественно отличные от массы черты)».

Здесь мы переходим к следующей черте мятеж-войны: нечёткая граница между гражданским населением и войском: «у мятеж-войны нет ни организационно-административной, ни психологической границы между страной и театром военных действий, между народом и воинством, а потому только воинская дисциплина побуждает войско мужественнее переживать горести и тяготы войны, чем переживает бок-о-бок с ним воюющий народ. Но и это мужество несколько ограничено: уже в мирное время антимилитаризм свободно проповедуется в народе, подрывает в воинстве веру в святость своего предназначения, демократизм ослабляет в нём почтание командирского авторитета, материализм убивает в нём уверенность в победоносности духа над материальными факторами войны». Парадокс заключается в том, что тотальный (в социальном плане) характер мятеж-войны порождает не эгалитарные (стремящиеся к равенству), а наоборот – элитарные трансформации в военном искусстве. Приведённые выше негативные последствия морального разложения общества превращаются в фактор разложения войска.

Здесь стоит вспомнить ещё одну мысль Месснера: «в каждый момент войны не требовать от субъекта воевания большего психического усилия, чем это допускают его психические свойства». Проще говоря, какой бы ни была всеобщая война, воевать могут не все, а воевать эффективно могут ещё меньше людей. Но война всегда имеет субъект, и этим субъектом в мятеж-войне становится доброволец, точнее доброволец нового типа. В предыдущих войнах добровольцы были важным фактором, но далеко не решающим. Плюс не стоит забывать, что моральная атмосфера в обществе ещё несколько десятков лет назад была намного адекватнее. Сегодня мы наблюдаем неприспособленность социума к ведению войны, и эта неприспособленность перебрасывается на войско. В этой ситуации феномен добровольца - это феномен особого человеческого типа, который порождается вопреки всей логике современного деградированного общества.

С социально-философской точки зрения можно утверждать, что мятеж-война является порождением современности, которое диалектическим образом эту современность убивает. Проект модерна имел своим фундаментом веру в равенство, прогресс и рациональность. Мятеж-война порождает тотальное антропологическое неравенство между воинами по своему типу и неприспособленным к войне в целом, которого мятеж-война принуждает быть её объектом независимо от его воли. Мятеж-война несёт в себе гроздья архаики, которые не совместимы с прогрессом в стандартном понимании этого слова, более того, – эта архаика в своём психологическом и идеологическом аспекте является важным элементом победы. Мятеж-война является глубоко иррациональной и по своей психологии, и по своим методам, и по своим организационным формам (как бы последнее дико не звучало).

Выводы для Украины. Сегодня наша страна втянута в противостояние, имеющее все признаки мятеж-войны и, даже больше, может считаться её выходом на новый уровень, который трудно было представить в 1960-е, во времена зарождения этой концепции. Несмотря на трагизм ситуации, мы должны найти в этом опыте ключ к будущему лидерству Украины. Парадоксальным образом мы можем оказаться в авангарде мирового военного искусства. Кроме того, наша война порождает, просто на глазах, поколение молодых ветеранов, которые пошли на неё не просто добровольно, но и нередко преодолевая сложности, которые им создавало государство, кое они фактически защищают. Это особый человеческий тип, который сегодня находит свою идентификацию, свой миф, свой взгляд на действительность, окружающую его. Война “отец всего”, как говорил великий философ Гераклит, и сегодня она порождает новую украинскую аристократию.

(<https://telegra.ph/MYATEZHV%D0%86JNA-TA-UKRAIN-03-19>)

КРЕСТ НА ДЬЯВОЛА, МЕЧ НА КРАСНЫХ ДЬЯВОЛЯТ!

/Крестом и Мечом: Духовенство христианских церквей в борьбе с Коммунизмом / Сост. Р. Бычков, протоиерей. М.: Опричное Братство, 2021. - 136 с.: ил./

Перефразируя одного великого Антикоммуниста, можно бы сказать: «те, кто видят в Коммунизме лишь социальное и политическое движение, ничего не понимают в нём». Корни Коммунизма – религиозны, и эта религия есть сатанинская «замена неудавшегося Христианства» (Ф.М.Достоевский). «Мы должны подкопаться под веру и истребить в душе неверных самое понятие о Боге и душе, заменив эти идеи математическими исчислениями и материальными потребностями. Когда нам удавалось лишать народные массы их веры в Бога, всякий авторитет повергался в грязь и делался общественным достоянием, а мы делались господами масс» (Из «Протоколов Сионских Мудрецов»); «Они называют себя коммунистами. Братия и сестры, давно пора оставить это нелепое слово, которое совершенно не отвечает действительности. Никакой коммуны там нет, там просто самый настоящий сатанизм» (Архиепископ Аверкий (Таушев)); «Церковь разваливается, этому нам надо помочь, но никоим образом не возрождать её в обновлённой форме. Поэтому церковную политику развала должна вести ВЧК, а не кто-либо другой. <...> Наша ставка на коммунизм, а не религию. Лавировать может только ВЧК для единственной цели — разложения попов» (Из письма Ф.Э.Дзержинского М.И. Лацису от 9 апреля 1921 г.). Соответственно сему, и Христианская Борьба против коммунистического сатанизма должна иметь выраженный Крестоносный характер: на диавола – Крест, а на диаволовых слуг – Меч!

Коммунистическая «Программа» изначально содержала в себе пункты об «уничтожении семьи, частной собственности и государства», но первое и главное всего – об уничтожении Веры и Церкви... Когда богооборный Коммунизм стал захватывать одну страну за другой, очевидно, что служители Веры и Церкви (во всяком случае, наиболее ревностные из них), не могли оставаться «безответными»... Вклад Священства Христианских Церквей в Антикоммунистическую Борьбу в XX веке – тема, доселе недостаточно изследованная. Данный Сборник представляет собою не более (но и не менее), нежели «первое приближение» к раскрытию сей крайне интересной и крайне достопоучительной «темы»... Первый Коммунистический «заглот» состоялся в России – и роль священства Русской Православной Церкви в сопротивлении ему – исключительна. На территориях, контролируемых Добровольческой армией ген. Деникина, в Ставрополе в мае 1919 г. состоялся Юго-Восточный Поместный Собор Русской Православной Церкви, в Деяниях коего, среди прочего, было сказано: «Гидра большевизма и после всех ударов, нанесённых ей нашими доблестными армиями с их безпримерными вождями-патриотами Христианами, стоит ещё с поднятой головой... Церковь должна поднять и Крест и Палицу свою против этой гидры, как подняла бы она всё оружие своё против Антихриста...». В России, в Италии, в Германии, в Испании, в Португалии... и снова в России наших дней, возвратившейся на «блевотину» Совка (Притч. 26, 11), слова сии – присно-актуальны... Как присно-актуальны и «уроки» Церковной антикоммунистической Борьбы.

Подготавливая к печати настоящий Сборник, составители мыслили его как «первый выпуск» в некоей «серии». Ибо имеющегося материала (даже с учётом того, что составители обладают лишь отрывочными сведениями о Церковной борьбе с Коммунизмом), хватило бы с лихвой на добрый десяток тематических сборников. Возможно, что

не «десяток», но ещё два-три выпуска получится собрать и издать. Покамест же, приведём в сей рецензии пример ярого борца-антикоммуниста в священном сане, относящийся к Финляндии (финская история замечательна ещё и тем, что Финляндия была одной из стран, где в тамошней «гражданской войне» победили Белые). Знакомьтесь: пастор Элиас Симойоки – вождь финских чёрнорубашечников. Он родился на западе Финляндии, Остроботнии, отец растил сына в национал-патриотическом духе. Биографы Элиаса Симойоки отмечают в нём сочетание лютеранского благочестия и общественной активности с темпераментом и развитым чувством юмора. Будучи 19-летним юношей он переживает все ужасы гражданской войны, участвует в битве за Тампере на стороне Белых, что оставляет неизгладимый след в сознании молодого человека. Посреди всей этой пляски смерти рождалась неописуемая смелость, жертвенность и духовный подъём, которые никогда бы не смог показать мир. Два раза Симойоки участвовал в освободительных походах в Карелию. Во время Олонецкого похода попал в плен к большевикам, но смог бежать. Второй поход, известный также как Карельское восстание, несмотря на первоначальный успех в конце концов не увенчался успехом. Симойоки обвинил в этом правительство Финляндии, которое не выделило достаточно войск для того, чтобы провести границу по Свири тем самым обезопасив страну. В 1922 году Элиас Симойоки становится одним из учредителей Карельского академического общества (AKS). У истоков стояли вернувшиеся из карельских лесов воины, которых объединял гнев и ненависть по отношению к большевизму. Главной целью было назначено возрождение Карелии и Ингрии. «Клянусь под нашим знаменем, во имя всего святого и дорогое для меня, пожертвовать жизнью ради моей родины, ради национального пробуждения Финляндии, Карелии и Ингрии, ради Великой Финляндии. Как верю я в единого Бога, верю я в Финляндию и её великое

будущее» — такую клятву произносили все участники перед вступлением в ряды общества. Опыт войны оказал сильное влияние на мировоззрение Симойоки, как и на других его сверстников по всей Европе оказала Великая война и связанные с ней конфликты. Освобождение Карелии и создание национальной христианской Финляндии стали главными целями в жизни Элиаса. Слияние христианства и национализма имело место во многих странах того времени. Симойоки принадлежал к пробужденцам — последователям одного из распространённых в Остроботнии направления в лютеранстве. Многие пробужденцы видели в национализме опасную светскую идеологию. Тем не менее, именно эти два идеала бушевали в голове молодого лютеранского священника, в конечном итоге создав синтез: Слово Божие и Вера есть высшая ценность, и проведены в жизнь они были через финский народ. По этой причине AKS имело лютеранскую основу. В узком кругу руководства AKS будет сформулирован лозунг: «Против дьявола и руссей!». AKS рассматривало освобождение Карелии как конечную цель существования общества, которую невозможно осуществить без религиозной, патриотической и здоровой молодёжи: «Когда молодёжь встаёт под знамёна, её место не в лекционном зале и ей не нужно знать теорию фашизма или национал-социализма, ей просто нужно: верить, повиноваться и сражаться» — говорил Симойоки. Отчасти поэтому Симойоки, примкнув к Лапуаскому движению, а затем и к IKL, стал во главе Синимустат - молодёжного крыла движения. “Сине-чёрные”, так переводится название этой организации, были чем-то вроде патриотических бойскаутов. Симойокиставил целью не только разжечь в юных сердцах националистическое пламя, но и вывести городскую молодёжь из зоны комфорта. Сине-чёрные организовали несколько лагерей боевой и политической подготовки. Там проводилось военное обучение активистов, читались политические лекции, устраивались патриотические концерты.

Униформа членов Синимустат состояла из чёрной рубашки (цвет итальянского фашизма) и синего галстука (один из цветов испанского фалангизма). В качестве приветствия использовался римский салют. Синимустат поддерживали связи с Гитлерюгендом и итальянским Балилла. Сине-чёрные старались активно поддерживали эстонских ультраправых националистов-вапсов. Элиас Симойоки помог получить вид на жительство в Финляндии лидеру вапсов Артуру Сирку. В декабре 1935 Синимустат принял участие в мятеже вапсов против правительства Константина Пятса. Однако мятеж был подавлен. Это привело к запрету Синимустат в Финляндии, введённому 23 января 1936. Симойоки получил предупреждения от властей. С началом Зимней войны Элиас Симойоки добровольцем ушёл в армию и служил в качестве армейского капеллана. Первые недели войны были удручающими для него, он чувствовал приближающийся конец. Он умер в Карелии - на земле, которую так любил и за которую сражался всю жизнь. В боестолкновении близ Импилахти 25 января 1940 он был убит пулемётной очередью, задержавшись под огнём, чтобы пристрелить смертельного раненную лошадь. Командир полка, в котором служил Симойоки, сказал: «Если бы у нас был финский флаг, мы бы накрыли им Элиаса». Мальчиком Элиас с детства любил ухаживать за животными, сострадание к братьям нашим меньшим в последствии и стало причиной его смерти. У Симойоки есть много общего с другими религиозными радикалами, такими как например Корнелиу Кодряну. Многие из них были из семей среднего класса, в юности пережили национальный подъём на фоне крупных исторических изменений. Всех их также объединял мощный идеализм, который было очень трудно применить в практической политике. Тем более, что Симойоки призывал к братству, храбрости и жертвенности - к лучшим человеческим качествам, проявляющимся в величественные мгновения войны, которые он сам никогда ис-

пытал, и которые в мирное время не пользовались особым спросом. «Если ты хочешь быть великим в любви, ты должен быть великим в гневе. Чем страстнее гражданин любит свою страну, тем сильнее он должен ненавидеть её врагов» — так говорил Элиас Симойоки» (<https://telegra.ph/EHlias-Simojoki--vozhd-finskih-chernorubashchikov-10-16>). Средь служителей Церкви в Финляндии, пастор Симойоки был «не один такой». Вот ещё яркий пример: «Калерво Куркиала (Kalervo Kurkiala) был финским солдатом и впоследствии пастором. В Первую мировую войну он служил добровольцем в немецкой лёгкой пехоте, его первое сражение прошло на реке Миса в Латвии в 1916 году. В Гражданской войне в Финляндии (1918) он командовал батальоном в Белой армии. После рукоположения в 1919 году Куркиала некоторое время был военным капелланом, затем пастором и учителем, а также служил с моряками в Австралии. Во Вторую мировую войну Куркиала вызвался капелланом в финский добровольческий батальон СС. В составе батальона участвовал в боях на юго-западе России и на Кавказе. После войны он работал в Швеции, где был пастором и учителем, выйдя на пенсию в 1964 году. Куркиала умер 26 декабря 1966 года в Швеции. Его биография была опубликована Иивари Рямя в 1994 году под названием «Jääkäripapin pitkä marssi».

Имя «Элиас» се финский аналог библейского «Илия». Св. Илия-Пророк – Божий Служитель, отличительною чертой коего выступает «огненность». Стихия Божественного огня – его стихия, но это и стихия всех Священнослужителей-Белогвардейцев. Есть различие в огнях. Средь них огонь Любви и Богоизвестия-гностиса, горящий в сердцах Верных; в то время как огонь ада горит в сердцах неверующих. Когда огонь любви зажигается в сердце верующего, он сжигает всякое стремление к тому, что «опричь» Бога, и все поминания, кроме Его поминания. Как сказал Господь Иисус: «Тот, кто близок ко Мне, – близок к Огню, а тот, кто далеко от Меня, –

далёк от Царства» (Евангелие от Фомы, 82). Об преподобном Элиасе Симойоки говорили, будто бы Северное сияние сверкало в его глазах. У поэта-барда Александра Непомнящего есть строки: «И нам не нужно будет много слов, чтобы узнать Врага: мы узнаем его – по чуждому блеску глаз!». Воистину так: в очах Белых – Северное сияние Рая, в зыркалах Красных – всполохи Адского огня... И не надобно «лишних фраз», надобен лишь Крест-Меч, низвергающий исчадия Адова в породившую их преисподнюю утробу. Благословенны те, кто в огне Божественной Любви несёт огонь Божественного Возмездия тем, кто предопределён отправиться в «огонь вечный, уговариванный сатане и ангелам его» (Мф. 25, 41).

Роман Раскольников

д-р Джон Ламонт

РУССКИЙ ФИЛОСОФ АЛЕКСАНДР ДУГИН: ЗАЩИТНИК ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ ИЛИ ОПАСНЫЙ ОККУЛЬТИСТ?

Некоторые консерваторы на Западе выразили сочувствие россиянам в их войне против Украины. Это сочувствие трудно оправдать, исходя из хорошо известных фактов: целью российского вторжения в Украину является уничтожение украинской нации, и эта цель достигается с особой жестокостью. Как же консерваторы могут сочувствовать РФ или защищать их позицию? Блестящий татарский историк Камиль Галеев предложил такое объяснение в Twitter: «Как изначально одомашнивали крупных животных? Мне очень нравится теория о том, что древние люди использовали тот же трюк, что и современные охотники, — солевые ловушки. Они давали животным соль (в которой те очень нуждались), и те приходили. Даже в животноводстве есть элемент подкупа и переговоров. ... Нужно давать людям то, чего они хотят. Чего же они хотят? Обычно это очень просто понять, они не будут молчать об этом. Хотя они могут выражать это косвенно, через проекции. ... Правые силы Запада мечтают о великой христианской консервативной державе, которая спасёт их от «прогрессистов». Они мечтают об этом днём и ночью. ... они проецируют свою потребность на ближайшего доступного кандидата — Владимира Путина, воспринимая его как отца» (<https://twitter.com/kamilkazani/status/15038295908460552>).

Путин знает об этих надеждах и подыграл им своей публичной критикой *woke ideology*. Многие консерваторы, жаждущие соли, согласились с его изображением России и российского правительства как сторонника традиционных христианских ценностей в противовес либеральному, анти-

христианскому Западу. Они считают, что Россия в основе своей на правой стороне, и это восприятие усиливается тем фактом, что их либеральные враги на Западе поддерживают Украину. Отсюда их отношение к нынешней войне.

Одним из проявлений таких консервативных надежд является уважение, которое некоторые проявляют к российскому мыслителю Александру Дугину, чей упорный труд и свободное владение английским языком завоевали большую аудиторию на Западе. Гэвин Эшенден (Gavin Ashenden), заместитель редактора «The Catholic Herald», «Католического вестника», является примером. Эшенден, бывший капеллан королевы Елизаветы II, был принят в Римско-католическую церковь в 2019 году. Эшенден высоко оценил работу Дугина и осудил западную прессу за то, что она называет его фашистом: «Удивительно, что этот ярлык используется даже в самых престижных из наших газет. Как стало приемлемым использовать этот термин в качестве общего, случайного оскорблении без каких-либо доказательств?» <https://ashenden.org/2022/09/08/we-need-the-truth-about-western-expansion-to-save-ukraine-from-further-suffering-to-avoid-nuclear-war/>). Защиту Дугина также взял на себя Майкл Миллерман в First Things. Миллерман описывает Дугина как «мистического философа-короля», «главного идеолога, создавшего идеологически последовательную альтернативу западной политической современности», который предлагает многообещающий путь вперёд, воплощающий идеи Хайдеггера (<https://www.firstthings.com/article/2023/02/alexander-dugin-explained>).

Фраза «идеологически последовательная альтернатива западной политической современности» отражает суть обращения Дугина к тем консерваторам, которые сами являются идеологическими противниками западной современности и склонны считать, что любой, кто выступает против неё, является их союзником. Дугин, безусловно, противник западной современности, и его мысли во многом характерны для рос-

сийского общества и интеллектуальной жизни. Его мысли стоит изучить именно для того, чтобы понять, почему консерваторы заблуждаются, если считают путинскую Россию идеологически привлекательной или многообещающей.

Традиция русского оккультизма

Мысли и карьеру Александра Дугина можно описать просто. Он посвятил свою жизнь изучению и популяризации западного эзотеризма и его слиянию с русским национализмом. К счастью, большинство людей ничего не знают о западном эзотеризме, поэтому рассказ о Дугине должен начинаться с объяснения его интеллектуальных корней и влияния.

Эти корни уходят в богатую русскую традицию эзотерического оккультного абсурдизма (в оригинале *nonsense* – прим. Пер.). После революции 1905 года Царское правительство ослабило контроль над религиозными и идеологическими движениями в Российской Империи. В результате оккультные группы расцвели и приобрели значительное влияние в русском обществе. В эти группы входила часть большевистской партии — «богостроители». «Богостроителями» руководили Александр Богданов — сооснователь большевистской партии вместе с Лениным, — Максим Горький и Анатолий Луначарский. Они считали, что религиозные мифы, ритуалы и символы — это мощные инструменты, которые следует переосмыслить, чтобы продвигать социализм и поклонение человечеству, а не просто отбросить. Их проекту противостоял Ленин, который был убеждённым материалистом и победил в борьбе за власть в партии. Богданов отошёл от политики и занялся исследованиями переливания крови как средства продления человеческой жизни. Он умер в результате неудачного переливания крови в 1928 году. Луначарский сохранил своё место в большевистском руководстве и стал первым народным комиссаром просвещения в Советском Союзе. Он пытался заручиться поддержкой оккультистов для советско-

го режима. После его смерти в 1933 году (что удивительно, по естественным причинам) память о Луначарском была стёрта в Советском Союзе. Он был реабилитирован в 1960-х годах, и возрождение интереса к его идеям сопровождалось всплеском увлечения оккультизмом в советском обществе.

Вячеслав Менжинский, глава ОГПУ с 1926 по 1934 год, был самым влиятельным большевиком с оккультными связями. До революции Менжинский входил в круг поэта-сатаниста Михаила Кузмина и писал строки, выражающие взгляды, схожие с дuginскими («Не каждый может постичь / Чудесное искусство видеть в унылых заповедях / Лишь маяки для смелых искушений» [Даём в обратном переводе с аглицкого – Пер. У Д.Л. процитировано так: ‘Not everyone can grasp/The wondrous art of seeing in dreary commandments/Lighthouses only for bold temptations’]). Он был наставником Сталина в искусстве придумывать воображаемые заговоры, чтобы оправдать уничтожение реальных или потенциальных политических оппонентов, а также в организации показательных процессов на основе этих заговоров. Stalin зависел от Менжинского в вопросах захвата власти и колективизации сельского хозяйства и никогда не сомневался в его преданности. Дональд Рейфилд отмечает: «Мессианские одержимости связывают Менжинского и Сталина... Отрицания Бога было недостаточно; они жаждали его узурпировать» (<https://www.amazon.com/Stalin-His-Hangmen-Tyrant-Killed/dp/0375757716>). Stalin не был оккультистом; позёрство и безмыслица, присущие оккультизму, были не в его стиле. В чём он соглашался с Менжинским, так это в переворачивании моральных ценностей, которое является частью оккультизма. Согласно этому переворачиванию, подчинение моральному закону принадлежит посредственным, презренным, недочеловекам. Те, кто попирает этот нравственный закон, заслуживают уважения и почёта — чем хуже их проступки, тем они лучше и богоподобнее. Гордые и жестокие лжецы уна-

следуют землю. Метод правления Сталина основывался на этой философии и по сей день оставляет свой след в России.

Собственные идеи Дугина уходят корнями в оккультные движения 1960-х годов. В это десятилетие Юрий Мамлеев, оккультист и знаменитый впоследствии литератор, писавший по-настоящему отвратительные и непристойные романы, основал «Южинский кружок». Кружок представлял собой неформальное собрание единомышленников-интеллектуалов и художников, которые собирались вокруг Мамлеева на его квартире в Южинском переулке в Москве. Мамлеев вовлёк кружок в интенсивное изучение западных эзотерических и оккультных трудов. Мамлеев интересовался индуистской и буддийской метафизикой и стремился примирить метафизические позиции индуизма и русского православия. Он придерживался гностической концепции физической вселенной как фундаментально злой и порочной. Он считал, что контакт с Божественным за пределами этого мира может быть достигнут через экстремальное поведение, прорывающееся в метафизические глубины. Мамлеев руководил Южинским кружком во время церемоний, которые должны были привести к этому прорыву; они включали в себя извращённые сексуальные обряды и употребление невероятных количеств алкоголя. Он считал, что духовная элита русских оккультистов возрождает русскую оккультную традицию, тем самым превращая Россию в духовный центр мира.

Евгений Головин стал главной фигурой в Кружке после того, как Мамлеев уехал в США в 1974 году и занял преподавательскую должность в Корнеллском университете. Поначалу Головин с энтузиазмом относился к Рене Генону (1886–1951), французскому оккультисту, который верил в изначальную духовную Традицию нечеловеческого происхождения, лежащую в основе всех религиозных практик. Генон считал, что эта предполагаемая изначальная Традиция, которой, по его словам, он придерживался, сохранилась в Христианстве в

эзотерической форме под экзотерической оболочкой. Он считал, что наступление современности стало катастрофой из-за отказа Просвещения от магии и оккультизма. Учение Генона получило название «традиционализм», и в этом контексте его не следует путать с увлечением традиционными христианскими литургическими обрядами. Эта изначальная Традиция, в том виде, в каком он её представлял, была смесью индуистских и гностических идей. Генон считал, что духовное развитие достигается через посвящение в эзотерическую традицию религии и что спасение человеческого общества зависит от того, чтобы его возглавила посвящённая элита. Он оказал значительное влияние на крайне правых румынских «Железных гвардейцев» 1930-х и 1940-х годов, а также на Мирчу Элиаде, ревностного члена «Железной Гвардии» в 1930-х годах и влиятельного религиоведа в Чикагском университете с 1950-х годов. Некоторые элементы идей Генона можно проследить в работах коллеги Элиаде Лео Штрауса. Когда в 1960-х годах в Аргентине была основана тамошняя «Iron Guard», Элиаде (наряду с Лениным) стал одним из её вдохновителей. (Тогдашний отец Хорхе Бергольо, SJ, был близок к аргентинской «Железной Гвардии» и помогал ей, передав контроль над бывшим иезуитским университетом «Сальвадор» в Буэнос-Айресе некоторым из её ведущих членов; это иллюстрирует степень привлекательности идей Генона.)

Однако Головину не понравилось, что Генон с оговорками принял Христианство, и он обратился от Генона к Юлиусу Эволе (1898–1974), итальянскому фашисту и оккультисту. Эвола тоже верил в изначальную скрытую духовную Традицию, но отвергал Христианство из-за того, что оно пропагандировало равенство людей. Вместо этого он стремился возродить римское язычество. Он поссорился с Муссолини в 1920-х годах, отчасти из-за того, что проводил магические ритуалы, чтобы помешать Муссолини заключить соглашение с Католической церковью. Муссолини узнал об этих ри-

туалах и был недоволен сим. После Второй мировой войны Эволя стал главным идеологическим вдохновителем итальянского правого терроризма и ультраправой венгерской партии «Йоббик».

Головина увлекали фёлькиш-оккультисты — мыслители-оккультисты и группы, связанные с подъёмом нацистской партии в Германии. К ним относились Общество Туле и его основатель Рудольф фон Зеботтендорф; ариософи Гвида фон Лист, Йорг Ланц фон Либенфельс и Карл Мария Вилигут; а также нацистский учёный Герман Вирт. Нацистскую партию основали два члена Общества Туле, Карл Харрер и Антон Дрекслер. Изначально «Общество Туле» владело официальной нацистской газетой «Фёлькишер беобахтер». Членами «Общества Туле» были видные нацисты Рудольф Гесс и Ганс Франк. Некоторые исследователи утверждают, что наставником Гитлера был Дитрих Эккарт, но, по-видимому, это не так. Однако Эккарт (которому Гитлер посвятил «Мою Борьбу») периодически получал финансовую поддержку от «Общества Туле» и разделял его общую идеологию, даже если не был его официальным членом. Интерес Головина к народническим *völkisch*-оккультистам возник после знакомства с «Le Matin des magiciens» — опусом Луи Павельса и Жака Бержье, в котором представлен широкий спектр оккультных тем. Увлечённость нацистами-оккультистами привела к тому, что Головин переименовал «Южный круг» в «Чёрный орден СС» и назвал себя фюрером ордена.

Оккультизм Дугина

На этом фоне становится возможным вернуться к фигуре Александра Дугина в надлежащем контексте. Его интеллектуальное и духовное формирование было глубоко оккультным, и это формирование занимает центральное место в его мышлении по сей день. В 1980 году Гейдар Джемаль (1947–2016), который вместе с Головиным руководил Кружком, посвятил

его в члены Кружка. Джемаль также был приверженцем нацистских оккультных идей и развивал традиционализм Генона и Эволы в более радикальном направлении. Он сочетал это с приверженностью к одной из форм суфийского ислама. Он сделал успешную карьеру в различных исламских организациях, что, помимо прочего, принесло ему звание почётного доктора Кейптаунского университета.

В 1980-х годах Дугин был активен в пронацистском крыле кружка, возглавляемого Джемалем. В 1988 году он вступил в «Память», националистическую и антисемитскую организацию Димитрия Васильева, и был членом её центрального совета. После распада Советского Союза в 1991 году Васильев присвоил этой организации звание «фашистской» и назвал Муссолини и Гитлера ненастоящими фашистами. Дугин был исключён из организации за предполагаемый сатанизм и другие «проповеди» (зри: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/russ.12048>).

Несмотря на это, Дугин продолжал участвовать в оккультных практиках и ассоциировать себя с нацизмом. В 1991 году он пытался принять участие в антигорбачёвском путче. В 1993 году Дугин выступил в качестве эксперта-комментатора в документальном фильме «Тайны века», в котором с симпатией описывались оккультные группы и идеи, связанные с нацистской партией. С 1994 по 1998 год он был активистом Национал-большевистской партии Эдуарда Лимонова. Эта партия следовала идеологии более ранних национал-большевиков в Германии и СССР, которые стремились объединить нацизм с коммунизмом. С 1989 по 1993 год он много путешествовал по Западной Европе, чтобы наладить связи с единомышленниками-правыми. Он познакомился с Александром де Бенуа, Робертом Стойкерсом и Жаном Тириаром во Франции и Бельгии. Де Бенуа — основатель «Groupement de Recherche et d'Études pour la Civilisation Européenne» (GRECE), аналитического центра французской «Новой Правой». Он

неоязычник, который ненавидит Христианство и продвигает Белый национализм (данный и подобные многочисленные «ляпсусы» у Д.Л. оставляем «бес-комментария», полагая что «читатель-в-теме» способен разобраться – Р.Р.); они с Дугиным стали близкими соратниками. В Италии Дугин наладил связи с Клаудио Мутти, влиятельным неофашистским последователем Эволы. У Дугина обширные связи в Румынии. Среди них — политик Адриан Нэстасе, учёный Илие Бэдэску и художник Евгений Михаэску. Дугин является частью европейской неоязыческой интеллектуальной и политической сети, которая составляет значительную часть европейских правых. Он никогда не сбавлял темп своих публикаций и активности в СМИ. В 2008 году он был назначен на должность заведующего кафедрой социологии МГУ, но в 2014 году был уволен за призывы к геноциду украинцев.

Дугин называет себя евразийцем и традиционалистом (зри: <https://europeanconservative.com/articles/commentary/did-dugins-neo-eurasianism-inspire-russias-war-in-ukraine/>). Евразийство — geopolитическая школа мысли, основанная сэром Хэлфордом Маккиндером (1861–1947). Маккиндер считал, что контроль над «Хартлендом», северной частью Азии, более или менее соответствующей территориям бывшей Российской Империи, является ключом к контролю над миром. Такое стратегическое положение стало возможным благодаря развитию железных дорог, которые позволили использовать ресурсы и центральное расположение Хартленда. Маккиндер считал, что политически объединённый «Хартленд» угрожает господству Великобритании на море (<https://foreignpolicy.com/2016/07/27/geopolitics-russia-mackinder-eurasia-heartland-dugin-ukraine-eurasianism-manifest-destiny-putin>). Евразийство в России развивали Иван Ильин (1883–1954), любимый мыслитель Путина, и Лев Гумилёв (1912–1992), которые утверждали, что Россия — это азиатская культура, на которую повлияла Монгольская империя, а не европейская.

Традиционализм Дугина добавляет к этой геополитической теории оккультизм. Первоисточником этого дополнения является «Арктическая Родина в Ведах», книга, опубликованная в 1903 году индийским националистом Бал Гангадхаром Тилаком (Bal Gangadhar Tilak). В ней утверждается, что арийцы произошли из Арктики в то время, когда климат там был тёплым и комфортным. Это утверждение было подхвачено фёлькиш-оккультистами, которые отождествляли сию прародину с Гипербореей — земным раем, который, по мнению древних греков, существовал на крайнем Севере. Эта точка зрения также встречается у Генона и более ранних французских оккультистов. Гвидо фон Лист и Йорг Ланц фон Либенфельс назвали эту исчезнувшую родину Арктидой и считали её прародиной арийцев, расположенной на Северном Полюсе, и источником арийско-германской эзотерической религии. Рудольф фон Зеботтендорф назвал своё общество Туле в честь Туле, предполагаемой столицы Гипербореи. В 1990 году Дугин основал историко-религиозное общество «Арктогея», издательство, а затем и интернет-сайт, названные в честь предполагаемой родины ариев. Герман Вирт (1885–1981) также считал, что арии произошли из Арктики, и стремился возстановить их изначальную религию и культуру, которые, по его мнению, были источником всей духовной мудрости. Вирт основал «Аненербе» — институт СС, занимавшийся поддержкой нацистской веры в превосходство арийцев. Он оказал одно из важнейших влияний на мировоззрение Дугина.

Дугин действительно интересуется Хайдеггером, формальная принадлежность которого к нацистской партии импонирует Дугину. Престиж Хайдеггера делает его ценным источником информации, а сложность и туманность его мысли позволяет Дугину отождествлять свои тезисы с идеями Хайдеггера, не опасаясь противоречий. Однако основные составляющие мысли Дугина берут начало в идеях Мамлеева, Генона, Эволы и фёлькиш-оккультистов.

Сатанизм, христианство и Россия

После подробного рассмотрения русского оккультизма и его связи с Дугиным пришло время вкратце рассмотреть содержание собственных идей Дугина. В geopolитике Дугина Россия отождествляется как с Гипербореей, так и с Хартлендом Маккинdera. Россия сохраняет изначальную гиперборейскую традицию духовного прозрения и является родиной духовной элиты человечества. Морские державы Маккинdera — это атлантистские империумы Великобритании и США, которые являются носителями и защитниками современности и противостоят Традиции. Таким образом, Россия и США — непримиримые враги, и борьба между ними носит эсхатологический характер. Победа России обещает положить конец нынешней эпохе, Кали-юге, самой ужасной и порочной эпохе в цикле времени, и превратить этот *мир* в небесный град. Борьба за эту победу уничтожит большую часть человечества, но, по мнению Дугина, это к лучшему.

В объёмных, пространных и туманных трудах Дугина легко запутаться или счесть его совершенно невменяемым. Но на самом деле в основе его мысли лежит последовательная метафизическая идея. Дугин поддерживает то, что он называет «манифестационизмом», в противовес креационизму, который в этом смысле не имеет ничего общего с теорией эволюции. Манифестационизм утверждает, что между божественным и *миром* природы нет чёткой границы, и отрицает существование чего-либо полностью не божественного. Креационизм утверждает, что *мир* был создан Богом из ничего и что различие между божественным и не божественным — это различие между несотворённой причиной всех остальных существ и сущностями, созданными этой причиной *ex nihilo*. Согласно креационизму, поклоняться можно только несотворённому Богу; почитание в качестве божественного чего-либо, кроме Творца, является грехом идолопоклонства. Дугин считает, что Ветхий Завет

является креационистским, но Христианство отвергает креационизм. Более того, по его мнению, пришествие Христа было призвано опровергнуть и разрушить креационизм. Он верно определяет Римско-католическую церковь как креационистскую, но делает из этого вывод, что она является врагом «истинного христианства».

Дугин считает, что падшие ангелы были правы, отказавшись от статуса чисто сотворённых существ, поскольку этот отказ был оправдан манифестационизмом. Увлечение Дугина английским оккультистом Алистером Кроули связано с этим одобрением точки зрения дьявола. Есть видео с Дугиным, на котором он декламирует отрывки из произведений Кроули на церемонии, проводимой в его есть (<https://www.youtube.com/watch?v=AFGMtX0YIN8>). Дугин провозгласил свою приверженность «Левому пути» оккультизма, который включает в себя ненависть к миру, погружение во зло и разрушение. Его симпатия к демоническому взгляду на вещи проявляется в том, что он восхваляет российского серийного убийцу Андрея Чикатило («художника космогонической тайны», по словам Дугина) и положительно относится к ядерному уничтожению Соединённых Штатов.

Психологический механизм, лежащий в основе такого мировоззрения, очевиден. Совершение чудовищных злодействий в наибольшей степени противоречит воле Бога. Совершающий такие деяния считает, что такое активное противодействие воле Бога ставит его на один уровень с Богом, потому что он относится к Богу как к существу, которого не нужно бояться или которому нельзя подчиняться. Такое самовозышение до уровня Бога, по мнению последователей «Пути Левой Руки», фактически наделяет божественностью, возвышает преступника над простым созданием, «тварью дрожащею».

В 1999 году Дугин присоединился к старообрядцам — религиозной группе, отколовшейся от Русской православной

церкви в XVII-м веке из-за несогласия с литургическими изменениями, введёнными патриархом Московским Никоном. Дугин утверждает, что изначальная Традиция в духе Генона в своей истинной форме представлена в эзотерическом христианстве этой группы. Таким образом, его предполагаемая приверженность Христианству на самом деле является приверженностью его манифестационистским и оккультным идеям, которые он называет эзотерической верой старообрядцев.

Мы вполне можем согласиться с тем, что «фашист» — слишком трезвый и сдержанный термин, чтобы передать мысль Дугина, и в этом смысле он неточен. Этот вывод не слишком успокаивает тех, кто обеспокоен влиянием Дугина. Дугин, который вовсе не является защитником христианства от современности, на самом деле обещает сатанинское «обожествление» посредством демонического зла.

Личное влияние Дугина в России было преувеличено, но, тем не менее, он является заметной фигурой на российской сцене. Его значимость заключается в том, что человек с его идеями смог стать заметным в России, а также в том, что он стал более привлекательным для россиян из той среды, из которой он вышел. Эта более широкая привлекательность проявляется в таких явлениях, как группа наёмников «Вагнер». Это неонацистская группировка, получившая своё название из-за восхищения основателя Третьим Райхом и выступающая за возрождённую форму язычества под названием «родноверие». Она прославляет свои зверства и использует орудия пыток в качестве официального символа. Хорошо известно, что она является важным элементом российской политики и военных действий.

Как мы видим, взгляды Дугина не так уж оригинальны, а его репутация и влияние в России меньше, чем о них говорят на Западе. Но Дугин неоригинален именно потому, что его идеи составлены из элементов, взятых из широкого

и влиятельного российского интеллектуального движения. Тот факт, что такие взгляды имеют вес и находят важную аудиторию в России, свидетельствует о глубоко проблемном, ущербном и иррациональном обществе. Это показывает, что образ России как страны, поддерживающей «традиционные ценности», является пропагандистской выдумкой. Можно утешиться тем фактом, что Путин и российское правительство считают, что эти ценности достаточно популярны, чтобы оправдать эту пропагандистскую кампанию, но, мягко говоря, было бы ошибкой верить в это.

(Перевод с англ. – Роман Раскольников.

Источник: <https://europeanconservative.com/articles/essay/russian-philosopher-aleksandr-dugin-defender-of-traditional-values-or-dangerous-occultist/>)

Appendix: Джон Ламонт — канадский учёный-католик, Oxonian Thomist (оксфордский томист), который учился и преподавал в Оксфорде и Австралии; он является автором книги «Divine Faith» («Божественная вера») и редактором сборника «Defending the Faith against Present Heresies» («Защита веры от современных ересей»). В тексте д-ра Ламонта содержатся два безсомненных положения: ни современная РФ, ни д-р Дугин, как ея гипотетический «главный идеолог», ни в малой мере не есть «оплот» Традиции и Христианства. В остальном же, текст Дж.Л. довольно слабоват. Верно нащупана (но совершенно «не размотана») нить, связывающая сына Гелия с красным оккультизмом (она прослеживается не только на уровне «генеалогии идей», но и на уровне персональной генеалогии, ибо АГД се отприск чекистского рода). Вместо того, д-р Ламонт пририсовывает Гельичу шикарную «западную генеалогию»: АГД по Ламонту - се наследник Хайдеггера и Эволы, движения Фёлькиш и Ариософии и т.д. Причём представления самого д-ра Д.Л. о названных персоналиях и духовных движениях, чего греха таить, довольно-

но поверхностные (чего стоят такие пёrlы, как «сатанист Ю.Эвола» и «евразиец Иван Ильин»! – а «эдакого» у сего около-учёного «дефензора» Веры архимного). Верно одно – АГД не столько «философ», сколько «маг», – ежели угодно: «маг-философ». Философом-магом был и барон Эвола, но меж ним и сыном Гелия – разница вот уж поистине диавольская. «Маги», с позволения сказать, «бывают разные». Используя типологию толкиновского «Lord of the Rings» (а она тут более чем у места!) в великой Битве за Мидгард-Средиземье принимают участие маги, из коих наиболее известны – Гендальф и Саруман. Их можно «сравнивать». Но их никак нельзя «уравнивать». В сих координатах барон ЮЭ имеет черты сходства с Гендальфом, а АГД с Саруманом. Говоря огрублённо: при всех своих «неоднозначных» взаимоотношениях с Христианством (преимущественно в Католическом его «изводе») философ-маг Ю.Эвола был за Белую Европу супротив Евразии, философ-маг Гельич – строго наоборот (характерный штришок: тг-канал сына Гелия поименован им AGDchan: отсыл к Орде явен). Большой вопрос: был ли сын Гелия когда-либо «белым» (как Саруман), но продавши ум и волю кумачовому Мордору, он «разноцветный», с преобладанием красноты, разумеется... Куда как более точен в диагностике АГД некогда близко знакомый с ним Димитрий Тараторин, в предельно краткой реплике точно высветив «главное»: «Некоторые мои друзья, причём из числа тех, кто знал персонажа прежде, говорят мне, мол, зачем ты вообще комментируешь Дугина? И дальше идут его психиатрические характеристики. Но, друзья мои, у нас просто больше нет влиятельных мыслителей. Ни одного. Да, конечно, к ужасу своему узнал, что некоторые слушают Галковского, например. Но его творчество не имеет отношения к мышлению. А вот касаемо Дугина, то, что сторонним наблюдателям кажется у него бредом, не совсем то. Это магия. Дугин маг. И он не ходит в Кремль, чтобы влиять. Он создаёт

именно тонкие влияния, результат которых налицо. То есть, лицо, от которого никто такого не ждал, и он сам от себя ещё лет десять назад тем более, всё же начало реализовывать мечты мага. Правда, последний понимает, что все отнюдь ещё не приобрело тотальной необратимости. Поэтому его заклинания звучат всё более безумно. Но если вы поймёте, что это именно заклинания, а никоим образом не аналитика, то увидите всю картину куда более адекватно. Да, и вы можете понимать мои слова о магии и буквально, и метафорически - как кому нравится. Это вообще не принципиально. Принципиально влияние. И этот эффект один из уроков наших дней, достойных осмысления»... Мы принципиально согласны с «диагностикой» ДТ, и в ответном письмеце привели в качестве «иллюминации» одно из последних «безумных заклинаний» сына Гелия на тот момент: «Участие корейских героических бойцов в битве за Украину - это прекрасно. Это жест глубокой солидарности с нашей войной против Запада. Хотелось бы видеть сотни тысяч героических иранцев и миллион китайцев в наших рядах. Запад должна поглотить огромная имперская русская ночь». На что ДТ ещё более кратко, но столь же чётко ответствовал: «Ну, я вот и про это - заклинает «ангела западного окна»...».

Der Engel vom westlichen Fenster, по мнению некоторых комментаторов знаменитого оккультного романа Г.Майнринка, оказывается «ангелом-привокатором» и обманщиком для тех, кто обращается к нему... Не скажем «за Майнринка», но в случае АГД, похоже, на «медицинский факт»... «От Паллады до шизофрении один шаг», — сказал поэт-маг Готтфрид Бенн (бывший «в миру» врачом, кстати), в передаче многопомянутого выше Е.Головина...

IS HE NOT REALLY A PARODY? (spiritual portrait of AGDhan)

A dangerous crank, not worth to cry for,
This creature from heaven, or from hell,
This angel or devil, who can tell
What is he? Is he as imitation
Of some poor spectre, or a hoax,
A Muscovite in Childe Harold's cloak,
Some foreign wonder's interpretation,
A lexicon full of modes maybe -
Is he not really a parody?

A NOVEL IN VERSE «EUGENE ONEGIN».
CHAPTER VII (Translated by Walter May)

Когда в поле нашего внимания стали попадать какие-то тексты, подписанные «Александ Дугин», у нас, по прочтении ряда этих опусов, возникло стойкое ощущение, что «это не мог написать один человек», уж больно вопиющи были в них идеологические и (что важнее) стилистические «нестыковки». Была такая книга: «Консервативная Революция» (она, как и ряд близлежащих текстов «раннего АГД» доселе не потеряла интереса. Она особо показательна в плане подмеченного нами «много-» и «разноголосия»... Наша версия была такой: Гельич, пользуясь «знанием иноземных языков», попросту плагиатит тексты европейских «Новых Правых» (благо «тут» их практически никто не видывал, и не читывал) и подписывает «как своё». Полагаем, что тогдашняя наша версия была верной. Полагаем также, что можем назвать едва ли не «основной источник» инспираций АГД – се Ален де Бенуа. Причём, де Бенуа – при всех возможных «претензиях» - мыслитель настоящий, тогда как АГД – фейковый. В самом деле, «профессор» Дугин не выдви-

нул ни одной мало-мальски самостоятельной «концепции»: дугинская geopolитика – компиляция, причём довольно небрежно сварганенная (любопытно, что тут АГД пLAGиатил у «англо-саксов» (Х.Макиндера, А.Мехена, Н.Спайкмена и т.д.) лишь «выворачивая наизнанку» их тезисы), а всё остальное («Четвёртая политтеория» и т.п.) скоммуниздено у А.де Бенуа. Вплоть до таких моментов: АГД издавал журналец «Элементы», се – калька с бенёвого «Elemance»... Примеры можно множить и множить... Ален де Бенуа – выходец из ультраправой среды, сделавший попытку придать «респектабельность» и «рукопожатность» Правой, коя в послевоенной Европе была стигматизирована клеймом «фашизма/нацизма» и т.п. Попытка, сама по себе, оправданная, кабы А.д.Б не «перегнул палку» в стремлении пере-апгрейдиться. Он последовательно «отрёкся» от Расиализма, Арийства, Христианства etc. Провозгласил солидарность с «Третьем міром» при ведущей роли сего последнего. И т.д. и т.д. Примечательно, что АГД проделал подобные же идеиные кульбиты. Разве что «антихристианства» не слизнул, но учитывая «конфессиональный выбор» АГД в сторону МП, то он не просто «антихристианин» (как Бенуа), но сущий микро-антихрист (в силу принадлежности к «мистическому телу» Антихриста – сергиянской лже-церкви МП). Если бы АГД ограничил себя скромной (но достойной) ролью «переводчика», ретранслятора идей Новых Правых в русскоязычное интеллектуальное поле – он, пожалуй, не только бы «сохранил лицо», но и «ввшёл бы в Историю» с твёрдым знаком «плюс». Но АГД свой «выбор» сделал и «переграть» его уже не получится никак... Посему, чтение опусов де Бенуа (опять же «при всём при том») может быть душеполезным, чтение же графомании АГД – душевредно.

В качестве примера того, что А.де Бенуа мог продуцировать нечто благополезное, приведём такой вот фрагмент: «А стало быть, речь идет о существовании пранарада (Urvolk в

терминологии немецких учёных), чью прародину (Urheimat) большинство помещают либо на юге современных России и Украины, либо между Эльбой и Вислой, говорившего на изначальном языке (Ursprache), из диалектов которого развились исторически известные индоевропейские языки. Нордическая, или германская гипотеза происхождения индоевропейцев основывается на характерных соматических чертах, приписываемых древними текстами индоевропейским народам. Эти черты (русые волосы, голубые или светлые глаза, высокий рост, тонкие губы, вытянутый подбородок и т. д.) присущи нордическим субрасам, сформировавшимся на основе кроманьонского субстрата на территории между реками, впадающими в Северное и Балтийское моря. Им была свойственна патриархальная социальная система. Генос определяется через отождествление с «отцовском Я», представляющим род, который возводился к Deiws Pitar, «Небесному Отцу», то есть к высшему божеству. В общеиндоевропейском словаре мать (слово «mater» прочно связано с «материальным» началом) - это «та, которая приносит в мир». Только отец «порождает», то есть «вводит в утробу» генос. «Порождать» и «генос» содержат одинаковый корень (gen-). Их города-государства, царства и т.д. возникали на той же самой основе, «народ» определялся как распространение «мы», как совокупность мужчин и женщин, объединенных союзами друг с другом. Представление об «этносе» (индоевропейское *sw-edh-nos*) прямо происходит от *swe*, то есть от кровнородственной общины, сохраняющейся через брачный обмен. Царь (корень *reg-* со значением «возвышенный», ср. латинское «гех», кельтское «гих», санскритское «гая») избирается ему «равными». В начале царь находился под контролем патриархов, объединяющихся в совет знати или собрание, похожее на «сабху» у индоариев, «герусию» у эллинов, римский «сенат», германский «тинг», кельтский «альтинг» и т. д. Царь избирался равными ему, которым

он был подчинен, и одновременно с этим он правил во имя Deiwas Pitar, Небесного отца (греческое «Зеус Патер» (пропризносится «Tseus Pater»), латинское «Deus Iovis Pater», позднее «Yupiter»). Итак, первоначальной формой правления у индоевропейцев было нечто вроде аристократии, при которой монарх выполняет двойную функцию - религиозную и политическую, и эти функции были неотделимы друг от друга, поскольку у индоевропейцев общество богов является отображением общества людей. Гражданский культ точно таким же образом представляет собой расширенную форму домашнего культа, за отправление которого отвечает отец семейства. Уже в самые ранние времена существовала общая индоевропейская «идеология», особая духовная структура, образуемая единым мировоззрением, которое находит свое проявление в особых представлениях о религиозной практике, обществе, власти, отношениях между людьми и между людьми и богами в общей теологии, отправлении культа, поэзии и эпической литературе. Эта «идеология», - пишет Дюмезиль, - является продуктом творчества мыслителей, чьими наследниками были брахманы у индоариев, кельтские друиды и жреческие религиозные коллегии в Древнем Риме». В сфере поэзии были показаны аналогии между греческой, ведийской, славянской и ирландской литературой, которые могут быть объяснены только общим наследием и которые предполагают существование в первых индоевропейских обществах сословия «певцов-поэтов», подобного ирландским ollaves или скальдам древней Скандинавии». (Ален де Бенуа, «Mip Индоевропейцев»).

Цитировать АГД из санитарно-гигиенических соображений не будем. Приведём лишь пару откликов на некоторые плоды «традиционизации» РФ (к чему «профессор» АГД изрядно «приложил копыто»): «К концу третьего года войны, я долго и мучительно искал разницу между нами и нашими противниками. Не нашёл. Точнее, нашёл только одну. Крем-

лёвские, когда спускают по склонному народу весь этот православный бред, который они выдают за православие, всю эту борьбу с чайлд-фри, с квадроберами, все эти «цивилизации суши и моря», сами в это не верят. Их опасный класс, давно превращённый в обслуживающий, все эти энтеллектуалы, резвится по заданию, и только Дугин - от души. Правят Россией нормальные циники (иногда сверх-нормальные), четко понимая - где пропаганда для масс, а где - делить. Проблема Украины в том, что здесь, у нас, никогда не было государственников в элитах (один только Скоропадский). Отсюда, наш управляющий класс имел глупость поверить в свою собственную пропаганду (худшее, что может случиться с управляющим). Украинская идеология и пропаганда - продукт заигрывания городского интеллектуального маргинеса с вытесненным в подсознание селом. Поверить в это добровольно, в век АИ, перехода на шестой технологический уклад и (прости, Господи) «мета-модерна»(тм), могли только очень глупые, испуганные реальным миром и скромные умом люди. И они - честь им и хвала - таки сумели это сделать.) И вот они ходят, обнявшись - антиэлиты, разложившаяся бюрократия и их интеллектуальные постельничии, спиваются «Батько наш Бандера» и ругают Илона Маска за «...недостатній патріотизм». Все эти убогие, которые истинно уверовали, что «...мене у дитинстві висміювали за українську» это не повод (всего лишь) сходить к психотерапевту, а действительно может стать основой государственного строительства. Из двух дураков в міре анти-элит, побеждает тот, кому хватило ума не поверить тому, что по его же заказу написали на его знамёнах» (https://t.me/O_Arestovich_official).

«В РГГУ запустили курс «вестернологии», чтобы изучать «западную катаринскую цивилизацию». Курс запустили в Высшей политической школе при РГГУ, которую возглавляет ультраконсервативный философ Александр Дугин. Он же в своем тг-канале и рассказал про запуск программы. По

мнению Дугина, в России необходимо «радикально пересмотреть отношение к Западу в целом и, прежде всего, к его парадигмальным установкам в сфере общественных наук». Он считает, что Запад необходимо перестать воспринимать как субъект и начать изучать как объект (как в случае с востоковедением). Дугин также заявил, что запуск такой программы покончит с «эпистемологической гегемонией» западных стран. «Западную цивилизацию» в статье о курсе он назвал «деструктивной», «токсичной» и «сатанинской» (@ejdailyru).

Небольшой философский комментарий от не-фейкового мыслителя (хочь и не «проффесора»): «Либерализм пытаются представить всякие манипуляторы как нечто новое. Однако он зарождался в XVII веке (Гоббс, Локк). И как комплекс идей он несомненно гораздо старше и национализма, и марксизма, и строго говоря, патриотизма. Все они, по сути, лишь реакция коллективистского сознания, утратившего цельность религиозного мировосприятия на вызов именно либеральной модели, требующей от каждого личного осмысленного выбора себя - личностного самоопределения. Но проблема с либерализмом в том, что он возник в рамках христианской парадигмы из требования свободы совести. То есть, образ человека тогда для всех был всё ещё един. И в первой изначально либеральной стране - США - речь шла о равных правах для, предположим пресвитериан и квакеров, баптистов и католиков. Но не трансгендеров и киборгов. Понимаете, да? И теперь, когда те нормы, которые были выработаны для разных вариантов одного человеческого образа, пытаются распространить на образы совершенно разные, более того, уже не понимая чётко, а что такое «человеческое» - это и провоцирует глобальный кризис. Что такое цивилизационный поворот к Азии? Очень просто - это поворот к не-христианству и анти-христианству. Европа - это целиком и полностью цивилизация сформированная христианством

- борьбой ортодоксии с различными ерсиями. И это и есть Запад по сей день. Отворачиваясь от него к Азии, просто отрекаются от самого христианского виденья реальности» (Димитрий Тараторин).

Как по-своему роскошный пример «отречения от самого христианского виденья реальности», приведём примерчик трансформации общества «Радонеж». Созданное некогда группой довольно неглупых выкрестов (Е.Никифоров и Со), сие «общество» позиционировало себя как умеренно-консервативное, и в общем в прежние годы как-то сему «соответствовало». Но вот что проповедует теперешний «Радонеж»: «Заместитель начальника Главного военно-политического управления Вооружённых сил Российской Федерации, командир спецотряда «Ахмат», генерал-майор, Герой России и Герой ЛНР, кандидат политических наук Апти Аронович Алаудинов: «Я больше чем уверен, что СВО мы завершим в этом году. Большую часть своих прогнозов я беру из Священного писания – Корана! Америка не в состоянии тянуть две кампании одновременно. Америка будет полностью пытаться поддержать Израиль в его сатанинской войне. Израиль уничтожает народы как Палестины, так и ближайших государств. И сейчас разворачивается кампания, чтобы втянуть в эту войну Иран тоже. Если сейчас все это заверится, поверьте мне, Америка при любом раскладе будет поддерживать своего стратегического союзника в войсках Антихриста. Мы с вами увидим, как будут улетать из Украины самолеты, а с их колес будут сыпаться такие же просроченные и бедные украинцы, которые думали, что Америка есть царь и бог» (Пикантно, что Радонеж берёт «прогноз из Корана»).

Представить себе Р.Генона, к примеру, со «ссылкою на Коран» лепящего про «сокрушение сатанинского запада» в стиле Ароныча-«Радонежа» разумеется, невозможно (хоть Генон официально и «перешёл в Ислам»). Справедливо сие

и в отношении прочих «мэтров» Традиционализма... А вот представить в таком амплуа Гельича – запросто... Да он каждый «чортов день» выдаёт аналогичные пёrlы...

Представляется, что «духовный портрет» АГД был предвосхищён А.С.Пушкиным, по другому поводу, но как оказалось не без профетизма, «нашедшему слова» и «разрешившему загадку» АГД в 7-й главе «Онегина»: «Чудак печальный и опасный, / Созданье ада иль небес, / Сей ангел, сей надменный бес, / Что ж он? Ужели подражанье, / Ничтожный призрак, иль еще / Москвич в Гарольдовом плаще, / Чужих причуд истолкованье, / Слов модных полный лексикон?.. / **Уж не пародия ли он?**»... Нехай подохнет сын Гелия, точнее уже не скажешь...

ДВА ИВАНА: О ПРЕДЫДУЩИХ ТОМАХ ДАННОЙ СЕРИИ

*/Иван Солоневич: Белый штабс-капитан против диктатуры сволочи / Науч. ред. В.Л. Петров. М.: 2024. 224 с.
(Труды Института Русской geopolитики, вып. 20)/*

При «паглядзе на постаць і думку» Ивана Солоневича, всплывает хрестоматийное: «Матёый человечище». И ещё: «широк Русский человек, слишком даже широк»... О «матёрости», силе и мощи (телесной и умственной) Ивана Лукьяновича хорошо написал Борис Ширяев в своём отклике на кончину ИЛС: «Иван Лукьянович Солоневич принадлежит к числу тех, очень немногих советских политзаключённых, которым удалось совершить удачный побег. Он бежал из одного лагеря Беломорского канала, и, пройдя около трёхсот километров болотами и лесом, перешёл финляндскую границу. Чтобы рискнуть на такой путь, нужно быть титанически сильным человеком. Таким и был Иван Лукьянович, спортсмен и атлет. Но было сильно не только его тело. Был мошен и его дух некукротимого борца иза идею Свободной Великой России и её Великого Народа, подлинным сыном которого был происходивший из крестьянской семьи белорус И.Л.Солоневич, русский, российский писатель и общественный деятель. Не время сейчас у его могилы дискутировать о тех идеалах, за которые он боролся всю жизнь. Все политические идеалы спорны, но сила И.Л.Солоневича как писателя и журналиста, пламенность его как русского патриота, бесспорны, и им мы все, всё русское Зарубежье, должны отдать прощальную честь. Сила его слов состояла в глубокой насыщенности подлинно русским здравым смыслом. В своей творческой работе И.Л.Солоневич был чужд навязанных нам посторонними влияниями штампов. Он крепко стоял ногами

на родной земле, смотрел на мир русскими глазами, любил Родину и её народ русским широким сердцем. Его сила была в любви к братьям и ненависти к врагам! Тело И.Л.Солоневича погребено теперь в чужой земле, но его душа неразрывна с Россией» (Б.Ширяев. Памяти Ивана Солоневича. // Воля (Мюнхен), №5, май 1953).

Наши достоинства есть подчас «продолжение» наших недостатков, равно и наоборот. Без означенной «широкоты», «размашистости» в суждениях, и писаниях, не было бы и «фирменного стиля» Солоневича и некоего «магнетизма», присущего солоневичевским текстам и жестам... Вот один лишь пример (не поручимся за его полную дословную «достоверность», но нечто характеристическое он, несомненно, содержит). В тг-канале «Белый стан» приводится «Любопытное свидетельство Алексея Шеншина о поведении Ивана Лукиановича Солоневича во время одного совместного приёма у начальника Внешнеполитического Управления НСДАП, Арно Вольфганга Шикеданца, в начале августа 1939-ого года (любопытно отметить, что в своих газетах Солоневич вел себя по-другому. Возможно это липа, а возможно на закрытых встречах Солоневич вёл себя по-другому, нежели когда он был на людях. Мы лично не думаем, что Ивана Солоневича перепутали с его братом, Борисом, ибо сын Бориса вроде так и остался в СССР, а другого сына на тот момент у него вроде и не было): «Несколько днями позже (при мерно в начале августа 1939-ого года) профессор Шеншин был приглашен на встречу в здании Внешнеполитического Управления НСДАП, на которой также присутствовали генерал Бискупский («вождь» белоэмигрантов в Германии, назначенный немцами), генерал Туркул, ассистент генерала Туркула, Романов, и Иван Солоневич совместно со своим сыном. Всех их принял Шикеданц, важный человек из окружения Розенберга. На встречу также пришёл один полковник штаба германской армии. Вышеназванных русских спросили,

что они думали случится, если Германия напала бы на Советский Союз: смогли бы немцы одержать быструю победу и какова была бы внутренняя ситуация в Советской России? Все, за исключением Солоневича, заявили, что если немцы постарались бы не задевать национальное чувство русских и зашли бы в Россию как освободители (от большевиков), а не как как повелители, то война могла бы закончиться в течение примерно 6 месяцев. Солоневич и его сын сказали, что то что русским надо, это “кнут”, так как они привыкли только к жёсткому обращению, а любая апелляция к их национальным чувствам ни к чему бы не привела, так как эти люди больше похожи на стадо рогатого скота: поэтому, если были бы приняты суровые меры, война могла бы закончиться в течение примерно 3 месяцев. Полковник штаба германской армии сказал: “Наши взгляды совпадают с теми, которые озвучил Солоневич. Спасибо вам, я вас удерживать больше не буду”, и ушёл» ((Источник: TNA: KV-2-370, стр. 26). Примечание «БС»: Бискупский не был “вождем белоэмигрантов в Германии”, а начальником Управления Делами Русской Эмиграции в Германии» (https://t.me/s/Russia_RONA).

Творчество ИЛС можно подразделить на четыре этапа: дореволюционный, подсовецкий, эмигрантский (довоенный) и эмигрантский послевоенный. Собственные *Leitmotiv*-ы обозначил добре сам Иван Солоневич, выступая 18 мая 1938 г. в Берлине на собрании организаций-участников Русского Национального Фронта. Солоневич заявил: «мы все сходимся на национализме, антисемитизме, фашизме и – хотя бы только принципиально – на монархизме» («Голос России», №101, май 1938). В дореволюционных текстах ИЛС все четыре обозначенные ведущие темы присутствуют, но тогда Солоневич – ещё репортёр «без имени», в основном пробавляющийся газетной подёнщиной, хотя проблески *firmed style* видны уже тогда. В подсовецкий период – тексты делятся на совсем уж конъюнктурные, «для заработка» (о «достижениях» совец-

ких физкультурников и т.п.), и на вполне себе сохраняющие некую ценность учебные материалы по атлетике, борьбе и т.п. Довоенный Солоневич – се, на наш взгляд, несомненное акме (высшая точка, вершина) его творчества: монархизм, национализм, фашизм и антисемитизм – всё исчисленное в надлежащих пропорциях и в блестательном исполнении присутствует в публицистике ИВС 1934-1941 гг. Послевоенный Солоневич, хотя в количественном отношении им написано было больше, нежели в предыдущие периоды творческой активности, сильно уступает довоенному, «акмеистическому» ИВС. Талант, острота пера его «не оставили», но, увы, пропорции (означенные нами выше) оказались не соблюдены. После вынужденного закрытия газеты «Голос России» в 1938-39 гг. Солоневич выпустил три брошюры, разосланных подписчикам в период хлопот по возобновлению издания. В одной из них, озаглавленной «Нашим друзьям» (1938) ИЛС так писал о своей миссии: «Я лично обязуюсь взять на себя то, что я сейчас могу сделать и чего, кроме меня, в эмиграции не может сделать никто: разработку основных положений Белой Идеи в применении к условиям постсовецкой России и с учётом итальянского и германского опыта». Именно послевоенный намеренный и «недиалектический» отказ от «учёта германского и итальянского опыта» (того, что составляло «сильную сторону» довоенной публицистики Солоневича) и послужил причиной, например, того, что «Народная Монархия» осталась да читабельной, да интересной, но, скажем так, «партикулярной» книгою, но никак не «Катехизисом Монархизма», на что имел «замах» ИВС... Довоенная брошюра «Россия и Гитлеризм» (1939) содержит больше «креатива» и неких «откровений», нежели вся подборка «Нашей Страны» за годы редакторства ИВС (1948-53). Настоящий Сборник центрирован как раз вокруг «акмеизма» Белого Штабс-Капитана...

Солоневич волею судеб скончался в Уругвае в Монтевидео в Итальянском госпитале 24 апреля 1953 г., пред

смертью имев утешение узнать о том, что безславно подох «кремлёвский горец»... Хлопоты по устройству в больнице и отпеванию ИВС предпринял тамошний Белогвардейский «штабс-капитанский» священник о. Александр Шабашев, друживший с Иваном Лукьяновичем. О сем достойном Пастыре имеет смысл добавить некоторые биографические данные: «Александр Фёдорович Шабашев. Бывший полковой священник 233-го пехотного Старобельского полка в эмиграции. Награждён золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте. Во время Испанской гражданской войны был духовным наставником русских солдат, воевавших на стороне генерала Франко. Сам принимал участие в боевых действиях. Был неоднократно ранен. С июля 1942 года Русский Приход в юрисдикции синода РПЦЗ, под руководством Александра Шабашева, принимал участие в вербовке как беженцев, так и советских военнопленных, работавших на шахтах в Бельгии, для военных действий в составе батальона СС «Валлония» на Восточном фронте. Русская община Бельгии организовывала вечера памяти русских, погибших в составе батальона «Валлония», в которых также принимал участие Леон Дегрель. Памятные мероприятия проходили в Русской Церкви на Авеню Дефре. Умер в Уругвае в 1956 году».

Помянутый выше Борис Ширяев, попавший в эмиграцию уже после WWII, кстати, также как и Солоневич, классик отечественной «Лагерной литературы» (ему принадлежит дивная повесть о Соловках «Неугасимая Лампада»), был также дружен с ИВС и активно сотрудничал в «Нашей Стране». Солоневич называл Ширяева «самым выдающимся публицистом правой эмиграции» и 25 января 1952 года писал ему: «Я, как и прежде, рад всякой Вашей строчке в газете — талантливой, компетентной, бьющей в цель».

Благополезным полагаем заключить нашу Рецензию сравнительно малоизвестной «идейно-теоретической» статьёй

Б.Ширяева, в коей им предпринята попытка обозначить «место» Ивана Солоневича в θησαυρός-е»/»сокровищнице» Русской Мысли:

Славянофилы и мы

(150 лет со дня рождения А. С. Хомякова)

Посетивший меня в прошлом году английский профессор, преподаватель русской литературы г. Лидса, действительно стремящийся к пониманию России и её народа, прослушав моё изложение основных тезисов народной монархии, спросил: – Следовательно, вы являетесь продолжателями славянофилов, но какому же течению славянофильства причисляете вы себя? Кого из них вы считаете своим предтечей, своим основоположником? – Мы не считаем себя продолжателями славянофилов, – ответил я, – и ищем своих предтеч не в среде литературно-исторических авторитетов, но в развитии самой русской, российской народной хозяйственности, в почве, породившей её, и с этой точки зрения некоторые взгляды славянофилов близки и родственны нам, т. к. они тоже были русскими почвенниками своего времени, первыми выразителями русского национального сознания. Но нам чужд романтизм братьев Киреевских. «Мы не романтики, мы реалисты» – говорит основоположник нашего движения Иван Лукьянович Солоневич. Нам чужд и аристократический эстетизм К. Леонтьева, потому что мы оперируем с голыми фактами, как положительными, так и отрицательными по отношению к жизни нашего народа, и не стремимся приукрашивать их. Чужда нам и космическая политика Тютчева, – считая религию стержнем духа народа, мы всё же строго разграничиваем духовный мір от міра материального, религиозный идеал от повседневного земного бытия. Далёк от нас и панславизм Аксаковых и их кружка. Мы полагаем, что Россия, её народ, проливший свою кровь в десяти войнах за освобождение славянских братьев, выполнил эту свою историческую задачу и этот свой моральный долг по отношению к ним. Война

1914–1917 гг. завершила этот подвиг русского народа. К моменту начала русской революции не только православные болгары, сербы и черногорцы были уже освобождены, но сокрушив Австрию, мы освободили также иноверных чехов, словенцев, кроатов и словом последнего Императора гарантировали свободу и единство Польше. Наша совесть чиста, а «сольются ли славянские ручьи в русском море» мы оставляем на решении самих этих ручьёв, их государственности. Но нам близко определение национально-русского культурного типа, данное Данилевским в его труде «Россия и Европа». Это уже не славянофильство, а более широкое понимание исторического процесса. Ещё ближе нам А. С. Хомяков с его учением о национально-русской, народной православной Церкви, с его пониманием органичности нации, оценкой силы и значения традиции в её жизни, с утверждением духа народного, как основной творческой силы, с его формулировкой самодержавия не как абсолюта власти, но как тяготы служения власти народу, власти ограниченной религиозно-этическими императивами, а не обманчивой и произвольной бухгалтерией четырёххвостки. Мы столь же почвенные, как он, столь же свободолюбивы в христианской, а не в торгашеской трактовке понятия свободы. Многие, очень многие концепции нашего основоположника И. Л. Солоневича уходят корнями к мышлению А. С. Хомякова и являются уточнёнными определениями его широкого и разностороннего учения о Церкви, о государстве, об обществе, о нации, т. е. о той почве, на которой он строил свой историко-философский анализ русского прошлого, ибо именно он был, безусловно, основоположником чисто русского взгляда на своё русское прошлое, требовавшим того пересмотра истории нации, который осуществил И. Л. Солоневич в своём труде «Народная Монархия». Мы не славянофилы в буквальном, догматическом смысле, но мы продолжатели в нашей современности утверждённой ими впервые в исторической науке русской

национальной традиции. Учение А. С. Хомякова – первое проявление осознания себя русской национальной интеллигенцией, впервые высказанный ею отказ от подчинения культурной агрессии Запада, критическое, а не рабское отношение к нему. В те годы полного преклонения русской общественной мысли перед философией Гегеля только А. С. Хомяков осмелился свободно проанализировать его систему и установить её главную ошибку: «Корень общей ошибки Гегеля лежал в ошибке всей школы, принявшей рассудок за целостность духа. Вся школа не заметила, что, принимая понятие за единственную основу всего мышления, разрушаешь мир», писал Хомяков, а отношение к учению Гегеля И. Л. Солоневича всем нам хорошо известно по его статьям. Созвучие обоих этих величин в данном случае ясно. Итак, А. С. Хомяков и И. Л. Солоневич кладут в основу исторического процесса дух народа, душу национального организма, а интеллект, рассудок считают лишь частью этого целого. Функции этого рассудка выполняет группа интеллигенции, но эта интеллигенция выражает народное мышление лишь тогда, когда сама тесно слита с духом народным, а не оторвана от него и не подчинена внешним чуждым влияниям, как это произошло у нас в девятнадцатом веке и не изжито ещё до сих пор. Снова созвучие в одном из главных наших тезисов, т. к. выявление и организацию национально-русской монархической интеллигенции И. Л. Солоневич считает главнейшей задачей нашего Движения. Но интеллигенция нации – лишь выразитель, оформляющий народное мышление, а носитель, создатель этого мышления, по учению Хомякова, русский «хлебопашец» или, как говорим мы теперь, крестьянин, тот самый «мужик», в котором И. Л. Солоневич видит главного строителя государства Российского в прошлом, настоящем и будущем, основную динамическую созидающую силу исторического процесса. Отсюда необходимость пересмотра всего нашего прошлого, всей нашей научной

историографии. «Из-под вольного неба, от жизни на Божьем міре, среди волнения братьев-людей книжники гордо ушли в душное одиночество своих библиотек, окружая себя видениями собственного самолюбия и заграждая доступ великим урокам существенности и правды», – говорит А. С. Хомяков. А не то же ли самое иными, более понятными в нашей современности словами повторяет И. Л. Солоневич и осуществляя пересмотром нашего прошлого в своём историко-философском труде? Этот пересмотр он ведёт в «Народной Монархии» «от жизни», а не от схоластики и формализма надуманных, нереальных «исторических законов» и «исторических систем», созданных применительно к историческому процессу «вообще», а не к данному его варианту, к истории русского народа и русского государства, обоснованных его национальным духом. Произведя эту переоценку, А. С. Хомяков и И. Л. Солоневич, оба приходят к признанию религии первоосновой в истории народов и к утверждению их духа, как творческого начала. Оба они исповедуют народную русскую веру, народное русское православие. «Церковь не доктрина, не система и не учреждение», – пишет Хомяков, – «Церковь есть живой организм, организм истины и любви». «Мы понимаем под православием, конечно, не иерархов московских или антиохийских, а религиозные воззрения русского народа», – продолжает его мысль И. Л. Солоневич. «В богословии Хомякова выразился религиозный опыт русского народа», – вынужден признать даже Н. Бердяев. От веры народной – к духу народному, выраженному всей многогранностью жизни нации, её общественным строем, её государственностью, её культурой, её бытом и т. д. Этот дух и создаёт национальную традицию, видоизменяющуюся во времени по форме, но не по содержанию, не по направленности в будущее и не по связи своей с прошлым. Исторический процесс для Хомякова не что иное, как постепенное развитие организма народа-нации. «Всё настоящее имеет свои корни в старине», – пишет он. Прообраз грядущей народно-

монархической России, её государственного и общественно-го устройства И. Л. Солоневич видит также в её прошлом, в гармонии народного мнения и самодержавия при Алексее Михайловиче. Народ-нация по учению их обоих представля-ет собой гигантский, но единый организм, отдельные части которого (слои, классы, сословия) выполняют различные жизненные функции, поддерживая и укрепляя одна другую, но не борясь между собой, как утверждают марксисты и их прихвостни – рационалисты, позитивисты, российские «про-грессисты» и пр. Этот организм возглавлен монархом, само-державным царём, принявшим власть от народа, как тяготу, как долг служения, но не как утверждение своего абсолютно-го господства. Хомяков и Солоневич строго и чётко отделя-ют западный абсолютизм от русского самодержавия и в этих определениях сходятся во взгляде на переворот, произведён-ный Петром I. Разница лишь в том, что И. Л. Солоневич счи-тает этот переворот насилием над народной душой, которое могло бы быть избегнуто, а Хомяков полагает переворот Пе-тра I неизбежным, хотя и бедственным для нации. Другие славянофилы относятся к реформам Петра более определён-но и более близки к утверждениям И. Л. Солоневича. По уче-нию А. С. Хомякова власть – обязанность, долг, тягота, под-виг, а не привилегия, не господство, не порабощение под-властных. Он ясно видит чисто народное происхождение русского самодержавия и гордится его подлинным демокра-тизмом. «Когда после многих крушений и бедствий, – гово-рит Хомяков, – русский народ общим советом избрал Миха-ила Романова своим наследственным государем (таково вы-сокое происхождение Императорской власти в России), на-род вручил своему избраннику всю власть, какою облечён был сам, во всех её видах. В силу этого избрания, государь стал главою народа». Народность, избранничество русского самодержавия Хомяков противопоставляет западному феодально-империалистическому пониманию власти, как результата победы в борьбе, порабощения, подчинения себе

противника. Основной дефект современной ему русской государственности (эпохи Николая I) он усматривает в гипертрофии бюрократии, поставившей преграду между царём и народом, в том, что мы теперь называем, средостением. И в этом случае его мысли идентичны положениям Ивана Лукьяновича и полемические удары их обоих направлены в одну и ту же сторону. Таковы созвучия славянофильского и нашего мышления. Но есть и разногласия, а с тем же Хомяковым даже очень значительные, прежде всего в его взгляде на крестьянскую общину. А. С. Хомяков – ярый её сторонник и поборник. В своём проекте освобождения крестьян с землёй, сыгравшем крупную роль при проведении закона 19-го февраля 1861 г., он категорически настаивает на общинном землевладении. Эта ошибка А. С. Хомякова вызвана смешением им религиозных представлений с требованиями экономики. Чисто религиозный тезис соборности, духовного единства совокупно верующих и любящих перенесён им в материальную плоскость землевладения и агрокультуры. А. С. Хомяков был человеком своего века и романтизм, как протест против рационального мышления предыдущего XVIII века был ему далеко не чужд. Романтически патриархально подошёл он и к освобождению крестьянства и к связанным с ним экономическим проблемам. Романтически безмятежно представлял он себе и будущее России. Он не допускал возможности революции в русской среде, идеализируя эту среду и считая все виды и все формы революции безусловно отрицательным явлением, историческими преступлениями. Такова была русская почва тогда, и ошибки Хомякова вполне понятны. Но теперь эта почва столь густо полита народною кровью, что цветы романтизма не могут уже произрастать на ней, и сколь они ни привлекательны, мы все же им чужды и, следовательно, не можем стать прямыми продолжателями славянофилов, хотя и мы, как и они, всецело базируемся на русско-российской почве, только на ней. Идеализация крестьянской общины славянофилами принесла России не толь-

ко экономический вред. Их концепции послужили также отправной точкой для идеологии «народников», образовавших в дальнейшем партию социалистов-революционеров, цареубийц-террористов, сумевших пользуясь демагогическими лозунгами, завоевать симпатии значительной части русского крестьянства и тем расчистить путь к утверждению колхозного рабства. Вот к чему приводят порой романтические бредни и отрыв кабинетных теорий от реальных фактов, о чём не раз предостерегал и друзей и врагов И. Л. Солоневич. Созвучия в учении этих двух мыслителей, двух смежных веков породили сходность их жизненных судеб, отношений к ним современников. И А. С. Хомяков и И. Л. Солоневич при жизни подвергались ожесточённым нападкам и «справа» и «слева». Несмотря на то, что в основу своего исторического мышления Хомяков клал лозунги, провозглашённые государственной властью: православие, самодержавие и народность, он всё же казался опасным средостению в силу именно своей веры в русский народ, в его исторический разум, в его государственный инстинкт, что было сочтено вольномыслием. Ещё большим репрессиям подвергался он, как первый мірянин-богослов, со стороны синодальной Церкви. Несмотря на полную верность православию в своем учении о Церкви, несмотря на пламенность его полемической защиты православия против католиков и лютеран, А. С. Хомяков не смог выпустить своих богословских сочинений в России, и принуждён был напечатать их в Париже на французском языке даже при одобрении их, высказанном открыто Императором Николаем I. Эти его труды были значительно позже переведены на русский язык его последователями Ю. Самариным и Гиляровым, но вместе с тем они оказали огромное влияние на всё дальнейшее развитие русской православной мысли, вызвав живые отклики в творчестве Достоевского, Лескова, Тютчева и в религиозной философии русского православия. Таковы были нападки на Хомякова «справа», а «слева» он был ошельмован клеймами реакционера, мрако-

беса, на которые не скучились его «прогрессивные» современники-западники. Но силу его слова, его таланта, его пламенность и искреннюю веру признавали даже они, что свидетельствовано их главой Герценом в «Былом и думах». Не такова ли судьба Ивана Лукьяновича? Но были ли славянофилы вообще и А. С. Хомяков в частности реакционны применительно к своей эпохе? Ни в какой мере, можем смело утверждать мы теперь. А. С. Хомяков был автором одного из наиболее либеральных проектов освобождения крестьян с землёй. Он был также сторонником дарования России того времени всех гражданских свобод, какими обладала современная ему Англия. Английскому общественному строю он явно симпатизировал, находя созвучие себе в торизме. В русской православной Церкви он не только видел полное раскрешение духа, но требовал сочетания в ней религиозной мысли учителей-иерархов с мнением мірян, свободного исследования и уразумения истин слова Христова, гармонии творческой любви, обобщая всё это в понятии соборности. Не к тому ли стремимся теперь и мы, следя пути, указанному И. Л. Солоневичем? Таковы в основном точки нашей близости к славянофильству и наших отличий от них. Истоки этих различий лежат во времени, в разнице их эпохи от нашей. Корни общности глубоко уходят и тесно сплетаются в одной и той же вырастившей их и нас почве. Эта почва – Россия, её историческая государственность, её своеобразная, неповторимая, немыслимая на Западе и не подлежащая его измерениям общественность. Но славянофилы при всей их подлинной, глубокой связи с русской почвой были всё же просвещенными барами, лучшими из дворян своей блестящей эпохи, мы же – сермяжные ратники, напористые мужики, тягло нашего проклятого безвременья.

(«Наша страна», Буэнос-Айрес, 19 июня 1954 г.,

№ 231, с. 1–2.)

Роман Раскольников

СТРАСТИ ПО ИЛЬИНУ. ВЫПУСК 2.
М.: Труды Института Русской Геополитики,
Вып. №№. – 500 с., илл.

Приступая к формированию книги 2-й «Страстей по Ильину», Издатели почли благополезным разделить имеющийся материал на три раздела, сообразно трём основным «линиям мысли» Философа. Хотя проф. И.Ильин общепризнан, как один из наиболее выдающихся отечественных «специалистов по Гегелю», всё же – его величайший вклад в Русскую и Христианскую Мысль, се не Hegel-Studien, а разработка христианской «Философии Силы». Одним из первых серьёзных исследователей-«ильиноведов» Н.П.Полторацким (1921-1990) в канадском издательстве «Заря» в 1975 г. был выпущен содержательный обзор «И.А.Ильин и полемика вокруг его идей о сопротивлении злу силой». Отдельно сия работа в России (кроме ПСС Ильина, в многотомье кое-го далеко не каждый сподобится «залезть») не переиздавалась, хотя достойна всяческого ознакомления, тем паче, что означенные «идеи» не теряют актуальности и поныне, да и «полемика» вокруг них далека от завершения. В настоящий Сборник не вошла небольшая работа украинского философатрадиционалиста Игоря Загребельного (чья философия также есть «Философия Силы» и «Философия Христианского Меча») «Чувствуя себя на месте Ильина»; полагаем, что в нашей развёрнутой Рецензии она «у места»:

Чувствуя себя на месте Ильина ...

Книгу русского философа Ивана Ильина «О сопротивлении злу силой» я приобрёл накануне своего ареста в январе 2011 года. Рождественские праздники, некоторые дела ... и, как следствие, книга осталась непрочитанной. Сидя в СИЗО, некоторое время думал попросить друзей, чтобы передали

мне эту книгу за решётку. Потом передумал и, думаю, сделал правильно. Собранные мною в тюрьме библиотека так и осталась отбывать свой срок ... А Ильин на свободе.

Правда, в руки мне эта книга вернулась недавно. Не буду пересказывать истории её странствий, но вернулась она в целости и сохранности, со св. Георгием Победоносцем на обложке...

От прочтения Ильина чего-то концептуально нового не узнал, и моё видение проблемы «сопротивления злу силой» осталось примерно таким же, как было. Что меня поразило, так это те «аргументы», которые использовали противники философа. Уточню, что приобретённая мною книга представляет собой не просто переиздание известной работы Ильина, изданной в Берлине в 1925 году, а целый сборник, который включает эту работу и широкую полемику, которую она вызвала. Поэтому кроме «О сопротивлении ...» в ней входит ряд статей и писем (в т.ч. и открытых) как самого Ильина, так и его сторонников и противников (На всякий случай, приведу для потенциально заинтересованного читателя краткое биографическое описание: Ильин И.А. О сопротивлении злу силой. - М.: Айрис-пресс, 2007).

Итак, «аргументы» противников Ильина. Н. Бердяев: «кошмар злого добра», «кошмарная и мучительная книга»; З. Гиппиус: «военно-полевое богословие»; Е. Кускова: «религия мести». И т.д., и т.п. Истерика и грязь. Сопли и розовая водичка, подслащённая «сладеньким Иисусиком». При этом истерические голоса обвиняли в истерике ... самого Ильина! К сожалению, история терпит истерию, даже увеличивает её масштабы. Поэтому сегодня, когда ты, будучи христианином, скажешь, что со злом всё же можно бороться физической силой, что существуют такие явления, как, например, учение о справедливой войне или богословская концепция восстания против несправедливой власти, то на тебя набросятся, как на одержимого. И неудивительно: Гиппиус тоже называла Ильина одержимым. А разве она одна?

Мне как-то не тяжело представить себя на месте Ильина в 20-е годы прошлого века. Мне даже не нужно ничего представлять - достаточно восстановить в памяти несколько дискуссий с отчаянно-миролюбивыми овечками-христианами.

Тех, кто критиковал Ильина с христианских позиций, можно разделить на две категории. Первая - «непротивленцы», которые почему-то не видели элементарных истин и были слепо убеждены, что христианство целиком и полностью отрицает возможность силового противодействия злу. Вторую категорию составляют те, которые не отрицали право христиан на меч, однако критиковали, так сказать, «радикализм» Ильина. К числу последних относится и Н. Бердяев. Тот стиль, которым Бердяев писал отзыв на книгу Ильина, почему-то не обнаруживает «братской любви». Ильин, конечно, мог ошибаться и, очевидно, ошибался в отдельных моментах, но имел ли право Бердяев использовать двойные стандарты и писать так, как не позволял писать Ильину? «Не ненавидящих ли Тя, Господи, возненавидех и о вразех Твоих истаях: совершенною ненавистию возненавидех я – во враzi быша мне» (Пс. 139) - очевидно, если бы Псалмы писал современник Бердяева, то Бердяев назвал и их «кошмарной и мучительной книгой», современные же христиане назвали бы их автора «фашистом» и дали бы ему совет ознакомиться с постановлениями Второго Ватиканского собора, которые вряд ли сами читали ...

Несколько раз упомянутый мной Бердяев называл XIX в. «Эпохой разложения инстинктов», наш земляк Дмитрий Донцов этот именно век определил как «заражённый раком рефлексии век». За веком XIX пришёл век XX, за ним - XXI. Инстинкты всё разлагались, рак рефлексии пожирал плоть Жизни. Поэтому неудивительно, что и в 20-е годы прошлого века, когда Ильин издал свою книгу, и сейчас одним христианам за проявленный здравый смысл приходится слышать истерию других христиан. Разложенность инстинктов этих

«других» толкает их в болото нового толстовства, нового «непротивленчества». Поэтому приходится доказывать аксиомы, нередко своим «радикализмом» отталкивая этих самых «других». А доказывать аксиомы нужно. Так же нужно иногда действительно быть «радикалом».

Если говорить образно, в наше время существует много развратников, много насильников, много извращенцев и одновременно очень мало женатых мужчин со здоровой потенцией. При таких условиях нужно не только осуждать разврат или говорить о красоте христианского супружества, но и искать определенные средства от импотенции ... Иными словами, сейчас актуальна не только христианская апология меча, но и его (меча) христианская адорация. Несмотря на мечты прогрессистов, мы не идем к построению «Рая на земле», а напротив скатываемся в пропасть упадка. Это проявляется и в области насилия, в т.ч. и убийств. В то же время продолжает выветриваться положительный образ воина-христианина, образ человека, который, исходя из Веры и Любви, использует силу для победы над злом. Поэтому этот образ нужно восстанавливать. Христианство должно воспитывать воинов Христовых в высшем, духовном смысле этого понятия, однако сейчас также стоит думать о воспитании таких воинов Христовых, которые одновременно были бы воинами в совершенно «земном» смысле.

Когда Андрей Шептицкий стал митрополитом, сознание галицкой интеллигенции разъедали левацкие идеи, в частности - пацифизм. Горячие головы даже требовали исключить из школьной программы те классические произведения, в которых демонстрировались примеры военного героизма. В ответ на пропаганду леваков Шептицкий призвал украинскую молодежь лелеять милитаристский дух и получать военные навыки. Слава Богу, к призывам Шептицкого прислушались ... Казалось бы, лелеять милитаристские настроения - это не задача Церкви. Да, но не всегда. Бывают моменты, когда

«соли земли» приходится выполнять не совсемственные ей функции, потому что она должна оставаться «солью» в любых сферах.

В заключение этих соображений хочется привести несколько пространных цитат из труда Н. Бердяева «Спасение и творчество». «Самые верующие ... люди, - пишет философ, - участвуют в неоправданной и неосвященной жизни мира, подчиняют себя светской, а не сакральной науке, светского, а не сакральном хозяйству, светскому, а не сакральном праву, быту, давно уже потерявшему сакральный характер. [...] В мире не было бы таких страшных катастроф и потрясений, не было бы такого безбожия и умаления духа, если бы христианство ни стало безкрылым, скучным, нетворческим, если бы оно не прекратили вдохновлять и направлять жизнь человеческих обществ и культур, если бы оно не было загнано в небольшой уголок человеческой души, если бы условный и внешний догматизм и ритуализм не заменил реального осуществления христианства в жизни. [...] Вывести из кризиса мира и кризиса христианства не могут ни начала новой истории, ни начала старого средневековья, а лишь начала нового средневековья».

Для чего тут эти цитаты? Бердяев пишет, что для построения Нового Средневековья нужна большая христианская активность, нужна евангелизация всех сфер жизни общества. И при этом ему почему-то показалась «кошмаром» попытка И. Ильина евангелизировать сферу меча - как и в Средние века, поставить меч на службу кресту. А зря, потому что меч не исчезнет. Он только может попасть в руки преступников, а христиане при этом продолжать участвовать «в неоправданной и неосвящённой жизни мира».

Возможно, идея воина-христианина, идея воина Христова с железным мечом на боку была дискредитирована в разы больше, чем реализована. Ну и что? А идея супружества дискредитировалась? А идея государства? А идея добра? А

идея правды? А идея любви? А идея, в конце концов, непротивления злу силой в тех случаях, когда это действительно нужно?! То, что какая-то форма воплощения блага была дискредитирована, ещё не означает, что от неё следует отказаться. Это лишь означает, что следует приложить максимум усилий, чтобы не допустить новой дискредитации и профанации. Если Христиане не реактуализируют образ воина-христианина, они будут иметь или захват голливудскими образами «темы» героизма и маскулинности (или ещё какими-нибудь лжеheroическими образами), или полное отсутствие мобилизующего архетипа противодействия злу. Как следствие - христианам останется лишь молиться, наблюдая за геометрической прогрессией зла в мире. Дай Бог, чтобы нашлись достойные молитвенники...

P.S.: Как отмечалось выше, Ильин мог ошибаться и ошибался. Безспорно, в его произведениях иногда можно найти такие моменты, которые граничат с профанацией христианства. Речь идёт прежде всего о тех эпизодах, когда он говорит про «государственное христианство». Но это, наверное, проблема не Ильина, а русской ментальности в целом: цезаропапизм слишком глубоко укоренился в недрах русской национальной души. С другой стороны, кто из нас ограждён от профанации? ..

Однако это не уменьшает ценности мыслей Ильина, точнее - ценности Веры и здравого смысла. Поэтому те слова, которые Ильин обрушивал на бесспорных профанаторов Веры Христовой - тех, кто почему-то верил не во Христа, а в Толстого - не теряют своей актуальности и поныне:

«Они говорят:

... – Нельзя бороться со злодеем: это грешно и стыдно! Можно только уговаривать его, упрашивать, умолять. А если он неистовствует, не слушает, насилиничает, – то надо сложить руки и покориться: пусть совершится неизбежное...

[...] Но почему же?

Почему «неизбежно» то, чего хочется негодяю? Почему, если он насилият мою сестру, убивает моего отца и брата, надругивается над моей женой и дочерью, терзает и унижает мою родину, – почему я должен «сложить руки и покориться»? Почему я должен признать это «неизбежным»? Почему я должен подавить в себе и любовь, и сострадание, и жажду помочь, и самоотверженный порыв, и гнев, и позор, – и покориться?» (см. подр.: Игорь Загребельный. Тризуб имени Дон-Кихота. М., 2015).

Проф. Ильин внёс изрядный вклад в «конспирологию». Введённый им термин «міровая Закулиса» приобрёл широчайшее употребление (подчас, черезчур уж «широкое», будучи «подхвачен» совецкими патриотами). Истории сего «термина», а также сравнительно малоизвестным на Родине исследованиям «Закулисъя», в основном проведёнными представителями Русской Правой эмиграции, отдан Второй раздел Сборника. Отметить надообно важный момент: «Среди недостаточно образованных сторонников правой идеи случается рессентимент в сторону идей Традиционализма, направленный причём в сторону авторов традиционалистического дискурса, а не на саму суть вопроса. Ведь если последовательно двигаться в укреплении правой позиции, то самой радикальной точкой и становится принятие (осознание) концепции Ур-фашизма (как это называл критик правой идеологии Умберто Эко), т. е. максимально радикальной, по сути фанатичной позиции торжества архаичной (и по сути единственно правой) системы общественного устройства, что существовала многие тысячи лет и окончательно деградировала только уже вместе с деградацией самого человека. Впрочем, радикальные проявления национализма в 20 веке потому и являются восстанием против (либерального и большевистского) времени, потому что основаны ровно на тех же вечных, а потому правильных, принципах - Вождизма, Иерархии, торжества Идеального над Материальным и т.д.

Те авторы, кто поучаствовали в открытии для нас этих ценностей (тот же Генон и, особенно, Эвала) не обязаны быть примерами в жизни или даже просто порядочными людьми, достаточно того, что они разбираются в теме и помогли лучшим из нас стать умнее. На уроках высшей математики мало кто будет интересоваться биографией преподавателей, так и здесь» (Алексий Лёвкин, гр. М8Л8ТХ). Это так, и всё же степень «разсогласования» меж человеком и провозглашаемыми им «идеями» имеет некий «предел». Самые Правые и правильные идеи могут быть спрофанированы, ежели их «носителями» окажутся персонажи, чья личная «годность» (термин, использовавшийся И.Ильиным) находится «ниже допустимого». Известно, что проф. Ильина связывали особо тесные отношения с такой организацией, как РОВС. У главы РОВСа в 1930-37 гг., ген. Е.К.Миллера (как и его предшественник, ген. Кутепов, похищенного и умученного чекистами) имеется выразительное суждение по сему предмету: «Пройдет лет сто или двести. Большевики рухнут. Потому что никаких природных ресурсов не хватит даже в такой стране, как наша Россия, чтобы прокормить безумное стадо. И вот тогда придут больные, изуродованные люди и попытаются – может быть даже искренне – что-то изменить. И ничего не получится, потому что заряд векового безсилия слишком силён. Но это, поверьте, не самое страшное. Те потомки дворянства, казачества, кои непостижимым образом уцелеют в кровавой мясорубке большевизма – случайно ли, ценою предательства предков – кто знает? Так вот, они создадут „дворянские собрания“, „офицерские собрания“, и так далее... Будут воссоздавать дипломы и родословные, звания и ордена, а по сути своей, всё равно останутся прачками и папикмахерами... Исключения только оттенят всеобщее печальное правило. Увы...». Под сим мог бы «легко» подписать и Ильин, с тем же печально-резюмирующим «увы-с»...

Возможны «споры» о том, «как на самом деле» относился И.А.Ильин к Фашизму и Национал-Социализму (вышедшие

из-под его пера свидетельства порою «противуречивы»), но невозможен «спор» о его отношении к Коммунизму, и вообще Советчине. Здесь всё более чем однозначно: до последнего земного «вздоха» Профессор-Крестоносец Иван Ильин, «приравняв к штыку перо», яро сражался против Красной чумы, поработившей Русь-Россию... «Всегда против Коминтерна», сей лозунг проф. С.С.Ольденбурга (одно время «коллеги» И.Ильина по парижскому «Возрождению», и соратника по антикоммунистической Борьбе) дал название Третьей части нашего Сборника. То, что полковник КГБ цитирует в своих речах Ивана Ильина - дело само по себе странное, если не сказать абсурдное. Апроприация современной РФ части русского исторического наследия - вещь крайне губительная для последнего, и вопрос о том, возможна ли вообще его ре-актуализация после текущих событий, вопрос из разряда «роковых»... Тем не менее традиционное «как нам обустроить в который раз Россию или то, что от неё останется» оставим для будущего, а сегодня паки напомним один из фундаментальных тезисов Ивана Ильина, - о том, что СССР (а оттого и его преемники) не есть Россия, обоснованию чего посвящена его нарочитая одноименная работа, которая, как можно понять, не потеряла актуальности до сих пор: «Советский патриот» предан власти, а не родине; режиму, а не народу; партии, а не отечеству. Он предан международной диктатуре, поработившей его народ страхом и голодом, открыто отменившей его сущую русскость и запретившей народу называться своим славным историческим именем» («СССР не Россия», 1947).

В Четвёртой части содержатся «Дополнения» к 1-й книге «Страстей...», а также рецензия на монографию полк. В.Л.Петрова, научного руководителя данной книжной «серии». Выше был упомянут незаурядный автор – в какой-то мере «ученик Ильина», хоть и связавший свою миссию не с Русским, а с Украинским национализмом – Игорь Загребель-

ный. Он был одно время ведущим идеологом организации «Тризуб им. Степана Бандери», название коей философически изъяснял, как «Тризуб им. Дон Кихота», описаясь на философемы Мигеля де Унамуно, выдвинувшего некогда примечательную концепцию «кихотизма» и «рыцарства Абсурда». Ильин был современником Унамуно, наверняка знал его труды, но вряд ли «одобрил» бы подобную эмблематику применительно к себе (культурологически, проф. И.А.Ильин был превесьма «консервативен», для него даже Бунин слишком «декадент», что уж говорить про Унамуно). Но, по-суги, Ивану Ильину весьма пригоже и сравнение с «Дон Кихотом» и поименование «рыцарем Абсурда», ведущим свой персональный Крестовый поход супротив «современного міра». Посему, полагаем благополезным заключить рецензию нашу экстрактом из «контемпляций» современных антисовременных малорусских монархистов-«кихотистов», из примечательной консорции «Ангарта» (<https://t.me/Angharta>) в нашем «перекладе». Эпиграф оставляем «в оригинале» из-за созвучия «Иван Ильин – Иван Богослов»:

РЫЦАРСТВО АБСУРДА

«Страждань зазнаєте у світі, але будьте відважні: Я світ переміг» (від Івана Святе Євангеліє 16:33)

Рыцарство абсурда - это авангард восстания против нового міра. Социологический и метафизический феномен - группы маргиналов, отчуждённых от общества, сообществ, которые потеряли веру в новейшие идеалы и из своих при-чудливых фантазмов створяют старый-новый мір. Согласно Эволе - современный мір это глубже, и много страшнее, чем технократия, тщеславие, «общество потребления» и так далее. Нет, говорит он - Мы пошли намного глубже, обращаясь к корням проблемы на основе общей исторической реконструкции и указывая на процессы, которые на протяжении продолжительного промежутка времени имели разруши-

тельное влияние на каждую идеальную ценность и высшую форму организации бытия. Восстание - это естественное и логическое следствие, жизненный ориентир и каждая клетка человеческой души, ежели она и в самом деле обретается в рядах рыцарства абсурда. *Мір Традиции* не является чем-то «просто данным», не подлежит статус-кво. Нет, воистину, он живёт в идеальном измерении человека, а значит и влияет на него как постоянный идеал. Если восстание - нормальное и естественное состояние, значит находится постоянно в борьбе с абсурдной реальностью, которая всем напоминает неважнецкую карикатуру на исторические и традиционные идеалы, быть рыцарем абсурда, означает быть цельной личностью. Причина по которой мы говорим « нет» современной цивилизации, а не просто поднимаем бунт ради бунта, легитимизация восстания - это желание предоставить наивысшее из всех возможных определений каждому из пониманий в божественном создании и призвании человека, супротив желания оппонентов установить царство вечного редукционизма вещей, умаление, ниспровержение их. Эти идеалы всеохватны, и касаются: «государства, закона, действия, представлений о жизни и смерти, священного, социальности, пола, войны и т.п., в дополнение к тем путям, которые, как было указано, ведут человека к его высшему выражению, по ту сторону сугубо человеческого состояния и в противоположность постепенному превращению в безликовое существо, «винтику», деталь абсурдного міра, в которомствуют материя и экономика, а деградировавшие человечкообразные животные проявляют заботу лишь о благосостоянии». В возвышении понятий к идеальным и в принятии их за постулат и правило-«канон», каждое отдельно, для борьбы, как хоругви фаланги рыцарства абсурда лежит и вся суть сей священной войны. Целостная картина міра, его красота, ценность, подлинность, наконец баланс, потому что «взявшись высоту найдёшь золотую середину» (Гр. Сковорода), нуж-

дается и в консервативном охранении и в революционной, «ребелианской» (от гишпанского «rebelion», сиречь «возстание») защите ценностей и понятий, которые служат красками в целостной картине Традиционного Міра... Возстание против нового міра - как подсознательный ориентир больших масс, которые могут быть объединены общим пониманием, достаточным для борьбы за общие идеалы и міроустройство, как борьба за конкретные, вечные понятия, заключённые в мысли Платона и Аристотеля, Унамуно и Донцова, Де Местра и Эволы, Юнгера и Морраса, Гегеля и Ивана Ильина и всех «батьків» прекрасного міра Традиции.

Роман Раскольников

Два Ивана

Формат 60 x 90 1/16 (144x210)

Объём 19,25 печ. л.

Печать офсетная

Тираж 100 экз.

Заказ №275

**Иван Солоневич:
Белый штабс-капитан
против Диктатуры Сволочи**

Страсти по Ильину

Ожесточённый «спор» вокруг ВПШ им. И.Ильина во главе с профессором-режёвным «профессором» национал-большевиком, воевавшим в своей «волчьорог» канустробледы патрётов, левчёв и либерастов – уводят, явным образом, «в туда-ся». И сам-то «спор»: кие о том-ся... Для тех, кто не до конца «срубается» – полспоря – сей Сборник. Вообще, нужно понимать очень ясно: концепт фашистский философ Ильин – протофашист Достоевский! Надобжко предполагает промежуточное звено. Это звено – Белое движение. Протофашист Достоевский – фашистское Белое движение – фанат Ильин (по сути, официальный идеолог Белых в эмиграции). Следовательно, не-фашизм, тем паче анти-фашизм, – это исключительно и только несоветский дискурс. Битва советских леворад (необхаринцев) и советских патрётов (неосталлинистов). Именно туда все пытаются запасть акторы этого «сабогадокинга»... А вот вы – не «загоняйтесь»... Аутентичная Русская религиозная философия – нам всем в помощь!

Страсти по Ильину

Страсти по Ильину

Приступая к формированию книги 2-й «Страсти по Ильину», Издатели почти благоподнесли разделить имевшийся материал на три раздела, сообщив трём основным «линиям мысли» Философа. Хотя проф. И.Ильин общепризнан как один из наиболее выдающихся отечественных «специалистов по Гегелю», всё же – его величайший вклад в Русскую и Христианскую Мысль, се не Hegel-Studien, а разработка христианской «Философии Сына».

Проф. Ильин внес изрядный вклад в «концептологию». Введённый им термин «эмвровая Закулиса» приобрёл широчайшее употребление (подчас, черезу́р уж «широкое», будучи «подхвачено» советскими патротами). История сего «термина», а также сравнительно малоизвестные на Родине изслеживания «Закулисью», в основном прописываемые в предисловии к Русской Печати эмиграции, отдана второй раздел Сборника. Важнейшим вкладом в концептологию, внесшим вклад в концептологии И.А.Ильин к Фашизму и Национал-Социализму (нашеснне из-под его пера свидетельство порою «противоречивого»), но невозможен «спор» о его отношении к Коммунизму, и вообще Советчине. Заслуга всё более чём однозначно: до последнего земного «взлоя» Профессор-Крестоносец Иван Ильин, «оправивший к штыку перво», про сражался против Красной чумы, поработивший Русь-Россию... «Всегда против Коминтерна», сей злодун проф. С.С.Озельенбурга (одно время «коллега» И.Ильина по парижскому «Возрождению», и соратника по антикоммунистической Борьбе) дал название третьей части нашего Сборника.

Страсти по Ильину 2